

PROBLEMS OF EASTERN EUROPE

NUMBER 37 - 38

Edited by Frantisek Silnitsky and Larisa Silnitsky

Copyright by *Problems of Eastern Europe*

Manufactured in the U.S.A.

Publication of this issue was made possible
by a grant from the National Endowment
for Democracy

**ПРОБЛЕМЫ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

37 - 38

Вашингтон

1993

Журнал редактируют: **Франтишек Силницкий**
Лариса Силницкая

Сотрудник редакции: **Людмила Алексеева**

Художник: **Лев Межберг**

Технический редактор: **Джули Моффетт**

* * *

Этот номер был издан благодаря финансовой помощи
американского Национального фонда в поддержку
демократии

СОДЕРЖАНИЕ

Люстрация: Быть ей в России иль не Быть?

От редакции.....5

О запрете на профессии для проводников политики тоталитарного режима.....7

Лоуренс Вешлер. Бархатная чистка: испытания Яна Кавана..... 10

Лоуренс Вешлер. От Кафки к Дрейфусу..... 89

Рита Климова. Письмо редактору "Нью-Йоркера"..... 94

Джери Лабер. "Охота на ведьм" в Праге..... 100

Петр Поспихал. Сомнения по поводу полицейских архивов..... 114

Статьи

Робин Фокс. Фатальная привязанность: война и человеческая природа..... 119

Лариса Богораз, Александр Даниэль. В поисках несуществующей науки (диссидентство как историческая проблема)..... 142

Национальная Проблемы

Натан Гарделс, Исая Берлин. Две стороны национализма..... 162

Уолтер Лакер. Идеология новой русской правой..... 176

Борис Грушин. Русские меньшинства в восприятии русского большинства..... 226

Адриан Каратницкий. Украинский фактор..... 235

Наука и Техника

Роальд Сагдеев. Атомный шпионаж и договор о нераспространении ядерного оружия..... 258

TABLE OF CONTENTS

Lustration in Russia: To Be or Not to Be?

From the Editors 5

Prohibiting Supporters of Totalitarian Regimes From Holding
Certain Posts 7

Lawrence Weschler. The Velvet Purge: Trials of Jan Kavan 10

Lawrence Weschler. From Kafka to Dreyfus 89

Rita Klimova. Letter to the Editor of The New Yorker.....94

Jeri Laber. Witch Hunt in Prague 100

Petr Pospichal. Doubts about Police Archives..... 114

Articles

Robin Fox. War and Human Nature.....119

Larisa Bogoraz, Alexander Daniel. In Search of a Non-Existent
Science (Dissent as a Problem for Historians).....142

Nationality Problems

Nathan Gardels, Isaiah Berlin. The Two Sides of Nationalism 162

Walter Laqueur. The Ideology of the Russian Right 176

Boris Grushin. How the Russian Majority Perceives Russian
Minorities 226

Adrian Karatnitsky. The Ukrainian Factor 235

Science and Technology

Roald Sagdeev. Stealing the Atomic Bomb and the Nuclear Non-
Proliferation Treaty 258

ЛЮСТРАЦИЯ: БЫТЬ ЕЙ В РОССИИ ИЛЬ НЕ БЫТЬ

От редакции

Когда в 1980 г. мы стали выпускать журнал "Проблемы Восточной Европы", то одной из задач, которые редакция ставила перед собой, было ознакомление читателей в СССР с политическим мышлением в этих странах. К тому времени в восточноевропейских государствах, главным образом в Венгрии, Польше и Чехословакии, были поставлены и изучены проблемы, с которыми, как мы считали, наверняка придется вскоре столкнуться Советскому Союзу. Опубликованные в журнале работы передавали знающим русский язык читателям опыт реформ тоталитарного общества, несмотря на то, что попытки проведения реформ во всех этих странах были подавлены Советским Союзом.

Мы надеялись подсказать "что делать", как использовать опыт стран, пытавшихся освободиться от навязанной им советской политической и экономической системы. Однако после краха коммунистических режимов оказалось, что переход к демократическому устройству — труднее и сложнее. И теперь, публикуя материалы о люстрации в Чехо-Словакии, редакция на опыте этой страны пытается подсказать читателям журнала "чего не делать".

Решение опубликовать подборку материалов, касающихся люстрации, было принято после того как предложение о принятии закона о люстрации было сформулировано и выдвинуто в России. Судьба этого предложения решится, разумеется, там и только там. В этой связи мы можем лишь еще раз процитировать Вацлава Гавела, бывшего чехословацкого диссидента, затем президента Чехо-Словакии, а сейчас президента Чешской Республики. Меняется название его страны, но не меняется Гавел. Вскоре после "бархатной революции" в своем но-

вогоднем послании он назвал падение нравов главным следствием правления коммунистического режима.

"Говоря о падении нравов, — отметил президент, — я имею в виду нас всех, ибо все мы без исключения успели сжиться с тоталитарным режимом, приняли его как неизменяемую реальность и тем самым удлиннили его существование... Никто из нас не может считаться всего лишь его жертвой, так как все мы участвовали в его создании... У нас нет права во всем обвинять одних лишь наших прежних правителей, и не только потому, что это было бы несправедливо, но также и потому, что это умалило бы меру той ответственности, которая сейчас требуется от всех нас — это ответственность, проистекающая из возможности отныне действовать самостоятельно, свободно, разумно и быстро".

О ЗАПРЕТЕ НА ПРОФЕССИИ ДЛЯ ПРОВОДНИКОВ ПОЛИТИКИ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА

События последних дней еще раз подтверждают обоснованность предложения Совета представителей "Дем.России" о необходимости инициативной разработки проекта закона о люстрации — запрете на некоторые профессии для лиц, являвшихся активными проводниками политики тоталитарного режима.

Опыт применения подобной практики в странах Восточной Европы пока оценивается противоречиво — главным образом, ввиду несовершенства принятых законодательных актов, а не из-за отказа от самой идеи профессиональных ограничений для людей, составивших опору власти, нарушавшей фундаментальные права человека.

Движение "Демократическая Россия" видит необходимость люстраций в качестве меры, препятствующей реваншу недемократических сил, успешно возвращающих сейчас свои властные позиции. Введение этой меры не преследует цели мести за ограничения на профессии, фактически существовавшие в нашем обществе для людей, непричастных к КПСС или ее "вооруженному отряду". Мы отвергаем также обвинения в призывах к мнимой "охоте на ведьм" и отрицании в праве на инакомыслие. На самом деле высокопоставленная коммунистическая номенклатура, в том числе и причастная к антиконституционному путчу, практически нигде в регионах не понесла ни моральных, ни материальных потерь; многие из ее деятелей остаются у кормила власти. В то же время демократы (особенно среди военных), вставшие на сторону Президента России, законной власти и рыночных реформ, повсюду в стране шельмуются, нередко подвергаются гонениям и увольнению.

Лицемерно защищаясь от несуществующей "охоты на

ведьм", некоторые монстры прежнего режима, порой причастные к его кровавым преступлениям и далекие от покаяния, готовы и сейчас по первому сигналу продолжить массовые репрессии, неотделимые от практики ленинизма и сталинизма. Наше общество, интеллигентно называя верных ленинцев и сталинцев инакомыслящими, как будто бы больше озабочено их комфортом, чем душевным и материальным состоянием жертв ленинизма и сталинизма — все это несмотря на широковещательные декларации о возвращении к общечеловеческим ценностям.

Движение "Демократическая Россия" констатирует отсутствие политических гарантий в нашей стране против возврата к тоталитаризму. Единственной сегодняшней гарантией против ползучего или насильственного переворота является воля прозревшей части населения, но не правовые институты.

Учитывая сказанное, мы выступаем с инициативой разработки закона о люстрации.

I. Представляется, что определенным профессиональным ограничениям на время переходного периода (на срок в 5-10 лет) в соответствии с этим законом должны подвергаться следующие лица:

1) все освобожденные секретари партийных производственных и территориальных организаций КПСС;

2) первые, вторые и третьи секретари райкомов, горкомов, обкомов и крайкомов КПСС;

3) работники (включая секретарей соответствующих ЦК, но за исключением технического персонала) центральных республиканских и союзных комитетов коммунистических партий, действовавших до 6 ноября 1991 г.;

Примечание: Перечисленные категории лиц подвергаются профессиональным ограничениям в следующих случаях:

а) если в общем стаже их трудовой деятельности на указанных должностях в сумме составляет 10 и более лет;

б) если на 21 августа 1991 г. они занимали одну из указанных должностей.

4) действующие штатные сотрудники и давшие подписку о сотрудничестве с органами НКВД—МГБ—КГБ—МСБ—МБР, либо работавшие в этих органах на протяжении десяти последних лет (включая резерв).

II. Под ограничением (запретом) на профессии для указанных лиц понимается временный запрет для них (на 5 или 10 лет) занимать *по назначению или в результате прямых выборов* ответственные должности территориальной исполнительной власти, начиная с глав администраций районов, городов, областей и вплоть до министров республик и Российской Федерации в целом (включая премьер-министров).

На срок до 10 лет для тех же лиц должна быть запрещена деятельность, связанная с преподаванием в средних и высших учебных заведениях.

Другие виды профессиональной деятельности, включая частный бизнес или работу в госсекторе, в том числе и на руководящих должностях, не возбраняются.

III. Ограничения на профессии для активных проводников политики тоталитарного режима не распространяются на лиц, получивших должности в системе представительной или исполнительной власти в результате прямых свободных выборов как формы волеизъявления народа.

Проект внесен 17 декабря 1992 г.
членом КС "Дем.России" Г. Старовойтовой

БАРХАТНАЯ ЧИСТКА : ИСПЫТАНИЯ ЯНА КАВАНА *

Поздним утром 25 ноября 1989 г. через контрольно-пропускной пункт Пражского международного аэропорта попытался пройти только что сошедший с самолета чисто выбритый сорокатрехлетний мужчина, предъявивший британский паспорт, выписанный на имя И.М. Джеймса. В те дни Прага быстро приближалась к апогею "бархатной революции", однако старый режим еще пытался цепляться за остатки власти. Маскировка Джеймса не обманула пограничников: в былые времена он носил бороду, так что ее отсутствие уже было маскировкой. Джеймса, согласно его собственному рассказу, вывели из очереди и препроводили в пустое помещение, где ему пришлось прождать несколько часов, пока из Праги не прибыла группа сотрудников чешской службы госбезопасности, так называемой СТБ. Начался допрос, который продолжался более двенадцати часов и записывался на видеомagneтофон. Первые вопросы задавались на посредственном английском, но уже через несколько минут приуставший начальник группы брякнул прямо по-чешски: "Хватит играть в эти игры, пан Каван".

Никакого И.М. Джеймса в природе, и вправду, не существовало. Напротив, Ян Каван был хорошо известной личностью. Двадцатью годами ранее, в дни пражской весны 1968 г., он был популярным студенческим лидером, а позднее, проживая в Лондоне в качестве эмигранта, играл важную роль в организации помощи одному из чешских оппозиционных движений. Посредством хитроумной системы контрабандных операций ему годами удавалось ввозить в страну многие тонны книг, журналов, аудио- и видеокассет, лекарств,

---

* *Lawrence Weschler. The Velvet Purge: The Trials of Jan Kavan. The New Yorker magazine, Oct. 19, 1992.*

видеокамер, копировальных машин и необходимых для них материалов. В обратном направлении вывозились опять-таки тонны рукописей, политических воззваний и видеозаписей. Впоследствии он основал агентство "Палах пресс", названное по имени Яна Палаха, юноши-студента, сжегшего себя на Вацлавской площади Праги в январе 1969 г. в знак протеста против охватывавшей страну политической апатии. Прямо перед своим выездом из Чехословакии Каван провел несколько часов рядом с больничной палатой, где умирал обожженный до неузнаваемости Палах, который перед смертью через одного из друзей просил, чтобы никто больше не пытался следовать его примеру. "Скажи всем, — прошептал Палах, — что для борьбы нужны живые". Вместе со своими соратниками Каван организовал многолюдные похороны Палаха, и он же договорился с властями о формулировке обращения к потенциальным подражателям Палаха, которое потом сам зачитал по радио. Каван, действуя через созданное им агентство, неустанно распространял за границей сведения о злоключениях своих оставшихся в Чехословакии друзей и союзников, апеллируя к журналистам, редакторам, дипломатам и защитникам прав человека по всему миру, не останавливаясь ни перед чем, чтобы только напомнить о себе и о ситуации на своей родине. Он сам перевел на английский и опубликовал многие важнейшие документы "Хартии-77" и других чешских оппозиционных движений, включая и знаменитое эссе Вацлава Гавела "Сила бессильных", на которое агентство "Палах пресс" получило авторские права. Он был среди основателей журнала *"East European Reporter"*, созданного для освещения эволюции всех просоветских режимов Восточной Европы и возникающих там оппозиционных движений, и немало сделал для установления связей между этими движениями. В общем, это был человек, к которому стекались беды и надежды множества других людей.

Вряд ли можно сомневаться, что при иных обстоятельствах чешская служба госбезопасности извлекла бы

максимум возможного из поимки Яна Кавана. Однако в тот момент оперативникам СТБ было не до него — власть ускользала из их рук с каждой минутой. Как обрадовался Каван, когда около полуночи один из участников допроса угрюмо отошел от телефона, по которому ему сообщили, что госбезопасность только что была вынуждена освободить из тюрьмы Петра Ула, одного из наиболее преследуемых многолетних противников режима. В конце концов Кавана с явным неудовольствием отпустили, хотя и предупредили, что СТБ будет тщательно наблюдать за его деятельностью в Чехословакии и что не исключено его повторное задержание. Каван запомнил слова старшего группы: "Мы не выполняли бы своих обязанностей, если бы не продолжали обсуждать развитие нынешних событий с одним из их главных участников". Через три дня Кавана и вправду задержали на несколько часов для нового допроса. Однако дальше этого дело не пошло, а через несколько дней с СТБ было, казалось бы, навсегда покончено.

Если не считать перерыва на этот второй допрос, Каван практически всю свою первую неделю в Праге (за исключением времени сна) провел в обществе своих друзей и соратников в помещении театра "Латерна Магика", ставшего нервным центром Гражданского форума — только что возникшего политического движения, возглавившего мирное восстание против правительства. Вскоре Каван был поставлен во главе службы по связям с международными средствами массовой информации (здесь ему пришлось заниматься примерно тем же, что он уже делал прежде), а через несколько месяцев он получил награду за свои многолетние труды в виде места в объединенной группе кандидатов от Гражданского форума на парламентских выборах. После легкой победы в одном из пражских округов Каван 27 июня 1990 г. вместе со многими своими старыми товарищами и союзниками принес присягу в качестве депутата Федерального собрания — первого свободно избранного послеккоммунистического парламента Чехословакии.

То ли из-за эмоционального напряжения, вызванного этим событием, то ли из-за ослабивших его здоровье тягот и трудов предшествующих лет, Каван прямо во время этой торжественной церемонии свалился с сердечным приступом и был унесен из зала на носилках. Второй приступ случился через два месяца. Врачи настоятельно советовали Кавану немедленно оперироваться, но он не хотел об этом и думать — ведь наступили времена, ради которых он жил все двадцать лет своей эмиграции, а фактически, по его словам, гораздо дольше, с того самого момента, когда пятилетним мальчиком увидел, как уводили из дома его отца, Павла Кавана, убежденного члена компартии, сотрудника Министерства иностранных дел, арестованного для дачи показаний на позорном процессе Рудольфа Сланского, который был самым отвратительным преступлением сталинистского режима в Чехословакии.

Павел Каван, бывший во времена своего студенчества в тридцатые годы социал-демократическим активистом, вступил в компартию, живя в Англии, в эмиграции, последовавшей за занятием немцами Праги в марте 1939 г. Его приход к коммунистам был в какой-то мере реакцией на массовый антисемитизм, с которым он столкнулся в частях чешской армии, где он служил во Франции в 1940 г. В то время коммунисты выглядели единственной подлинно интернационалистской чешской партией — они с готовностью принимали в свои ряды даже евреев. В годы своего изгнания Павел Каван все свои силы отдавал борьбе с фашизмом. Тогда же в Англии он встретил молодую учительницу Розмари Эдвардс, ставшую его женой. После войны он вместе с Розмари вернулся в Прагу, но уже через несколько месяцев супруги опять отправились в Лондон, поскольку Павел был назначен пресс-атташе Чехословацкого посольства в Великобритании. Там у Розмари родились два сына — в 1946 г. Ян, а на следующий год Зденек. В 1948 г. коммунисты окончательно пришли к власти в Чехословакии, и Павел Каван стал преданным апологетом нового режима.

В конце 1950 г. семья была отозвана в Прагу, а сле-

дующим летом как-то утром ее глава был увезен из дома сотрудниками госбезопасности. О нем вообще ничего не было известно больше года — вплоть до того дня, когда в ноябре 1952 г. он внезапно появился среди главных свидетелей на показательном процессе по делу так называемого антигосударственного конспиративного центра Рудольфа Сланского. Представленный государственным обвинителем как "сионистский буржуазный националист и титовец", Павел безжизненно-монотонным голосом признался в том, что был одним из ключевых участников предательского заговора, в центре которого находился бывший генеральный секретарь компартии Сланский (посмертно опубликованная автобиография жены Павла Кавана "Дорогая цена свободы" включает главу, которая читается как своего рода конспект "Слепящей тьмы" Артура Кестлера. Розмари описывает цепь мучений, которые вынудили ее мужа пойти на это "признание"). Другие свидетели изобличили самого Павла в том, что он использовал свою лондонскую должность для тайной антигосударственной транспортировки в Чехословакию и из нее различного рода вещей и документов. Одиннадцать из четырнадцати главных обвиняемых, включая и самого Сланского, получили смертные приговоры (почти все они были евреи). Большинство свидетелей по делу Сланского вскоре тоже были сурово наказаны. Павел Каван получил двадцать пять лет концлагерей. Его жену и детей выгнали из их прежнего жилья, лишили почти всего имущества и отобрали былые привилегии. Для них началась жизнь, полная мелких и не таких уж мелких преследований — например, учителя Яна неоднократно публично третировали его как "сына предателя". Павла Кавана освободили после трехлетнего заключения, но его здоровье было полностью разрушено, и через четыре с половиной года после этого он в сорокапятилетнем возрасте скончался от инфаркта. Его старшему сыну Яну было тогда тринадцать лет.

Ян Каван часто говорил, что с того самого момента он посвятил свою жизнь отмщению за убийство отца (он

считал его смерть именно убийством) и уничтожению того режима, который сломал жизнь Павлу Кавану и еще очень многим людям и в котором Ян видел извращение социалистического идеала. Самого себя он всегда считал убежденным сторонником демократического социализма (единственного, по его мнению, подлинного социализма). Этим взглядам он не изменил и в 1990 г., что поставило его в оппозицию к абсолютному большинству парламентариев, которые настолько поправились, что в своей вере в спасительные возможности свободного рынка оставили далеко позади даже Маргарет Тэтчер. Каван, непосредственно наблюдавший тэтчеризм в Англии, не уставал выражать сомнения относительно этих возможностей, что он делал весьма умело и настойчиво. Это многих раздражало, но все же работа Кавана в парламентском подкомитете по международным делам встречала всеобщее признание и одобрение.

Тем временем он влюбился. По его собственным словам, после двадцати лет без всякой личной жизни он, наконец-то, мог обрести нормальное существование, жениться, обзавестись семьей. Его невеста, моравская студентка Ленка Мазлова, была двадцатью годами моложе жениха. Они познакомились всего за несколько недель до начала "бархатной революции" во Вроцлаве на фестивале чешско-польской солидарности, который Ян помог организовать. Когда Ян прилетел в Прагу, Ленка была вместе с ним в театре "Латерна Магика". Поскольку Ленка родилась как раз тогда, когда Ян покинул Чехословакию, люди шутили, что он все начинает заново в точности с прежней позиции. 16 марта 1991 г. в солнечный весенний день их удивительно радостной свадьбы, которую праздновали в шикарном ресторане на холме над тихой рекой Влтавой, невеста была откровенно беременной (их дочь родилась уже в середине лета). Ян выглядел совершенно счастливым и умиротворенным — никто никогда его таким не видел.

Однако СТБ отнюдь не исчезла бесследно — она существовала в воспоминаниях людей подобно дурному сну, от которого стране еще только предстояло осво-

бодиться. Люди стали мысленно возвращаться к необыкновенным ноябрьским дням 1989 г., когда то, что началось просто как студенческая демонстрация, всего через несколько недель привело к окончанию эры тоталитаризма, и их стал точить червь подозрительности: каким чудом все совершилось так легко, почти как если бы этот исход был заранее спланирован? Быть может, думали многие, это именно так и было? Другие ни в чем не сомневались — конечно же, все должно было готовиться заблаговременно. У всех на слуху была такая версия ноябрьских событий: они были полностью срежиссированы службой госбезопасности, включая их начало — бессмысленное и демонстративно-кровавое подавление мирной студенческой демонстрации 17 ноября, сыгравшее роль катализатора последующего публичного возмущения. Теперь разгон этой демонстрации казался типичной умело организованной провокацией, с помощью которой один из краеугольных камней старого режима, вездесущий аппарат СТБ, сумел покончить с его менее удачливыми частями, — а все остальное было попросту закулисной игрой.

Изучение всех явных и тайных событий, которые привели к установлению в Чехословакии, как предполагалось, нового режима, было доверено парламентской комиссии из пятнадцати членов, названной Комиссией 17-го ноября. Когда она начала работу, слухи продолжали разрастаться как снежный ком. Говорили уже не только о том, что революция была делом рук СТБ, но и о том, что органам госбезопасности удалось наводнить новый парламент своими бывшими агентами и осведомителями, что среди законодателей можно найти множество лиц, обязанных или готовых следовать секретным распоряжениям законспирированного высшего командования, а также лиц, настолько скомпрометированных своими прошлыми связями с чешской охранкой, что их можно было путем шантажа заставить выполнять все ее приказы. Парламент внезапно оказался перед лицом кризиса легитимности, и в результате 18 января 1991 г. подавляющим большинством голосов принял резолюцию,

поручающую Комиссии 17-го ноября провести поголовную проверку всех без исключения депутатов на предмет их возможных связей с СТБ, используя для этого ее засекреченные архивы. В случае обнаружения документов, инкриминирующих тех или иных парламентариев как бывших сотрудников или осведомителей госбезопасности, применялась следующая процедура: подозреваемым давали возможность ознакомиться с уличающими их сведениями, после чего они могли в течение пятнадцати дней без шума подать в отставку. В противном случае по истечении этого срока им угрожало публичное разоблачение. Возможно, в душе Каван был не совсем согласен с этой резолюцией, но, по его собственным словам в те дни, он "не хотел заседать вместе с людьми, виновными в преследовании его товарищей".

Месяцем позже, 22 февраля, комиссия вызвала самого Кавана. Он увидел четырех людей, восседающих за прямоугольным столом, и один из них, Станислав Деватый, которого Ян считал своим другом и в чью поддержку он в 80-е годы организовал несколько кампаний, сообщил ему, что его имя фигурировало в тайных архивах СТБ вместе с его агентурной кличкой Като и другими инкриминирующими сведениями. Поэтому Кавану было предложено в течение пятнадцати дней самому подать в отставку.

Деватый уточнил, что сохранилась лишь небольшая часть личного досье Кавана, заведенного на него госбезопасностью: большинство материалов, содержащихся в этом досье, как и в делах почти всех ведущих оппозиционеров, неизвестно кем и когда были похищены или уничтожены. Однако было вполне достаточно того, что сохранилось: более пятисот страниц документов, детально фиксирующих активное сотрудничество Кавана с органами госбезопасности в 1969 и 1970 гг. Например, в его деле якобы сохранились документированные данные, фиксирующие обстоятельства его первоначальной вербовки сотрудниками СТБ в январе 1969 г., вскоре после самоубийства Яна Палаха. Кавана тогда задержали по обвинению в нарушении правил валютных

операций при попытке покинуть страну для продолжения годовичного обучения в Оксфорде. Каван в течение двух предшествующих лет уже несколько раз ездил за границу, будучи, по общему признанию, одним из активнейших международных представителей групп студенческой радикальной оппозиции как до так и после вторжения в Чехословакию войск пяти стран Организации Варшавского договора в августе 1968 г. Он выступал на различного рода форумах в столь удаленных друг от друга местах как Лондон, Париж, Чикаго, Беркли, Будапешт и Дубровник. Однако в тот далекий январский день он впервые подвергся аресту; все его деньги и, что гораздо важнее, его заграничный паспорт были конфискованы; внезапно оказалось под угрозой и его оксфордское образование.

Как утверждал теперь Деватый, из досье Кавана вытекало, что именно тогда с ним впервые вступил в контакт агент СТБ по имени Станислав Патейдл (агентурная кличка Павласек). Дело выглядело так: Патейдл якобы пообещал Кавану вытащить его из этой неприятности, иначе говоря, устроить так, чтобы тому вернули загранпаспорт и разрешили вылететь в Лондон — разумеется, в обмен на его будущее сотрудничество. Кавана обвинили в том, что он, струхнув, согласился на это предложение и в Лондоне почти сразу вышел на связь с коллегой Патейдла из чехословацкого посольства в Великобритании, неким Франтишеком Зайичеком (кодовое имя Захистал), работавшим под видом атташе по вопросам образования. В течение следующего года имело место свыше сорока таких встреч, во время которых Каван давал самую подробную информацию как на своих знакомых в студенческой среде, так и на главных английских союзников чешской оппозиции, включая таких известных деятелей как писатель и журналист Уильям Шоукросс и студенческий лидер Ричард Молиньо. Он якобы не раз действовал таким образом, чтобы приглушить или даже, где это было возможно, направить в ложную сторону массовые демонстрации протеста против усиливающихся ограничений политических свобод

в Чехословакии. Досье обрывалось на лете 1970 г., так что невозможно было сделать никаких выводов о последующей деятельности Кавана. Однако, с точки зрения комиссии, имевшихся в его деле документов было совершенно достаточно для установления его виновности.

Каван захотел увидеть эти материалы и получил решительный отказ — все документы не подлежали оглашению. Он спросил, каким образом он мог бы оспорить выводы комиссии, но оказалось, что никаких возможностей апелляции закон вообще не предусматривал. Кавану оставалось либо смириться с ее решением и в течение пятнадцати дней без шума подать в отставку, либо быть опозоренным перед парламентом и всей страной.

Потрясенный Каван не признал практически ни одного обвинения. Покинув заседание комиссии, он немедленно стал звонить друзьям, прося их о помощи. Один из них, Петр Ул, тоже ставший депутатом парламента, немедленно организовал собственное секретное расследование этого инцидента, которое показало, что дело было совсем не столь простым и однозначным, как утверждали Деватый и остальные члены комиссии. Все архивы Второго управления СТБ, занимавшегося вопросами внутренней безопасности, содержались в отменном порядке, включая и весьма полную генеральную картотеку, заведеную на людей, которыми в разное время интересовалась госбезопасность. Содержащиеся там сведения довольно однозначно характеризовали этих людей как секретных агентов, осведомителей, подозреваемых, либо, наконец, явных противников режима. (Правда, оставался открытым вопрос, все ли эти записи были точными, на чем они основывались и что означали.) В соответствии с парламентской инструкцией, Комиссии 17-го ноября следовало использовать для расследования архивы именно Второго управления, которые вообще не содержали сведений о Каване. Однако члены комиссии по своей собственной инициативе обратились к архивам Первого управления, занимавшегося зарубежной агентурой, разобраться в которых было гораздо труднее. Генеральной картотеки там

вообще не существовало, а индивидуальные досье были изрядно сдобрены всякого рода загадочными сокращениями. Например, в обнаруженном комиссией деле Кавана рядом с кличкой Като стояла пометка ДС, и никто не мог сказать, что именно она обозначала. Да и само досье было далеким от ясности: при одном прочтении из него вытекало, что Каван мог и не подозревать, на кого в действительности работали Патейдл и Зайичек, при другом — что он просто не мог этого не знать.

Вероятно, комиссия надеялась, что обвиненный Каван попросту уступит ее требованиям, так что его неуступчивость повергла ее членов в изумление. В течение целого месяца они неоднократно и под большим секретом встречались с Каваном и его доверенными друзьями, пытаясь найти выход из возникшего тупика. Ко дню свадьбы Кавана, 16 марта, казалось, что комиссия решила все же воздержаться от публичных обвинений. 18 марта Кавану, наконец, разрешили самому ознакомиться с частью его досье, шестидесятью страницами из пятисот — на условии, что он оставит дверь открытой и не будет ничего копировать. 21 марта комиссия вновь до самой ночи обсуждала его дело. В конце концов, шестью голосами против пяти при четырех отсутствующих было решено выдвинуть против Кавана публичные обвинения.

На следующий день представитель комиссии Петр Томан зачитал перед парламентом имена десяти разоблаченных ею агентов — Каван стоял в этом списке на пятом месте. Через несколько минут Каван выступил с парламентской трибуны с речью, которую телезрители могли видеть и слышать по всей стране. "Я страстно надеюсь, что хотя бы некоторые из вас смогут отнестись с доверием к тому, что я собираюсь сказать, — начал Каван, и в этот момент тридцать пять депутатов покинули зал заседаний. — Я осужден не на восемь недель или восемь лет заключения, — продолжал Каван, — но на то, чтобы до конца моей жизни носить клеймо человека, сотрудничавшего с секретной полицией".

Кавану было тогда немногим меньше сорока пяти лет — как раз тот возраст, когда жизнь его отца оборвалась

из-за сердечного приступа, причиненного целой серией поразительно похожих обвинений в предательстве.

* * *

"Кто-то, по-видимому, оклеветал Я. К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест". Этой цитатой из "Процесса" Кафки я начал свою опубликованную через несколько месяцев статью о деле Кавана. Аллюзия с Кафкой пришла в голову не мне одному, и уж тем более не я один писал об этом деле в газетах. После высказанных в его адрес публичных обвинений Каван сразу же активизировал свои международные контакты, которые у него сложились во времена, когда он руководил агентством "Палах пресс". Уж если Каван чем-то владел в совершенстве, так это искусством рассылать сигналы о помощи. Факс для него — все равно что рояль для Горовица. Всего за несколько дней Каван собрал по факсу множество заявлений известных журналистов и парламентариев из разных стран с самыми высокими оценками его неустанных усилий; среди ответивших ему деятелей печати были Эдвард Мортимер, Нил Акерсон, Кристофер Хитченс и Уильям Шоукросс (все они также высказались о деле Кавана в средствах массовой информации), среди политиков — сенатор Пол Саймон и председатель подкомитета по правам человека Европейского парламента Кен Коатс. Лично мне довелось знать Кавана много хуже, чем большинству этих людей, но в своей работе я регулярно использовал неизменно надежные сообщения его агентства. Мне также доводилось самому быть объектом его страстных призывов и упреков. Последний раз, как я припоминаю, это было в начале 1989 г., в связи с двумя голодовками Станислава Деватого; в этом, как и в других случаях, Каван всегда вопрошал, *почему я не реагирую с надлежащей силой?*

В апреле 1991 г. Каван ненадолго приехал в Америку и зашел ко мне в редакцию, чтобы рассказать о последних шагах по своему делу. Это невысокий и довольно

полный человек с похожей на грушу фигурой и большой лысоватой яйцеобразной головой. Он странным образом кажется одновременно и неряшливым, и претенциозным. Он начал с воспоминаний о том, как был потрясен, когда комиссия впервые предъявила ему обвинения. "Вдруг они без всякого предупреждения обрушили на меня все эти имена. Я с легкостью вспомнил многих названных ими англичан, моих друзей и единомышленников, но большую часть чешских имен я уже давно позабыл, даже если когда-то их и знал. Например, Патейдл — я смутно припомнил человека с таким именем, назвавшегося сотрудником Министерства иностранных дел. Он имел со мной дело, когда в январе 1969 г. конфисковали мой паспорт. Но мне тогда приходилось общаться со множеством людей, и я, вне всякого сомнения, не заключал с ним никакой сделки, да в этом и не было нужды. Тогда были сотни подобных случаев, и мой разрешился сам собой. Тогда все было совсем не так просто и однозначно, как это кажется сегодня. Не забудьте, что реформист Александр Дубчек формально еще был у власти. Русские пытались лишить его поста после их вторжения в августе, но сразу это не получилось, и они на время отступили. Звезда Густава Гусака была на подъеме, но и он в то время еще не выглядел столь уж скверно — в конце концов, он тоже пострадал в свое время по делу Сланского, и даже сидел в одной тюремной камере с моим отцом. Кто мог бы предвидеть, что именно он будет на самом верху удушающей "нормализации", продолжавшейся без малого двадцать лет?"

"Что же касается Зайичека, — продолжал Каван, то его я, действительно, помнил. Видите ли, даже проживая в Англии, я оставался одним из руководителей СВС (Союза студентов Богемии и Моравии), который тогда еще не был распущен. Естественно, что в этом качестве я поддерживал самые разнообразные контакты с посольским атташе по вопросам образования, — скажем, занимался продлением виз чешских студентов, оказавшихся тогда в Англии в довольно беспомощном положении.

Во время наших встреч Зайчик намекал на свои тайные симпатии к Дубчеку и вообще держался очень дружелюбно. В этом не было ничего особенного: чистки так называемой нормализации еще по-настоящему не начались, и в дипломатическом ведомстве Чехословакии, возможно, даже в самой СТБ, все еще работали сотни, если не тысячи, сторонников линии Дубчека. Кстати, карьера Зайчика в Англии закончилась его отзывом в конце лета 1970 г., и кто знает, по каким причинам. Это правда, что в своих беседах мы подчас заходили довольно далеко. Но я ни разу не раскрыл ему никаких секретов и не сообщил ничего такого, что могло бы кому-то повредить. Как я мог знать, что он записывал на пленку для передачи СТБ все мои слова, дополняя их подчас своими собственными вымыслами?"

Каван сказал, что он ни от кого не требует верить ему на слово, но имеет право на нормальное разбирательство своего дела с вызовом свидетелей и перекрестным допросом обвинителей. Он сообщил, что пытается обнародовать свое досье, но снабдив его собственными детальными комментариями. Однако соответствующие власти отказывались на это пойти, ссылаясь на священную секретность содержащихся там документов. В то же время они сами не раз допускали утечку содержащейся там информации, вырванной из общего контекста и иногда сильно вредящей репутации Кавана. (Позднее все триста членов парламента получили возможность ознакомиться со всеми без исключения материалами этого досье.) Каван прибегнул к единственно возможному для него средству юридической защиты, возбудив против министерства внутренних дел дело о диффамации в пражском городском суде, но в хаосе посткоммунистической юриспруденции оно было где-то похоронено. Все считали, что его упрямое нежелание подать в отставку было вызвано только лишь стремлением сохранить депутатское жалованье. Поэтому он заявил об отказе от него на все время своего пребывания в парламенте. Это был благородный, но довольно катастрофический для человека в его положении жест — у Кавана не было ни на-

коплений, ни других источников дохода, а на его руках были жена и маленький ребенок. Его стали злобно оскорблять по почте, причем не обошлось без особенно травмировавших его антисемитских писем и карикатур (он мне показал образцы этой корреспонденции). Более того, некоторые прежние союзники, в том числе и люди, утверждавшие, что они верят в его невиновность, теперь советовали ему уступить и подать в отставку.

"Весь этот процесс выявления связей с СТБ и декоммунизации сейчас страшно политизировался, — сказал мне бледный и трясущийся Каван. — Страна явно движется к краху. В чешских землях люди разом порвали со своей прежней коммунистической номенклатурой, или, по крайней мере, пытаются это сделать, в то время как в Словакии прежние аппаратчики, среди которых немало прямых бандитов и воров, обрели новую жизнь, перерядившись в националистические одежды и выставляя себя защитниками прав словаков. И в федеральном парламенте, и в словацком законодательном собрании эти люди вмешиваются во все и ставят палки в колеса любым полезным начинаниям. В итоге дела вообще не двигаются, а именно этого они и хотят. Ситуация просто ужасная. Есть немало честных людей, среди них и кое-кто из моих старых друзей, которые уверены, что единственный выход из этого тупика состоит в полном раскрытии длительных связей множества словацких политиков этого сорта с органами старой госбезопасности — ведь многие из них действительно имели такие связи. Кое-кто подозревает в этом даже их лидера Владимира Мечияра, хотя сам я в этом не уверен. Как бы это ни было, ключевой момент предлагаемой стратегии именно в этом".

"В такой-то ситуации внезапно всплывает мое дело, свидетельствующее, в чем я лихорадочно пытаюсь всех убедить, о серьезных дефектах процесса выявления бывших связей СТБ. И вот все эти добропорядочные люди приходят ко мне и с полным уважением заявляют: «Послушайте, мы прекрасно понимаем, что в вашем деле были допущены ужасные ошибки. Но неужели вы не мо-

жете не афишировать их, оставить все как есть, тихо уйти со сцены ради блага родины?» А для меня, — продолжал Каван, — самое ужасное во всем этом то, что когда-то следователи госбезопасности в точности такими же аргументами пытались убедить моего отца дать нужные им показания: «О да, конечно же, вы верный член партии, и теперь именно поэтому вы должны подписать признание — для высшего блага партии». Но меня на эту удочку не поймаешь».

Вскоре Каван вернулся в Прагу. Я написал статью о его случае, напечатал ее в "Вашингтон Пост" и занялся другими делами. Ситуация, в которую попал Каван, при всей ее бедственности, все же оставляла впечатление чего-то несерьезного: здесь явно виной всему была чья-то ошибка. Как только страсти утихнут, это станет для всех очевидным и Каван сможет вернуться к своей столь им заслуженной политической карьере. Однако этого не произошло. В течение года, прошедшего после нашей встречи, до меня доходили кое-какие малообнадеживающие слухи о деле Кавана, которое к весне 1992 г. выглядело даже более безнадежным, чем прежде. За всем этим явно крылось что-то, чего я не понимал, поэтому я решил направиться в Лондон и Прагу.

* * *

К тому времени я уже был готов к любым неожиданностям, хотя и не ждал никаких особых сюрпризов. Эта моя уверенность очень скоро рухнула, поскольку я быстро понял, что Каван был куда более сложной фигурой, чем я первоначально предполагал — или, во всяком случае, вызывал у тех, с кем общался, в высшей степени непростые и противоречивые чувства. Его деятельность в 1969-1970 гг. играла при этом относительно небольшую роль: сама суть его характера и особенности его карьеры просто взывали к вниманию исследователя.

У него хватало и друзей, и доброжелателей, в особенности из числа тех, на кого он, как считалось, давал ин-

формацию в 1969 и 1970 гг. Многие из них считали все обвинения против Кавана попросту нелепыми. Эдвард Мортимер, который сейчас руководит иностранным отделом газеты "Файнэншл Таймс", припомнил в беседе со мной, что в былые времена многие английские активисты миротворческих движений не доводили свое осуждение вторжения войск пяти стран Организации Варшавского Договора в Чехословакию до осуждения самого Советского Союза, поскольку они боялись сыграть на руку открытым сторонникам холодной войны. "Пусть это странно звучит в свете выдвигаемых против него обвинений, — заметил Мортимер, — но я точно помню, что Каван всегда принадлежал к числу сторонников наиболее радикальных массовых акций протеста с откровенно анти-советским звучанием".

"Вот что я вам скажу, — заявил мне Уильям Шоукросс. — Допустим, Каван действительно все это время работал на СТБ. Но это означает только, что служба госбезопасности сама осуществляла многолетнюю операцию, которая в конечном счете сильно подтолкнула крушение коммунизма в Чехословакии".

Но вот что интересно: даже превознося деятельность Кавана, мои собеседники часто весьма критически отзывались о его организационных способностях, о порядке в его скромной муниципальной квартире, о его умении ладить с людьми. "У него была просто сверх-естественная способность все усложнять и запутывать, — огорошил меня профессор политологии Вестминстерского университета Джон Кин. — Вам никогда не удастся нейтрализовать все нынешние нападки на Яна, просто апеллируя к тому, что он отличный малый".

"Он трудился так неистово, что его возмущало, когда другие не вели себя так же, и он всегда был склонен указывать людям на их ошибки. — Это слова Джоанн Лэнди, исполнительного директора нью-йоркской организации "Кампания за мир и демократию". — Он был чертовски результативным в своей работе, но в то же время безжалостным и неблагодарным. И это при том, что я соглашалась с его взглядами и действиями. Вообразите, что было бы в противном случае!"

Недовольство Каваном и в Лондоне, и в Праге в небольшой степени проистекало именно из его способа вести дела, например из тех методов, которыми он пытался установить связи между западными антиядерными движениями и восточноевропейскими диссидентами. "Мне он с самого начала показался подозрительным, — сказал мне в своем кабинете в Лондонском университете консервативный политолог Роберт Скрутон, давний активист Фонда Яна Гуса и защитник чешской свободы. — Я никогда не видел в нем агента — возможно, именно потому, что он уж очень на него походил и своим видом, и своими действиями, не говоря уже о вполне естественных подозрениях, вытекавших из коммунистического прошлого его семьи. Но его тяга к миротворческим движениям мне никогда не импонировала. Ему следовало бы знать, в какой степени все они были связаны с КГБ и насколько помощь им на Западе оборачивалась выигрышем для этой организации". Каван, конечно, утверждал прямо противоположное: только объединение диссидентских движений по обеим сторонам железного занавеса поможет разорвать порочный круг взаимно усиливающих друг друга гонок вооружений и тоталитарных репрессий. Но на таких позициях стояли лишь немногие чехи как в самой стране, так и в эмиграции, так что эти взгляды не могли принести Кавану много друзей.

В доступных мне описаниях Каван представлял человеком в высшей степени неуступчивым, даже мстительным и к тому же склонным к почти маниакальной секретности. Я встретил множество людей, для которых сотрудничество с ним в конце концов стало невыносимым. Один из них, Джордж Иоффе, в 1973-1976 гг. активно работавший вместе с Каваном в качестве менеджера и курьера при агентстве "Палах пресс" на заре его деятельности, сказал мне следующее: "Ян наделен загадочной способностью наживать себе врагов. Он просто не может вытерпеть, если кто-то знает больше, чем он сам, — в таких случаях он начинает выказывать этому человеку недоверие, делается скрытным, неуважительным, и все это неизбежно заканчивается конфликтом".

Несколько моих собеседников описывали Кавана как патологического лжеца, причем обычно это были люди, прежде его боготворившие. Иржина Шиклова, пражский социолог, которая несколько лет с конца 70-х до начала 80-х годов была главной фигурой в распространении публикуемых Каваном материалов в Чехословакии, говорила мне, что у чешских диссидентов всегда было с ним немало проблем. "Его деятельность была для нас страшно важной, — сказала Шиклова, — но до нас постоянно доходили пугающие сведения о стиле его работы. Мы постоянно выводили на него людей, собирающихся выехать на Запад; да, говорили мы им, с ним трудно иметь дело, но он совершенно незаменим и явно страшно перегружен. А кончались все эти попытки всегда одинаково. Все наши эмигранты после первых встреч просто влюбились в Кавана и в своих письмах домой расписывались в своем восхищении и обвиняли нас в предвзятости. Но уже через полгода они называли его чудовищем и упрекали нас в том, что мы их не предупредили должным образом о его невозможном характере. То же самое было и с его любовницами. Его личная жизнь была невероятно беспорядочной. Он использовал своих подружек, присылая их сюда в качестве курьеров. Они часто влюбились в Чехословакию и продолжали бывать здесь и после того как он давал им отставку. У меня тут была комната, которую я в шутку называла кабинетом по оказанию психологической помощи бывшим возлюбленным Яна Кавана — они приходили туда, чтобы поплакаться у меня на груди, и какие это были страсти, какие мучения! Я слушала их, и мне было смешно, поскольку передо мной все время маячил вопрос: "Боже мой, да что же такое они все в нем нашли?"

Одна из бывших подруг Кавана объяснила мне это так: "Он все время играл на своих слабостях: как же, он так перегружен и так одинок, и только ты одна можешь помочь ему достигнуть великую цель, в чем бы она ни состояла. Было просто невозможно побороть в себе желание оберечь и защитить этого человека. Позднее эта стройная картина начинала нарушаться маленькими

несообразностями. Он начинал без всякой причины кое-что рассказывать о других женщинах, конечно, обвиняя в разрыве их и только их. Рано или поздно он попадался на самой беспардонной лжи, и тут уж нельзя было не раскрыться всей правде. Кое-какие черты личности Кавана были присущи лишь ему самому, но с годами я стала понимать, что многое в его поведении было типично для чехов. Это постоянное смешение личного и политического очень точно описано у Милана Кундеры. Такова была вся их культура, замешанная на лжи и непреодолимом стремлении к скрытности".

Скрытность — слово, которое я чаще всего слышал в связи с Каваном. Кажется, он мог одновременно заниматься реализацией множества различных планов. (Говорили также, что у него есть несколько незаконных детей, но никто не знал, сколько именно.) Денежные дела Кавана были столь же беспорядочны: его контрабандные операции постоянно осуществлялись на грани финансового краха, который ему еле-еле удавалось предотвращать в самый последний момент и нередко крайне сомнительными средствами. Например, один разочаровавшийся в нем бывший единомышленник рассказал мне такую историю. Однажды кто-то подарил Кавану для отправки в Чехословакию копировальную машину, а еще кто-то тогда же пожертвовал деньги на приобретение такой машины. Каван попросту "купил" у самого себя подаренный ксерокс и прикарманил деньги. По уверению моего собеседника, такие вещи он продавал постоянно.

Возможно, во всем этом Ян никого так не напоминал как своего собственного отца — во всяком случае, если судить по автобиографии его матери Розмари. Павел Каван изображен там как грубо немногословный, властный, неблагодарный и чрезвычайно скрытный трудоголик (правда, все же не бабник). Я спрашивал Эдуарда Голдштюкера, старого друга и коллегу Павла Кавана, верна ли эта картина, и тот согласился, что в ней что-то есть, хотя и сделал оговорку, что в отце все эти черты были представлены не столь жестко, как в сыне: "Он все же не

делал себе из людей таких непримиримых врагов, как Ян, — заметил Голдштюкер. — Над ним знакомые все же чаще подсмеивались — ну, это же Павел, что вы от него хотите? Но я думаю, что кое-какие черты в натуре Яна вы ухватили верно, причем это относится не только лично к нему, но и ко многим другим детям «поколения Сланского» — они чувствуют потребность как бы довести до конца недожитые жизни своих идеализируемых ими отцов. Но в этой своей идеализации они превышают все разумные мерки. Это можно сказать и о Яне. Его отец был человеком самоуверенным и амбициозным, но в Яне эти черты развились до таких представлений о значительности своей особы, которые далеко превышают амбиции его отца. Он верит в свое великое предназначение, а это весьма взрывной и опасный комплекс».

О том же говорил и Джордж Иоффе. «Я думаю, — заметил он, — что поведение Яна во многом объясняется тем, что он безмерно идеализировал своего сидевшего в тюрьме отца, который, вернувшись домой, показал себя человеком весьма жестким, бесцеремонным, пренебрежительным. Сына он постоянно критиковал за то, что мальчик не соответствовал тому идеальному образу, который сложился у отца за годы заключения. А потом он внезапно умер, так что у Яна не было времени сблизиться с отцом и изменить его отношение к себе. Ему потом удалось добиться многого, но у него никогда не проходило чувство горечи и отчаянное стремление доказать отцу и после его смерти, что он не стал таким неудачником, каким его считал Павел».

Заместитель директора группы Human Rights Watch Кеннет Рот в разговоре со мной как-то заметил: «Своим чрезмерным ковбойством Каван отдалил от себя многих участников движения за соблюдение прав человека. С другой стороны, возможно, оно было необходимо для достижения столь отличных результатов». Говоря о «ковбойских» чертах Кавана, люди часто имели в виду его постоянную готовность вновь и вновь самому пересекать с паспортами на различные имена железный занавес. Паспорт на имя Джеймса, использованный им

для прилета в Прагу в ноябре 1989 г., отнюдь не был единственным в своем роде. Эти эскапады заставляли людей преклоняться перед Каваном, но и возбуждали подозрения, со временем все более глубокие — это особенно заметно в нынешней ретроспективе. Люди спрашивали, как ему удавалось все это проделывать так часто и так легко. Возникла мысль, что его защищали какие-то спецслужбы, возможно даже, их спецслужбы”.

Под конец нашей беседы Иоффе сделал еще одно замечание: “Хотя я порвал с Яном и с давних пор сильно не взлюбил его, — сказал он, — хотя я на много лет прекратил с ним всякое общение, я все же никогда не подозревал его в том, в чем его обвиняют сегодня. Судя по всему, его деятельность направлялась и управлялась довольно сложным набором побуждений, подчас даже казалось, что основой всего у него была потребность в самопожертвовании. Я никак не могу поверить, что он все время вел изощренную и циничную двойную игру с чехословацкой тайной полицией”. Тут Иоффе помолчал и потом добавил: “Хотя не исключено, что в такую игру он мог играть с самим собой.”

* * *

В центре всех споров вокруг прошлого Кавана был один инцидент, имевший место в конце апреля 1981 г., или, точнее, его последствия. К этому времени Каван с успехом организовал свыше сорока контрабандных операций в Чехословакию и из нее (в среднем по одной каждые три-четыре месяца), используя для этого специально переделанные трейлеры, оборудованные секретными грузовыми отсеками, способными вмещать даже копировальные машины. Но в тот апрельский день чешские таможенники что-то заподозрили и остановили один из кавановских грузовиков для детального осмотра. Водители-французы ухитрились проглотить большую часть секретной корреспонденции, которую они держали при себе, но весь остальной груз, включая несколько сотен экземпляров запрещенного в Чехословакии париж-

ского эмигрантского журнала "Svedectvi" ("Свидетельства") попал в руки властей. Через пару недель СТБ использовала этот случай в качестве предлога для сильнейшего удара по значительной части чешского оппозиционного движения. Среди арестованных оказалась и Иржина Шиклова, та самая, что служила главным связным Кавана в Чехословакии. Задержаны были (кто ненадолго, кто на неопределенное время) и многие ее знакомые, включая таких ветеранов оппозиции как Иржи Румл и его сын Ян, Иржи Хайек, жена Вацлава Гавела Ольга и его брат Иван, Иржи Мюллер и Карел Кинцл.

Пока чехословацкая пропагандистская машина разогревалась для, казалось бы, неминуемого большого показательного процесса, Каван у себя в Лондоне действовал все более лихорадочно. Он еще до этого пытался убедить молодого английского телерепортера Джулиана Мэниена сделать передачу о его чехословацких сподвижниках. После задержания трейлера Мэниен, буквально захваченный эффектностью этой истории и особенно ее секретно-авантюрным содержанием, согласился снять такой репортаж. Он отправился в Прагу для репортажей с места (и скрытых видеозаписей). После этого он вроде бы убедил Кавана (кто кого убедил на деле — одна из самых больших загадок этой истории) отправиться в Париж и сняться в аэропорту имени Шарля де Голля в инсценированной беседе с водителями фургона, заново воспроизводящей их первоначальную беседу. Итогом этого была получасовая программа, выпущенная в эфир Телестудией "Темза" 25 июня 1981 г. под заголовком "Последняя встреча?" Передача, с симпатией описывающая отчаянное положение чешских политзаключенных, была сделана мастерски — от экрана было невозможно оторваться. Однако по ходу передачи Мэниен сказал (если верить Кавану, этих слов не было в сценарии), что французские водители "имели на руках имена и адреса проживающих в Чехословакии связных секретной организации Яна Кавана", добавив затем, что все эти сведения теперь попали в руки чешской полиции, которая таким образом получила "достаточно сведений

для того, чтобы начать массовые аресты, что ей уже давно не терпелось сделать”.

Каван был потрясен и взбешен. По его уверениям, всего этого у водителей не было хотя бы потому, что ничего такого в природе вообще не существовало да и не могло существовать, поскольку безопасность всех его операций на том и основывалась, что он сам в каждый отдельный момент всегда имел дело лишь с одним связным на месте и совершенно не знал остальных членов той сети, по которой распространялись ввозимые материалы. Он клялся и божился, что в трейлере не было никаких списков и никаких незакодированных имен. Он заявлял, что все, кто утверждает обратное, не только порочат его репутацию, выставляя причиной арестов его собственную неосторожность, но также безответственно ставят под угрозу его арестованных соратников — ведь теперь чехословацкий режим сможет попросту сфабриковать такие списки, ссылаясь при этом на авторитет британского телевидения как на доказательство их аутентичности.

Английские друзья Кавана убеждали его бросить все это дело. Да, признавали они, телепередача кое-что подпортила, но все же, вероятно, вред от нее был не так велик, как ему казалось, да и некоторая польза тоже имелась. Однако успокоить Кавана не удавалось — напротив, он все больше выходил из себя. (Возможно, его неуступчивость объяснялась и тем, что его горячо любимая мать умирала тогда от рака и этот скандал омрачил те немногие дни, что ей еще оставалось прожить.) Он обратился в газету "Санди Таймс", которая в ноябре поместила громовую статью "Телеложь", поносящую как самого Мэниена, так и его передачу. Затем Каван подал формальную жалобу в квазиофициальную комиссию, занимающуюся разбором претензий к радио и телевидению, так называемую Би-Си-Си. После этого положение сразу осложнилось для всех, особенно для Павла Тигрида, знавшего, что по крайней мере один список в трейлере все же находился (сам он был этим особенно разгневан). Мы разговаривали с Тигридом

в его элегантном кабинете в Пражском кремле, который он после сорокалетнего изгнания, проведенного преимущественно во Франции, до недавнего времени занимал в качестве советника президента Гавела. "Я же *предупреждал* Кавана, — сказал Тигрид, — чтобы он ни в коем случае не отправлял вместе с экземплярами "Свидетельств" наклейки с адресами подписчиков. Их следовало посылать с особым курьером. Но он, как всегда, не обратил на это внимания, так что этот список, по всей вероятности, попал в руки полиции".

Тигрид оказался в особенно сложном положении, когда в Париже к нему обратились адвокаты Мэниена с просьбой, чтобы он направил Би-Си-Си письменные показания в поддержку Мэниена. Он выпутался, сославшись на то, что положение друга семьи Кавана и жителя Франции не позволяет ему выступать в качестве свидетеля, но то, что он был поставлен в столь двусмысленную ситуацию, его сильно расстроило. Сам Тигрид убежден, что Каван заварил всю эту историю прежде всего из-за своего "маниакального" стремления всегда и во всем оставаться в центре внимания. "Гонза работал как лошадь и сделал страшно много, — сказал мне Тигрид, используя уменьшительную форму имени Ян. — Но я всегда говорил ему, что его главная проблема состояла в том, что он хотел одновременно и *быть*, и *считаться* первым в мире конспиратором".

В конечном счете чехословацкие власти не пошли на проведение показательных процессов, и последний из арестованных по делу о трейлере через год был освобожден. Как сказала мне в Праге Иржина Шиклова, репортаж Мэниена никогда не использовался против кого-либо из привлеченных по этому делу. Она также заявила: "Каван ни в коей мере не несет ответственности ни за перехват трейлера, ни за последовавшие за этим аресты, да мы его в этом никогда и не подозревали. Сейчас нам уже известно имя виновного, и это не Каван".

Тем не менее, через четыре года после освобождения последних арестованных Каван все еще добивался разбора своей жалобы в Би-Си-Си. Отчасти благодаря

его настойчивым и в то же время неопровержимым заверениям, что на злополучном трейлере не перевозилось никаких списков, в 1985 г. комиссия вынесла решение в его пользу, указав при этом, что и телестанция, и сам Мэниен уже признали совершенную ими ошибку.

Вся эта история серьезно повредила репутации Телестудии "Темза" и лично Мэниена, так что неудивительно, что последний, несмотря на сделанные им уступки, все же решительно хотел очистить свое имя. После "бархатной революции", когда сам Каван неожиданно попал в число подозреваемых, Мэниен появился в Праге и, как можно предположить, установил какие-то контакты с чешскими властями, позволившие его адвокатам в дальнейшем добиться возобновления слушаний в Би-Си-Си. Это стало возможным, в частности, потому, что стали доступны недавно рассекреченные материалы следствия, проведенного в 1981 г. Министерством внутренних дел. Из них вытекало, что в машине был список подписчиков "Свидетельств", равно как и несколько отнюдь не закодированных писем к ряду чешских диссидентов.

Когда я связался с Мэниеном, он мне заявил, что его репортаж "был образцом точности и беспристрастности", Кавана же он назвал "злонамеренным лжецом", в течение многих лет отравлявшим жизнь и ему самому, и Телестудии "Темза". "Он обвинил меня не только в том, что я плохой репортер, — продолжал Мэниен, — но и в том, что я поставил под угрозу безопасность честных борцов с чехословацким режимом. Это были тяжелые обвинения, едва ли не самые тяжелые из всех, какие только можно выдвинуть против любого журналиста, особенно если тот знает, что они несправедливы, но не в состоянии этого доказать". Мэниен сослался на первоначальную жалобу Кавана в адрес Би-Си-Си, которая заканчивалась такой фразой: "Даже если бы Джулиан Мэниен состоял на службе у чешской тайной полиции, ему не удалось бы добиться большего", — выглядевшей, по мнению Мэниена, особенно иронически в свете того, что произошло с самим Каваном. Однако потом Мэниен подчеркнул, что небла-

говидная роль Кавана в деле с возбуждением жалобы в Би-Си-Си отнюдь не доказывает его виновности в связях с СТВ. Как сказал Мэниен, Каван может быть и очевидным образом является "лжецом мюнхаузенского масштаба", и в то же время он может быть совершенно неповинен в том, в чем его теперь обвиняют. Но в этом-то и состоит вся проблема, не так ли?

* * *

В ходе моей первой беседы с Каваном в Праге я заговорил о его жалобе на Мэниена. Меня интересовало, почему он счел необходимым скрыть истину от Би-Си-Си, заявив без всяких обиняков, что в трейлере не было вообще никаких списков. Он ответил, что его апелляция по своей сути была вполне точной, как вновь заявили комиссии его адвокаты во время недавних слушаний. (Поверенные Кавана тем временем уже успели признать существование списка подписчиков "Свидетельств")¹⁾ Каван продолжал настаивать, что в репортаже Мэниена все равно содержались ошибки: по его словам, какие бы сведения ни были получены полицией во время осмотра трейлера, среди них не было имен "связных" какой-либо "секретной организации", и юристы Кавана как раз и пытались убедить Би-Си-Си пересмотреть дело, исходя именно из этого факта. Его поведение в 1981 г. было якобы вынужденным, поскольку он пытался таким образом защитить арестованных, не дав властям повода объявить найденный список настоящим списком членов "секретной организации Кавана", ссылаясь на утверждение британской телестанции. "Прекрасно,— сказал я, — но почему же в таком случае вы продолжали это дело и после освобождения всех арестованных?" "Потому что их в любой момент могли арестовать вторично, — ответил Каван. — Необходимо было, чтобы утверждение, что списка не существует, было сделано официально. Кроме того, подобную процедуру всегда нелегко остановить на промежуточном этапе". Хорошо, но почему же он пренебрег советами Тигрида и отправил в трейлере список

подписчиков? "Тигриду было легко давать такие советы, — сказал Каван. — Но этот список занимал слишком много места: там ведь было двадцать четыре страницы адресных наклеек. Их нельзя было просто отправить с курьером, так что единственным выходом было поместить их среди других секретных грузов".

Мы разговаривали в кафетерии прямо в здании парламента. Не было нужды понижать голос, поскольку остальные посетители сами держались от нас на расстоянии: там было немало депутатов, которые лишь изредка поглядывали на Кавана через пустое пространство, разделяющее их и нас. Я спросил Кавана о приписываемых ему финансовых ухищрениях, в частности об истории с копировальной машиной. Каван казался смущенным. Он недовольно поскреб лицо. "Признаюсь, что счета и прочая бухгалтерия — это то, что я не люблю и к чему не питаю склонности, — сказал он. — Той истории с машиной я попросту не помню; впрочем, не думаю, что это была правда. Но я действительно все время испытывал нехватку средств и из-за этого постоянно передвигал деньги от одного проекта к другому. Видите ли, в отличие от Тигрида и некоторых других активных эмигрантов, я неизменно отказывался принимать помощь от иностранных правительств или разведок, так что мое финансовое положение всегда было отчаянным. Мои спонсоры предпочитали давать деньги на конкретные вещи, скажем, на покупку тех же копировальных машин, ведь в этом случае весь почет им и доставался. Однако никто не хотел финансировать дополнительные расходы по моим операциям, которые были совсем немалыми — например, деньги требовались на закупку и переделку фургонов, на их содержание на стоянках, на оплату расходов водителей, приобретение технических руководств, закупку лекарств и тому подобное. Так что я могу понять, что кому-то со стороны такое манипулирование средствами могло показаться подозрительным. С другой стороны, все знают, как я жил все эти годы, сколько нажил болезней, от которых страдаю и сейчас. Так что вряд ли кто-то серьезно думает, что я наживался на своей работе".

Я спросил Кавана о его "ковбойской" репутации, в частности о его постоянных пересечениях железного занавеса. "Тут уж нет просто ничего таинственного, — ответил он. — Чтобы поддерживать постоянные контакты с различными подпольными движениями, помогать им устанавливать связи друг с другом, собирать материалы для моего агентства, вообще знать, как развиваются события на местах, мне нужно было все время путешествовать. Оказалось, что это было не так уж и трудно. Родившись в Англии, я имел право на британский паспорт. Одна из приятных особенностей этой страны состоит в том, что там не слишком любят бюрократизм, так что в Англии весьма нетрудно легально изменить свою фамилию и заново получить на нее паспорт. Для этого существует простая процедура: заполните короткую анкету, уплатите пять фунтов, подождите несколько недель, — и дело в шляпе. И вот что примечательно: как мне говорили, фамилию можно менять сколько угодно, но вот имена — никогда, они считаются "от Бога". В этом отношении мне повезло, так как клерку, который оформлял мое свидетельство о рождении, ничего не говорило имя "Ян", так что он стал в свидетельстве "Иен Майкл". Тут Каван полез в свою сумку и вытащил десять паспортов с десятью различными, но технически законными фамилиями; фотографии тоже не были одинаковыми, но борода повсюду присутствовала. "Впервые я использовал эту технику в августе 1970 г. — вспомнил Каван. — Когда? Ну-ка, посмотрим вот этот паспорт. — И он протянул мне документ, выписанный на имя И.М. Фрезера. — Как вы видите, я отправился с этим паспортом в Прагу. Я мучительно старался тогда решить, вернуться ли мне домой или оставаться в эмиграции. Я все время казнил себя за то, что не разделяю бед своих друзей и единомышленников. Но именно они настаивали на том, что я должен жить за рубежом, чтобы публиковать там сведения о несчастьях моей страны и переправлять материалы через границу. Именно так, говорили они, я смогу принести максимальную пользу, но только если я буду подчиняться

их инструкциям и удовлетворять их нужды — так, как они их понимали. Мне это казалось разумным, и именно так я и действовал все следующие девятнадцать лет. При этом в течение семнадцати лет я ни разу не пересек границ своей страны, поскольку не хотел рисковать ни своей безопасностью, ни безопасностью своих друзей. Но, как вы можете видеть, кроме Чехословакии, я побывал практически всюду”.

Мы перелистали все эти документы, обратив должное внимание на визы и печати: Варшава, Будапешт, Бухарест, Восточный Берлин, София. “Однако к рождеству 1987 г., — продолжал Каван, — мне стало просто невыносимо бороться с ностальгией и чувством оторванности от родины. Я почувствовал непреодолимую потребность вернуться — хотя бы на время. Конечно, у меня были для этого и вполне деловые причины — накопилось немало вещей, которые надо было лично обсудить с коллегами, ведь не все решишь через курьеров. Я даже не знаю, что еще на меня подействовало — быть может, то обстоятельство, что у меня уже не было в живых ни матери, ни бабушки с материнской стороны, с которой я был очень близок. Если бы меня поймали и посадили в тюрьму, это ни для кого не стало бы личной трагедией. Естественно, попадаться мне совсем не хотелось, поэтому и тогда, и во время двух последующих поездок в 1988 г. я предпринял особые меры предосторожности. Вторую из этих поездок я совершил под именем И.М. Джеймса, вот с этим самым паспортом — каждый раз все обходилось без малейших осложнений. Только позднее, уже в конце 1988 г., возникла небольшая неувязка: кто-то о чем-то проговорился во время допроса совсем по другому делу, и меня предупредили, что я не должен пытаться опять проникнуть в страну под тем же именем. Я хотел получить еще один паспорт, следуя своей обычной процедуре, тут не было никаких проблем, но нужно было ждать несколько недель, а события в Чехословакии стали развиваться настолько быстро, что я решил рискнуть, и в ноябре 1989 г. прилетел в Прагу с тем же паспортом на имя Джеймса. И вот тут-то они меня и словили — в первый раз за все время”.

Глядя на разбросанные перед нами на столе паспорта, я задал последний вопрос: как он сам объясняет свою особую способность постоянно попадать во всякого рода неприятные ситуации? И не одно только это, но все эти повторяющиеся обольщения им и последующие разочарования в нем других людей, свою несомненную гениальность по части возбуждения подозрений и наживания врагов?

Каван задумался и медленно обвел взглядом помещение, а потом, нахмурившись, сказал: "Конечно же, все это для меня не тайна. Я надеялся, что во мне достаточно материнских черт, чтобы бороться с этими особенностями моего характера, но что верно, то верно — я постоянно воспроизвожу те особенности отцовского поведения, которые мне самому всегда были несимпатичны. Он тоже обладал исключительным умением терять друзей".

Это напомнило мне об одном месте в книге воспоминаний Розмари Каван, где она пишет, как Ян приехал домой из аэропорта в тот январский день 1969 г., когда власти конфисковали его паспорт, поставив под угрозу его возвращение в Оксфорд (ей было не дано предвидеть, чем все это впоследствии обернется в биографии ее сына). "Хотите узнать, как все это выглядело? — спрашивает Розмари и начинает описывать мольбы и жалобы Яна. — Это был голос Павла и его характерная реакция... Наследственность здесь явно неплохо поработала... Бедный Ян, его самого можно винить в этом лишь отчасти... Когда-то заключение отца вызывало у него сильнейшие мигрени. Психологически он приспособился к постоянному напряжению, но именно эта привычка вызвала у него склонность создавать непрекращающиеся стрессовые ситуации".

Каван барабанил пальцами по столешнице. Я спросил его, какой ход был дан его диффамационному иску против Министерства внутренних дел. "Дело движется очень медленно, — ответил Ян. — В ходе каждого заседания суда возникают нескончаемые технические сложности, после чего объявляется перерыв, иногда на

несколько месяцев. Я уже особо и не надеюсь, что таким путем смогу добиться справедливости. Это одна из причин, вынудивших меня подвергнуться процедуре люстрации".

* * *

Уже нередко отмечалось, что эта процедура так же неприятна, как и ее название. Слово "люстрация" происходит от латинского *lustratio*, что означает очищение посредством принесения жертвы. Принятый в 1991 г. чехословацкий Закон о люстрации, установивший основные правила ритуалов политического очищения, обязан своим появлением быстрой эволюции отношения общественного мнения этой страны к ее недавнему прошлому. В новогоднем выступлении 1 января 1990 г. Вацлав Гавел, незадолго до того ставший президентом Чехословакии, объявил "падение нравов" одним из главных следствий длительного правления коммунистического режима; однако он все же воздержался от слишком направленных обвинений по чьему-то адресу. В одном месте своей речи, во многом символизирующем мягкость "бархатной революции", президент отметил: "Говоря о падении нравов, ... я имею в виду нас всех, ибо все мы без исключения успели сжиться с тоталитарным режимом, приняли его как неизменяемую реальность, и тем самым удлинители его существование... Никто из нас не может считаться всего лишь его жертвой, так как все мы участвовали в его создании... У нас нет права во всем обвинять одних лишь наших прежних правителей, и не только потому, что это было бы несправедливо, но также и потому, что это умалило бы меру той ответственности, которая сейчас требуется от всех нас — это ответственность, проистекающая из возможности отныне действовать самостоятельно, свободно, разумно и быстро".

Такая позиция, одновременно дальновидная, открытая и совершенно четкая, символизировала взгляды многих людей в высших эшелонах новой власти, вклю-

чая и таких ветеранов оппозиции как чешский премьер-министр Петр Питхарт и министр иностранных дел Иржи Динстбир. В Чехословакии, как до того в Польше, было решено не искать очевидных козлов отпущения. Это отчасти вытекало (опять-таки, как в Польше) из самого способа окончательного перехода власти из рук коммунистов в руки их противников — ненасильственного, основанного на переговорах. Не так уж легко внезапно начать арестовывать тех самых людей, с которыми ты всего лишь несколько недель назад обменивался торжественными рукопожатиями. В Чехии эта снисходительность зашла настолько далеко, что в первые полгода существования нового порядка власти почти не обращали внимания на СТБ, что хотя бы частично объясняет пропажу столь многих ценных документов из архивов этой организации. Но эта же умеренность в свою очередь играла наруку все усиливающимся общественным настроениям, носители которых подозревали, что весь переходный период был всего лишь одной большой инсценировкой.

За длительное время тоталитарного господства хорошие люди успевают испытать множество неприятностей, а вот к подлецам жизнь нередко оказывается в высшей степени благосклонной. Во времена отхода от столь несправедливого порядка очень важно не забывать о последствиях, которые порождает это наследие. Слабостью в высшей степени благородной позиции Гавела было как раз то, что она не принимала их в расчет. В стране было множество людей, тяжело пострадавших от старого режима (это были отнюдь не только диссиденты), равно как и немало тех, кто причинил им эти страдания. Народ был возмущен как продолжающимися бедствиями жертв коммунистической системы, так и — и даже в большей степени — явной безнаказанностью их прежних мучителей. Ускользнув от наказания, эти бывшие хозяева жизни быстро научились использовать преимущества своего прежнего положения для собственного обогащения, опять оказавшись в роли победителей. Более того, многие чувствовали, что пока эти последыши прежнего режима смогут сохранять в своих руках

рычаги власти и влияния, они непременно будут саботировать все попытки создания нового общественного устройства — либо преднамеренно (возможно, даже систематически), либо просто своей деловой беспомощностью и некомпетентностью. С течением времени все громче звучали призывы ко всеобщей чистке этих авгиевых конюшен, реакцией на которые были лишь самые различные импровизации, предпринимавшиеся в тех или иных районах, министерствах или отраслях народного хозяйства. В итоге на центральное правительство оказывалось все большее давление, чтобы заставить его проводить какую-то единую политику в этой области.

В частности, правые парламентарии вели шумную кампанию за принятие законопроекта, который попросту запретил бы занимать любые важные государственные должности (к тому же это понятие определялось очень широко) всем бывшим партийным функционерам, занимавшим в аппарате должности выше определенного уровня, всем офицерам выше определенного ранга и всем без исключения работникам и добровольным помощникам службы госбезопасности. Хотя Гавел и его союзники признали обоснованность по крайней мере части этих настроений, они тем не менее возражали против лежащей в их основе идеи коллективной вины, иначе говоря, теории, согласно которой люди подлежали наказанию просто за принадлежность к определенной группе, независимо от личной причастности к злодеяниям, этой группой совершенным. Законопроект, представленный правительством в парламент в начале сентября 1991 г., требовал, чтобы чисткам подлежали лишь те члены вышеназванных групп, которых можно было обоснованно обвинить в участии в "нарушении прав человека". Правительство обязано было представить доказательства их вины, а обвиняемые получали определенные процедурные гарантии, включая право на апелляцию. При обсуждении законопроекта парламентарии правого толка возражали, что подобные гарантии возымеют обратное действие и лишь спасут большинство виновных от справедливого наказания, поскольку ока-

жется практически невозможным доказать участие конкретного лица в нарушении прав человека. Казалось, дебаты зашли в тупик, но позже, в октябре, на волне впечатлений от августовского путча в Москве, правым неожиданно удалось добиться принятия законопроекта, близкого их первоначальному предложению.

Как только парламент принял законопроект, президент Гавел оказался в драматической ситуации, во многом более щекотливой и сложной, чем все пережитые им, о которых он писал в свои диссидентские дни: подписывать ли законопроект, многие положения которого внушали ему отвращение? Однако некоторые весьма сильные практические соображения, среди которых немалое место занимала угроза со стороны бывших словацких коммунистов, перекрасившихся в непримиримых националистов, покушающихся теперь на само существование Чехо-Словацкой федерации, требовали от него утвердить проект. В конце концов он все же подписал его, но одновременно предложил парламенту внести в законопроект ряд изменений. Это был чисто символический жест, поскольку такие поправки ранее уже были отвергнуты парламентом.

Поведение Гавела в деле Кавана было на удивление похожим. В течение долгих лет Каван из Англии помогал переправлять на Запад и делать достоянием публики многие работы Гавела. Однако когда Кавана начали травить, Гавел, будучи президентом, отказался публично высказаться по этому вопросу. Возможно, у него были собственные сомнения относительно Кавана (в конце концов, даже в кругу оппозиционеров Каван казался достаточно противоречивой фигурой), но более всего, вероятно, потому, что он хотел остаться над этой схваткой, чтобы иметь возможность использовать все свое политическое влияние в более серьезных сражениях за сохранение единства страны. Если Гавела прямо спрашивали о деле Кавана, он предпочитал пускаться в общие рассуждения, насколько ему неприятны несправедливости, вызванные юридической слабостью процедур проверки. Впрочем, однажды он все же нашел способ выразить

личные симпатии Кавану, согласившись встретиться с ним и Петром Улом в популярном пражском кафе, так что слухи об их беседе имели все шансы быстро разойтись по городу.

Новый закон распространялся на всех людей, занимающих или могущих занять свыше двухсот тысяч государственных должностей. (Каван добился собственной люстрации, просто подав заявление о приеме на одну из них.) Если речь шла о партийных чиновниках высокого ранга, старших офицерах и штатных работниках госбезопасности, предписания закона были более или менее однозначны: все прежние обладатели этих должностей подлежали увольнению или, как минимум, понижению в должности. Ситуация осложнялась, когда дело доходило до засекреченных внештатных сотрудников СТБ — тайных осведомителей и т.п. В принципе, на "органы" мог работать любой — и многие действительно это делали.

Нужно знать методы работы СТБ, чтобы по достоинству оценить степень ее проникновения в чехословацкое общество. На Западе неплохо знакомы (в частности благодаря пьесам Вацлава Гавела) с классической для тоталитарного общества дилеммой порядочного (пусть даже в чем-то слабого) человека: отказаться или все же согласиться подписать петицию с выражением протеста против бесчестных действий властей, поставив тем самым под угрозу благосостояние и спокойствие себя и своей семьи? Дрожат руки, перед глазами расплываются строчки документа: подписывать или не подписывать? Но мы куда меньше знаем о трагедиях выбора иного рода, постоянно происходивших в прошлом как в Чехословакии, так и в других коммунистических странах. Органы госбезопасности требовали там от людей не просто подчинения — они требовали тайного соучастия. Они умели раскидывать вокруг понадобившегося им человека искусно сплетенные сети, множеством способов (от обольщения и подкупа до угроз и насилия) вынуждая его к сдаче своих позиций и переходу на их сторону. А поскольку все секретные служ-

бы были по самой своей сути организациями бюрократическими, все эти пируэты всегда заканчивались одним и тем же: листом бумаги и требованием поставить на нем свою подпись. Это был договор с дьяволом, и перед человеком вставал все тот же трагический вопрос: подписывать или не подписывать? Иногда дело вообще ограничивалось одной лишь подписью, иногда требовали большего. Подпись могла означать обязательство совершить что-то серьезное, но могла и просто удостоверить обязательство никогда и никому не разглашать сам факт контактов с тайной полицией (странное, если подумать, требование: "Распишитесь здесь в том, что мы никогда не встречались"). Агентов СТБ все время подталкивали к тому, чтобы они раскидывали все новые и новые сети, улавливая в них все больше людей и принося своему начальству все больше подписей, за что их вполне осязаемо награждали: скажем, еще три подписи — и получите телевизор. Как сейчас стало известно, подчас агенты сами фабриковали такие документы, приписывая их вполне реальным лицам: подписи могли быть поддельными, люди — нет. (Как заметил по этому поводу один наблюдатель, это не кафкианская ситуация, а скорее уж гоголевская или гриновская, нечто вроде "Нашего человека в Праге".) Все эти подписи стекались к единому центру и накапливались в единой главной картотеке. В этот же список вносили людей, на которых секретные службы сами собирали информацию, включая известных властям противников режима. Иногда по этим карточкам было нетрудно понять, к какой именно категории относится данное лицо, но часто это совсем не так ясно.

Во всяком случае, именно эта главная картотека оказалась в самом центре процесса люстрации в той его части, которая относилась к деятельности бывших органов госбезопасности. Драма расписок оказалась повернутой наизнанку, превратившись в драму идентификации. Согласно новому закону, все государственные служащие, начиная с определенного уровня, равно как и претенденты на соответствующие должности, были обязаны

подвергнуться процедуре люстрации. Их имена направляли на рассмотрение специальной комиссии Министерства внутренних дел, которая должна была в двухмесячный срок проверить их по этой картотеке. По окончании расследования людям выдавались особые справки, удостоверявшие, что их обладатели "СТБ-положительны" или "СТБ-отрицательны". Получатели отрицательных справок предъявляли их своим начальникам и в силу этого сохраняли свои должности. Но если кто-то получал положительное заключение, то лучшим выходом было незаметно уволиться со службы.

* * *

Когда кампания люстрации начала набирать обороты, она возбудила беспокойство ряда международных организаций, таких как Международная организация труда в Женеве и нью-йоркская Хельсинкская группа. Они осуждали многое: сам принцип коллективной вины, сомнительность достоверности картотеки СТБ, невозможность на ее основе разделить людей по группам виновности, ненадежность процедур юридической защиты жертв люстрации (включая слишком узкое право на апелляцию и так и не проведенное в жизнь требование к правительству брать на себя доказательство обвинений), вероятность выхода этой кампании за рамки одних лишь высших гражданских и военных должностей.

Директор американской Хельсинкской группы и старый защитник Хартии-77 и других чехословацких демократических движений Джери Лабер просуммировала эти опасения в статье «Охота на ведьм» в Праге», опубликованной 23 апреля 1992 г. в *"The New York Review of Books"* (см. также в этом номере "Проблем Восточной Европы", стр. 100-113 — Ред.). Многие из тех, с кем мне довелось говорить в Лондоне и Праге, были сильно раздражены и самой статьей, и особенно ее заголовком, поскольку он наводил на мысль, что чехословацкие события выходят из-под контроля и страна скатывается в объятия нового маккартизма. Кристина Стоун и Марк

Алмонд, соратники Роджера Скрутона, отправили на имя редактора "Review" письмо на бланке британской Хельсинкской группы, в котором они отметили, что "хотя госпожа Лабер упоминает о своих встречах с различными известными пражскими деятелями, ей, судя по всему, не довелось обсуждать закон о люстрации с Ярославом Баштой, председателем той самой Независимой комиссии, которой поручено его проведение в жизнь. Если бы такая беседа состоялась, страхи госпожи Лабер могли бы рассеяться. Он красноречивый защитник того принципа, что каждый человек должен считаться невиновным вплоть до убедительного доказательства обратного. Для датировки и установления подлинности найденных документов его комиссия использует криминологическую экспертизу и отнюдь не строит свои выводы на показаниях бывших агентов СТБ. Эти факты опровергают утверждение госпожи Лабер о том, что тайная полиция "все еще правит даже из могилы".

* * *

Помня об этом письме, я решил посетить господина Башту во время своего пребывания в Праге. Мы встретились в его кабинете, и я действительно нашел его как красноречивым, так и явно порядочным человеком.

Башта довольно молод — он примерно ровесник Кавана, которого он знал и с которым вместе работал, когда оба они были студентами-радикалами. Он получил археологическое образование, но ему запретили работать по специальности (по крайней мере официально) после того как в 1970 г. он был арестован и приговорен к тридцатимесячному заключению. После освобождения он работал в строительной промышленности, но в свободное время продолжал заниматься своей любимой наукой, опубликовав десятки статей по предистории Западной Богемии, высоко оцененных специалистами. В ходе нашей беседы он отметил, что многие из приобретенных тогда навыков оченьгодились ему в его нынешней работе: ведь теперь ему приходилось пере-

бирать и сравнивать множество противоречивых данных, чтобы найти убедительные интерпретации "пред- истории" справедливо или несправедливо обвиненных людей. После этого наша беседа перешла на проблему "археологии" коллаборационизма.

"Думаю, сейчас я уже знаю о ней все, что только можно знать", — с глубоким вздохом сказал мне Башта. Когда-то он одним из первых подписал Хартию-77, и он же стал одним из первых представителей Гражданского Форума в Министерстве внутренних дел, занимая различные посты и в этом министерстве и в тех учреждениях, которые пришли ему на смену. "Мне пришлось изучить сотни досье, — продолжал Башта. — Я теперь знаю, что существовали самые разные виды коллаборационизма и самые разные причины, по которым люди шли на сотрудничество с госбезопасностью. Кое-кто действительно снабжал СТБ информацией в силу своих убеждений, хотя таких людей оказалось на удивление немного. Некоторые доносили из мелкой зависти или сиюминутного желания отомстить. Были и прирожденные доносчики — во многих отношениях худшие из всех. Некоторые сотрудничали с тайной полицией ради материальных или карьерных выгод, некоторые — чтобы только сохранить свою должность. Кое-кого принуждали к этому путем шантажа: СТБ постоянно искала у людей уязвимые места и была готова использовать в своих целях любые просчеты и ошибки. Я слышал поистине ужасающие истории. На некоторых людей оказывали сильнейшее давление, когда они отбывали заключение за различные политические деяния или находились под угрозой ареста, и они не выдерживали и подписывали. Другие делали это ради своих близких, скажем, чтобы не повредить образованию сына или получить возможность навестить родственников за рубежом. Некоторые из подписавших начинали работать столь активно, что причиняли страшный вред своим соседям и сослуживцам. Другие, напротив, практически бездействовали и не поставляли властям совершенно никакой существенной информации. Были и такие, которые вскоре

ужасались содеянному и быстро прекращали всякие отношения с органами госбезопасности. Кое-кого чувство вины толкало на вступление (или возвращение) в ряды диссидентов, где они могли после этого работать годами и приносить большую пользу".

"Состояла ли ваша работа, — спросил я, — как раз в том, чтобы устанавливать все эти градации и давать оценку различного рода факторам, хотя бы частично извиняющим сотрудничество с тайной полицией?"

"О нет, — ответил мне Башта. — Большей части этих людей я бессилён помочь, поскольку закон в данном случае не предусматривает каких-либо смягчающих обстоятельств. Если вы когда-либо поставили свою подпись, если вас внесли в картотеку СТБ под рубриками А или Б (а это и означает, что в деле имеется ваша подпись), результат однозначен: вы считаетесь "СТБ-положительным", и никакая апелляция в данном случае не допускается. Вы подверглись люстрации. Закон позволяет нашей комиссии рассматривать лишь те апелляции, которые относятся к пограничной группе, так называемой категории В — она самая немногочисленная, возможно, там не больше двух тысяч дел. Здесь мы можем изучать все документы, включенные в их досье, вызывать свидетелей и брать у них показания под присягой. На основе всех этих данных мы и принимаем окончательные решения. Таких людей мы вправе очищать от подозрений. Но что касается всех остальных... — Тут Башта пожал плечами, помолчал и продолжал. — Я немало думал об этом законе, и должен признаться, что я невысокого мнения и о нем самом, и о его авторах"

* * *

Как за, так и против люстрации предлагалось великое множество аргументов, убедительных и не очень, но мне кажется, что реальный источник разногласий лежит где-то гораздо глубже. Сильнее всего я это почувствовал, задумавшись о двух поддержавших этот закон силах.

С одной стороны, за люстрацию яростно выступила

часть бывших активистов диссидентских движений. Количественно эта группа была в явном меньшинстве. В общем, вы можете быть почти уверены в следующем: если пройтись по относящимся к прежней Чехословакии спискам "Международной амнистии" и проверить отношение людей, внесенных туда, к процессу люстрации, то обнаружится, что чем сильнее данное лицо преследовали при коммунистическом режиме, тем больше оснований ожидать от него недогматического отношения к этой кампании. Тем не менее, в число ревностных защитников люстрации вошли некоторые видные члены оппозиции с большим стажем. Я долго беседовал с одним из них — это Павел Братинка, католический активист, решительный сторонник радикальных рыночных реформ, ставший одним из лидеров относительно малочисленной, но в высшей степени динамичной партии "Гражданский демократический союз". В ходе разговора я упомянул о паре случаев, сообщенных мне Баштой, когда люди подписывали обязательства о сотрудничестве либо из любви к своим близким (конкретно, из желания навестить живущую за границей дочь), либо вследствие шантажа. Затем я спросил Братинку, не кажется ли ему, что такие ситуации заслуживают особого рассмотрения?

Презрительно сжав губы, он заявил: "Если эти люди поддались шантажу в прошлом, кто поручится, что они не проявят такой же слабости в будущем? Народ имеет право защищать себя от своих былых поработителей; конечно, такие люди должны подвергнуться люстрации. Вся суть в том, что их трусость приводила к вполне определенным последствиям. Не все же подписывали, не все соглашались пожертвовать своей честью, даже если за это приходилось расплачиваться невозможностью выезжать в гости к родным. Если человек признает, что оказался слабаком, — а что еще доказывает его подпись? — то почему же окружающие не имеют права узнать о его слабости? И почему общество должно терпеть на ответственных должностях людей, на которых нельзя положиться? Я, специалист по физике твердого тела, был вынужден восемь лет работать дворником и кочегаром —

и это потому, что отказался дать им свою подпись. Каждый мог заработать себе на хлеб честным трудом, и те, кто предпочел пойти по другому пути, продемонстрировали редкостную этическую глухоту. Почему же сейчас эти факты не должны стать всеобщим достоянием?"

Столь непримиримая мстительность отталкивает и от Братинки, и от его единомышленников многих прежних союзников по диссидентскому движению. Я не раз слышал, что их сравнивают с Савонаролой — эта позиция вызывает именно такие ассоциации. Однако таких взглядов придерживается лишь малая часть сторонников люстрации. Правда состоит в том, что в Чехословакии у власти практически не было противников — именно это обстоятельство сейчас и обеспечивает достаточно массовую поддержку люстрации. Если в Польше в 1980-1981 гг. движение "Солидарности" решительно поддерживали миллионы людей, то чехословацкая оппозиция после 1968 г. насчитывала в своих рядах лишь несколько тысяч активных членов. Например, Хартию-77, при всем ее этическом весе и исторической важности, подписали только 1864 человека. Летом 1989 г., когда советские власти уже давно ясно дали понять, что не собираются защищать разваливающиеся "братские режимы", в Чехословакии петиция "Несколько фраз" собрала только тридцать девять тысяч подписей — и это при населении страны, превышающем пятнадцать миллионов.

* * *

"Страшно было именно это всеобщее молчание, а вовсе не подлости отдельных людей, — сказал мне журналист Ян Урбан, один из самых отважных и динамичных активистов оппозиции 80-х годов. — И весь нынешний шум вокруг люстрации — это просто способ замалчивать это молчание прошлого".

"Есть старая чешская притча о воре, кричащем «держи вора!», — сказал мне в Праге еще молодой ветеран диссидентского движения Вацлав Троян. — Не-

возможно отрицать, что при коммунистах великое множество людей жило вполне благополучно. Они ходили на первомайские демонстрации, состояли во всех обязательных организациях, вывешивали в окнах своих домов партийные плакаты — все как в известном примере Гавела. А в обмен на эту лояльность они получали радости приличного существования и могли спокойно строить и благоустраивать свои дачи". Эти дачи были важной частью проводившейся при Гусаке программы "нормализации". Например, в 70-е и 80-е годы пражане имели возможность получать в пригородной местности участки под застройку и возводить там всякого рода дачки и усадьбы. На своей земле они могли наслаждаться практически полной свободой, которая, однако, в ее границах и заканчивалась. С течением времени угроза изъятия всей этой дачной благодати стала в высшей степени эффективным оружием властей.

Вот что сказал мне при нашей встрече Ярослав Башта: "Возможно, вы и сами уже заметили, что больше всего проблем с люстрацией или иными сходными процедурами возникает как раз в тех странах, где старый режим рухнул внезапно и почти без подготовки — посмотрите на Чехословакию и Восточную Германию и сравните их с Польшей и Венгрией. В этом я вижу запоздалую реакцию на тот способ, которым мы покончили с коммунизмом. Люди обнаружили, что для краха режима им достаточно было всего лишь выйти всем вместе на улицы и покричать там несколько дней — ничего большего и не потребовалось. Так что по прошествии нескольких недель праздничного возбуждения они начали робко спрашивать себя — но если все оказалось так просто, почему же мы не сделали этого раньше? "Потому, что мы боялись", отвечали они сами себе. Боялись — но чего? Не так уж приятно было признаться в том, что, возможно, и бояться-то было нечего. Куда легче было разглагольствовать о дьявольском всепроникающем аппарате СТВ, чьи вездесущие агенты не давали нам вздохнуть все эти годы. Призывать к тому, чтобы эти агенты были поголовно обнаружены и изгнаны, было куда легче, чем признать ту истину, что нам самим всегда недоставало храбрости".

Зденек Каван, младший брат Яна, тоже уехавший в Англию, но стоявший там в стороне от оппозиционных движений (он преподавал международные отношения в Сассекском университете), подчеркнул в разговоре со мной, что нынешнюю чехословацкую чистку вряд ли можно считать чем-то исключительным. "Конечно же, меня всё это огорчает, — сказал Зденек, — но в целом я ожидал чего-то подобного, особенно в Чехословакии. В конце концов, мы имеем дело с небольшой центрально-европейской страной, не раз пытавшейся утвердить свою независимость, но многократно испытывавшей поражения от куда более сильных соседей. Чтобы выжить, люди должны были в той или иной степени приспособливаться к требованиям власти. В чешской истории нашего столетия с пугающей регулярностью повторяются налеты и откаты, имевшие место в 1918, 1938, 1945, 1948, 1968, 1989 гг., — общественные перемены, за которыми следуют репрессивные чистки. При этом периоды перемен всегда разделяются слишком короткими промежутками времени, в течение которых общество просто не успевает стабилизироваться или выработать общепринятые правила урегулирования разногласий. Эта протянувшаяся через всю нашу историю нить — своего рода аллергическая реакция на необходимость более ответственного поведения в сложных общественных ситуациях. Те, кто никогда и пальцем не шевельнул в борьбе с прежним режимом, сегодня вопят о необходимости чистки и требуют публикации оставшихся от него архивов. И это нетрудно понять: ведь достаточно не попасть в список коллаборационистов, чтобы считать себя совершенно неповинным во всех грехах прежней власти".

Итак, вы можете считать себя очищенным от любых подозрений и потому чувствуете себя вправе быть нетерпимым к чужим грехам. Когда я говорил с Баштой, он не захотел прямо обсуждать со мной дело Кавана, поскольку оно еще могло попасть на рассмотрение его комиссии. Однако он заметил, что хорошо помнит буквально тонны книг и прочих материалов,

переправленных в страну Каваном, причем его нынешние обличители в своем большинстве не то что не читали их, но и не видели, поскольку в прежнее время не осмелились бы даже находиться с ними в одном помещении.

Министр иностранных дел при Дубчеке и один из лидеров Хартии-77 Иржи Хайек с горечью заметил: "Как внезапно расхрабрились сейчас все те, кто раньше считал нас безнадежными донкихотами и ни в чем не осмеливался нам помогать!"

Ситуация выглядит даже более нелепой: ведь помимо вопроса, кто должен стать объектом чистки, возникает и другой вопрос — за чей счет? Хотя в законе о люстрации упоминаются различные категории людей (бывшие партийные функционеры старших рангов, сотрудники народной милиции, и т.д.), с точки зрения публики, он был направлен прежде всего против осведомителей СТБ, чьи имена обнаружили в ее картотеке. Именно они стали главным объектом общественного гнева — и совсем не случайно.

Переводчик Яна Франкова, человек хорошо осведомленный, сказала мне: "Весь ужас в том, что именно люди, активно демонстрировавшие свое неприятие режима, имели максимальные шансы на то, чтобы привлечь к себе внимание СТБ, и поэтому быть вызванными туда для собеседования или допроса. Независимо от того, поддавались они или нет на уговоры и угрозы своих искусителей, их имена все равно попадали в картотеку госбезопасности — исключений из этого правила было не так уж много".

В другой беседе мне довелось услышать расхожую фразу недавних времен: "Ну, он настолько недалек, что даже СТБ не захочет иметь с ним дело". Она хорошо иллюстрирует привлекательность картотеки СТБ как основной информационной базы нынешних чисток: туда с минимальной вероятностью вносились как явные глупцы, так и люди, намеренно устранившиеся от политики. Напротив (и отнюдь не случайно), бывшие активисты оппозиции имели повышенные шансы попасть

в этот список наряду с подлинными подлецами и предателями.

"Люди сейчас начинают понимать, что можно было жить не в молчании, не так, как жило большинство", — сказала мне Иржина Шиклова. Как социолог, она много пишет о так называемой серой зоне, иначе говоря, — о группе раздраженных менеджеров, бюрократов, преподавателей вузов и научных работников, которые не испытывали никакой любви к режиму, но при этом ни в малейшей степени ему не противодействовали. "Их большая совесть фиксируется на бывших диссидентах, которых большинство воспринимает как живой укор и, естественно, их сильно недолюбливают (пожалуй, за исключением Гавела). Не случайно лишь немногим из них удалось сейчас занять высокие государственные посты. Ненавидя себя за прошлое поведение, люди переносят эту ненависть на СТБ или на диссидентов. А если уж удастся заподозрить того или иного диссидента в сотрудничестве с тайной полицией, так это просто подарок судьбы, именины сердца. "Ну вот, — говорят они сами себе, — мы же всегда знали, что среди этих диссидентов кишмя кишели агенты СТБ, которая полностью контролировала всё их движение! А мы не хотели лезть во все эти идиотские игры — и были совершенно правы, так и надо было вести себя разумным людям".

Вскоре мне довелось услышать нечто подобное из уст организаторов Антикоммунистического союза, экстремистского крыла движения за чистоту общества. "Я тут был на встрече активистов Хартии-77, — сказал мне один из них. — Боже правый, я никогда еще не видел сразу столько агентов СТБ." Помолчав, он доверительно добавил: "Вы знаете, у нас есть данные, что это движение на треть состояло из агентов госбезопасности!"

Такие настроения выражаются не только расплывчатыми общественными эмоциями — они легли в основу очень четко составленной программы одной из наиболее успешных политических партий страны — Гражданской демократической партии, во главе которой стал тогдашний министр финансов Чехословакии (позднее

глава чешского правительства) Вацлав Клаус, харизматический политик и едва ли не самый убежденный и умеющий убеждать других сторонник как можно более быстрого перехода к радикально рыночной экономике. Все дело, однако, в том, что до ноября 1989 г. он ничем не проявил своих антикоммунистических убеждений. Образцовый обитатель того, что Шиклова называет "серой зоной", Клаус располагал тепленьким местечком в Институте экономики Академии наук, где мог даже позволить себе роскошь воздержаться от вступления в партию, поскольку его прикрывал шеф-коммунист. С другой стороны, ничего антипартийного Клаус в те годы тоже не допускал; говорят, уже в 1989 г. он отказался подписать петицию протеста против последнего заключения Гавела. Видный член оппозиции Рита Климова когда-то устраивала у себя дома для друзей и единомышленников просмотры новых западных видеофильмов, поступавших в страну с диппочтой. Как мне говорили, Клаус дал ей понять, что и он не отказался бы от этой возможности, но только при условии, что в квартире не будет никого из активных диссидентов, так что Климовой пришлось устраивать для "серозонных" кинолюбителей отдельные сеансы.

Для партии Клауса сложность состояла в том, что в стране были и другие сторонники свободного рынка (многие группировавшиеся вокруг Гражданского демократического союза Павла Братинки), и политики, которых отнюдь не приводила в восторг перспектива полномасштабного перехода к неограниченному капитализму (к этой группе относились многие сторонники Гражданского движения — партии министра иностранных дел Иржи Динстбира). Среди них было немало фигур, издавна прославившихся противниками коммунистического режима, например ветеранов Хартии-77 или даже событий 1968 г. Поэтому Гражданская демократическая партия прибегла к следующей стратегии: подрывать авторитет Хартии с помощью намеков на возможную роль СТБ и в то же время приносить достижения дубчековского периода, выставляя их как всего

лишь внутривнутрипартийную борьбу между коммунистами различных мастей.

Откровенно говоря, меня поразило, насколько успешно укоренилась эта ревизионистская интерпретация событий 1968 г. и насколько негативным было отношение многих моих собеседников к Дубчеку. Казалось, в соответствии с законом о люстрации, Дубчеку даже не удастся по истечении срока его полномочий председателя Федерального собрания вернуться на прежнюю скромнейшую должность в Лесном министерстве, которую он занимал при коммунистическом режиме. (Впрочем, нелепых попыток пересмотреть историю хватало по обе стороны баррикад. Хотя реформаторы поколения 1968 г. ни в коей мере не были коммунистическими лизоблюдами, какими их часто изображают, они отнюдь не имели в виду с самого начала ничего подобного нынешним радикальным преобразованиям, что бы они сами сегодня ни говорили по этому поводу.) Как бы то ни было, Каван был одновременно и ветераном событий 1968 г., и видным сторонником Хартии-77. Это сочетание делало его превосходным объектом для атак журналов, близких к партии Клауса.

* * *

Сторонники закона о люстрации любят указывать на те его положения, которые строго ограничивают сферу его применимости и гарантируют конфиденциальность рассмотрения дел. Среди выразивших недовольство упоминавшейся выше статьей Джери Лабер многие жаловались, что при ее чтении создается впечатление, что чуть ли не каждый желающий может получить доступ к спискам СТБ и тем самым добиться увольнения едва ли не любого человека — и это при том, что закон точно определил, кто именно подлежит люстрации и каким образом осуществляются абсолютно конфиденциальные процедуры установления индивидуальной виновности любого человека. Что же можно придумать разумнее? К чему весь этот шум?

Сложность, однако, состоит в том, что какими бы ни были намерения авторов закона и даже первоначальные способы его применения, ко времени моего приезда в Прагу весной 1992 г. практика люстрации явно стала выходить за предписанные этим законом рамки. Закон содержал перечисление должностей, обладатели которых подлежали люстрации, но он не запрещал подвергать той же процедуре людей, занимающих другие государственные либо частные должности, чем и воспользовались его сверхретивые исполнители. Когда министра просвещения спросили, правомерно ли подвергать люстрации старших поваров в школах (именно таким было одно из недавних требований), он ответил: "Это не вполне соответствует закону, но зато удовлетворяет требованиям публики".

Пока люстрация удерживалась в официальных рамках, можно было рассчитывать хотя бы на ее конфиденциальность. Однако вскоре стала обнаруживаться утечка данных как о самой главной картотеке СТБ, так и о содержании отдельных необработанных досье. Поначалу они выглядели совершенно случайными. Как-то после обеда я сидел в кабинете Питера Брода, блестяще информированного исследователя, работающего для радиостанции "Свобода"/"Свободная Европа". Вдруг заработала факс-машина, из которой без всякого сопроводительного письма поползли пронумерованные в алфавитном порядке списки людей вместе с датами их рождения, предполагаемыми агентурными кличками, архивными номерами и нынешними профессиями — всего 575 имен на пяти страницах. Станным образом Брод не проявил никакого удивления. "Ах, это?, — сказал он. — Сейчас такая информация поступает регулярно — все эти списки подозреваемых в связях с СТБ рассылаются неизвестно кем и без всяких просьб с моей стороны. Обратите внимание, это послание даже не содержит никаких обвинений, одни только имена и сопутствующие сведения, причем источник этих сведений также не указан. Сейчас это самое обычное дело. Мы не передаем такие списки по радио и не публикуем их

каким-то иным образом, но другие это делают. Кто возьмется гарантировать аутентичность этого списка? А если он подлинный, — что конкретно означает включение в него каждого отдельного имени? Город просто переполнен этими вещами”.

Сьюзен Гринберг, корреспондент газеты “Гардиан”, поделилась со мной трудностями, которые испытывает журналист, вынужденный работать в подобной атмосфере. “Если вы вмешиваетесь и добиваетесь уточнений — значит, вам самим есть что скрывать”, — сказала она. По ее словам, Стефан Бачинский, бывший руководитель ФБИС, преемницы старой СТБ, унаследовавшей ее картотеку, “недавно заявил, что критика в адрес ФБИС — это часть заговора по дискредитации Чехословакии. Люди просто уже не знают, что и сказать — ведь все дискуссии получают манихейскую окраску и сразу же переходят на личности. Конечно, это тоже часть наследия коммунистического режима. Я могу понять желание как-то примириться со своим прошлым, но меня возмущает, что как только вы пытаетесь защищать тот или иной принцип, вас сразу же начинают упрекать в необъективности. Из-за боязни такого навешивания ярлыков люди все чаще и чаще перестают обсуждать применение закона о люстрации”.

Ситуация готова была еще ухудшиться. Всего за несколько дней до начала избирательной кампании Стефан Бачинский внезапно заявил, что ФБИС составила (судя по всему, без чьего-либо разрешения или указания) список нескольких сотен журналистов, якобы бывших в прошлом осведомителями СТБ. На практике в компьютер заложили список членов обновленного Синдиката журналистов и сравнили его с пресловутой главной картотекой СТБ — в итоге и возник список Бачинского. Результаты этой операции, по словам Бачинского, оказались просто потрясающими; полученные данные якобы свидетельствовали о наличии серьезной и непосредственной угрозы национальной безопасности из-за возможности массовой дезинформации или шантажа (он, однако, не привел конкретных примеров ни того, ни другого). Ба-

чинский не назвал ни одного имени из этого списка, с достоинством заявив, что у него нет на это полномочий, но отметил, что передал копии главе правительства и председателю парламента. Ответом на это заявление были яростные дебаты, в ходе которых правые парламентарии потребовали немедленной публикации списка, чтобы защитить национальные интересы накануне столь важной избирательной кампании. В конце концов лидеры парламента решили ознакомить со списком всех депутатов, но не для принятия конкретных действий, а лишь для сведения; кроме того, от депутатов потребовали дать обязательство хранить содержание списка в тайне. "Отлично задумано, — сказал мне Ян Урбан, услышав эту новость. — Увидите, что из этого получится: не пройдет и суток, как весь список будет опубликован".

И действительно, в предсказанный Урбаном срок список появился в правой газете "Телеграф" — он содержал и имя заместителя главного редактора, всеми уважаемого журналиста Индржиха Ходы. "Телеграф" действовал без промедлений — Хода сразу же был уволен.

* * *

Мне представилась возможность поговорить с Ходой через несколько дней после случившегося. Он все еще выглядел совершенно потрясенным и сомневался, что ему когда-нибудь удастся найти такое же место. Как он мне объяснил, в свое время СТБ действительно на протяжении нескольких лет пыталась склонить его к сотрудничеству. Он работал тогда в газете "Лидова Демокрацие", где он в целом провел двадцать пять лет, из них пятнадцать — в качестве главы международного отдела. Эта ежедневная газета, орган издавна существовавшей католической Народной партии, продолжала выходить и в годы коммунистического режима и пользовалась несколько большей независимостью, чем большинство изданий, непосредственно контролировавшихся коммунистами, из-за чего газета сделалась объектом пристального внимания СТБ, постоянно пытавшейся насадить туда

свою агентуру. Самого Ходу сотрудники СТБ постоянно приглашали для совместной выпивки и дружеских бесед, а он, отчасти напуганный и отчасти озадаченный их бесцеремонностью, не смел отказываться. "Но я всегда сам платил за себя, — подчеркнул он, — а подчас даже и за них. Я знаю, что если бы позволил им платить за себя, это выглядело бы совсем непривлекательно, но так или иначе я все равно оказался бы в сомнительной ситуации". Людей из госбезопасности не интересовала информация о сослуживцах Ходы. Они хотели использовать его в качестве заграничного курьера. За все годы, что он возглавлял международный отдел газеты, ему ни разу не разрешили выехать за границу, но если бы он дал согласие брать с собой и оставлять в условленных местах особую "почту" СТБ, заграничный паспорт был бы ему гарантирован. Хода сказал, что он всегда отклонял подобные предложения. "И вот однажды они вдруг достали лист бумаги и попытались заставить меня поставить на нем свою подпись, — вспомнил Хода. — Все это выглядело очень серьезно. Я был испуган, но подписывать все же отказался — клянусь жизнью своих детей, я никогда ничего не подписывал и ни на кого не давал информацию. И вот лучшее доказательство этому — мне так никогда и не разрешили съездить за рубеж. Я хочу одного: пусть откроют мое досье, тогда каждый сможет убедиться, что там нет ни одного подписанного мною обязательства, всё это ложь. Но я абсолютно бесправен: я работал в частной фирме, она не обязана ни перед кем отчитываться за мое увольнение. Я потерял все, что только у меня было в жизни, и никакого выхода я не вижу".

Утверждения Бачинского относительно интересов национальной безопасности Хода назвал "полной бредятиной". Он показал мне номер "Телеграфа" с тем самым списком. "Вы только посмотрите на него, — предложил Хода, — там же есть и покойники — ФБИС даже не позаботилась о том, чтобы установить, живы ли все те люди, в которых она видит угрозу для национальной безопасности. В списке много имен спортивных коммен-

таторов, и это нетрудно понять — они должны были часто выезжать за рубеж. Однако в чем может состоять их угроза для безопасности страны?"

В списке были имена сорока бывших коллег Ходы по газете "Лидова Демокрацие". Он мне объяснил, что ушел из нее около года назад, когда ему предложили войти в команду, создающую новую ежедневную газету "Телеграф". Одним из ее издателей был Мирослав Мацек, вице-председатель партии Клауса, главным редактором — двадцатилетний Якуб Цисарж, не имевший вообще никакого журналистского опыта. На Ходу свалилось множество обязанностей — от найма сотрудников до ежедневного редактирования. Со всем этим он справлялся.

Через несколько дней я имел беседу с Якубом Цисаржем, человеком большого роста, внушительной внешности и абсолютного самообладания. Он выразил гордость тем, что именно его газета опубликовала список запятнавших себя журналистов, поскольку граждане вправе знать прошлое тех, через кого они получают новости; кроме того, по его мнению, эта публикация могла защитить тех же журналистов от шантажа.

Я спросил его о Ходе. "Он же был в списке, так что мы были вынуждены расстаться с ним, — сказал Цисарж. — Не сделай мы этого, как бы мы сохранили доверие наших читателей?"

Однако, возразил я, Хода настаивает, что он никогда не работал на СТБ и никогда не подписывал никаких обязательств. Может ли сам Цисарж сейчас сказать о Ходе что-нибудь плохое? Например, известны ли Цисаржу какие-то попытки Ходы дезинформировать читателей "Телеграфа"? "О, нет!" — воскликнул Цисарж, которого, кажется, это предположение даже рассмешило.

Действительно ли, спросил я, Хода сыграл ту важную роль в организации "Телеграфа", о которой он мне рассказывал: подбор сотрудников, руководство ежедневными операциями, и т.п.? "В целом, да". Был ли он профессионально хорошим редактором? "Вне всякого сомнения". Можно ли было на него положиться? Не лгал

ли он Цисаржу в чем-то важном? "Не думаю — ничего такого не могу вспомнить". Хорошо, но вот сейчас Хода клянется, что никогда не был осведомителем СТБ. Какие есть у Цисаржа основания в этом сомневаться?

"Дело в том, что мой хозяин, Мацек, заверил меня в стопроцентной достоверности списка — а у него есть свои источники информации". Цисарж помолчал несколько секунд, с явной неловкостью изучая носки своих туфель, а потом добавил: "И вообще, ведь это Мацек уволил Ходу".

Я обнаружил в списке еще одно неожиданное имя — фотографа Антонина Нового. Об этом человеке я кое-что знал. В 1968 г., когда советские войска вошли в Прагу, он как-то ухитрился проникнуть в уже занятое ими здание Чехословацкого агентства новостей и передать оттуда в венское бюро United Press International несколько фотографий советских танков на Вацлавской площади, окруженных яростными молодыми демонстрантами. Эти снимки на следующий день появились в газетах всего мира. Тогда никто не знал имени автора этих снимков и способ их передачи на Запад. Однако несколькими месяцами позже их выдвинули на Пулитцеровскую премию, и UPI запросило Нового, не возражает ли он против обнародования его имени.

"Я тогда согласился, — сказал мне Новый, — и, вероятно, зря, поскольку из-за этого попал под колпак СТБ". Я пришел к нему вместе с Аланом Леви, редактором пражской англоязычной газеты "Пост" — единственного издания, объявившего о своем намерении продолжать использовать работы Нового, несмотря на злополучный список. Новый, как и Хода, не мог скрыть своего потрясения недавними событиями. "У меня начались всякого рода неприятности, стало трудно публиковаться, — продолжал свой рассказ Новый. — Как видите, мне уже приходилось подвергаться преследованиям. Как-то в Брно на меня напали прямо на улице и измолотили до потери сознания. Потом меня стали таскать на допросы — десять раз на протяжении всего лишь нескольких недель. Я был поистине в ужасе. Я знал случаи, когда люди попросту исчезали — а у меня ведь было

двое маленьких детей. Шел 1973 год. У меня почти не осталось сил — ни физических, ни духовных. Но им как-то вдруг все это надоело — так это по крайней мере выглядело. Передо мной однажды положили бумагу, своего рода декларацию лояльности по отношению к режиму и органам госбезопасности. Мне пообещали, что если я ее подпишу, они оставят меня в покое. Да, я это сделал, я действительно там расписался, специально приписав, что это не означает моего одобрения советского вторжения. Как бы я хотел, чтобы удалось найти этот документ — все бы могли увидеть, что там на деле написано. После этого СТБ, в общем, перестала мной заниматься. И я вообразил, что по прошествии стольких лет мне удалось освободиться из их когтей”.

По словам Нового, еще за несколько недель до утечки в печать журналистского списка он стал получать совершенно хулиганские звонки от неизвестных ему людей. После публикации списка он обратился непосредственно к министру внутренних дел Яну Лангошу, своему старому и очень близкому другу, с которым его связывают и общие религиозные убеждения. Что происходит, спросил он министра? Что будет теперь со мной?

“Мы говорили по телефону, — вспоминал Новый. — Связь была отвратительной, я едва мог его слышать. «Ты же сам знаешь, что мы отслеживаем убийц», — услышал я от него. — Трудно даже вообразить, сколько у нас своих и зарубежных врагов — все это не так просто, мой друг. Я занимаюсь этими досье уже два года и я знаю, о чем говорю”. Но какое все это имеет отношение ко мне, спросил я. Он ответил, что не знакомился с моим делом — список журналистов был вообще составлен не по его приказу, этим занималась ФБИС. Я обратился к нему отнюдь не за помощью. Я не ожидал, что он сможет что-то для меня сделать — он действительно бессилен, он уж слишком на виду. Я просил лишь объяснений, но он мало что мог мне сказать. В конце концов наша беседа перешла в философское измерение. Мы заговорили о грехе, наказании и прощении. Я сказал, что едва мог узнать его голос — уж слишком явственно он походил на глас

Иеговы. «Антонин, — сказал он мне перед тем, как повесить трубку (и в его голосе звучало полное изнеможение), — Антонин, пожалуйста, звони мне почаще». Просто страшно подумать, что делает с людьми знакомство со всеми этими материалами».

Я спросил Нового, что он сам думал о причинах происходящего, о силах, стоящих за всей этой люстрационной лихорадкой. «Это либо прежняя мафия, пытающаяся возмутить общественное мнение и дестабилизировать положение в стране, чтобы самой уйти в тень, — ответил он, — или же это дело рук новых политиков, стремящихся отвлечь общественное внимание от серьезных экономических проблем и заполучить для себя те или иные кратковременные преимущества. Или же это комбинация того и другого». Помолчав, он задумчиво добавил: «А в общем-то это одно и то же».

* * *

На таком-то фоне Каван и попытался добиться рассмотрения своего дела. Ко всеобщему удивлению, когда 25 февраля (за несколько недель до публикации списка журналистов) Министерство внутренних дел, наконец, дало свое заключение, оно оказалось СТБ-отрицательным. Когда Каван в сопровождении Петра Ула пришел в министерство получать свой сертификат (так сказать, свидетельство о стопроцентном здоровье), он услышал там от одной женщины, что целых две недели сотрудники министерства не говорили ни о чем другом, кроме как о его деле. Министерское начальство, рассказала она, дважды распорядилось заново проверить все данные, но обнаружить в картотеке имени Кавана так и не удалось.

Однако Каван радовался недолго. Всего двумя днями позже, 27 февраля, министр внутренних дел Лангош лично объявил на специально созванной пресс-конференции, что произошла крайне неприятная ошибка и что случай Кавана все же оказался СТБ-положительным — по категории В. Он объяснил, что инкриминирующая информация содержалась не в генеральной картотеке СТБ,

а в самом досье Кавана: по его словам, удалось расшифровать таинственное сокращение ДС, которое означало "секретный сотрудник/конфиденциальные контакты". Лангош объявил об увольнении председателя комитета, который ошибочно вынес обеляющее Кавана заключение.

В течение нескольких следующих дней Лангош дал еще несколько противоречащих друг другу объяснений случившейся скандальной ошибки. Тем временем Каван оказался единственным в стране обладателем сразу двух в равной степени обязывающих удостоверений — первое объявляло его СТБ-отрицательным, второе — СТБ-положительным. (В связи с этим мне пришло в голову, что его случай лучше всего сравнивать не с образами Кафки, а с реальным делом Дрейфуса, где государство буквально выворачивалось наизнанку, пытаюсь доказать все более и более сомнительные обвинения.)

Каван, со своей стороны, немедленно опротестовал второе — положительное — заключение министерства в Независимой комиссии Башты, поскольку та была вправе заново пересматривать дела, проходящие по категории В. Он привел в свою защиту новые данные, говорящие о том, что рубрикация "секретный сотрудник/конфиденциальные контакты" появилась в языке СТБ только в 80-е годы, а ранее никогда не использовалась. Он начал формировать группу свидетелей, желающих выступить в его поддержку как в гражданском процессе, так и на слушаниях Независимой комиссии. Среди них был и Шоукросс, один из главных, если верить досье, объектов осведомительской деятельности Кавана. Несмотря на это, он был готов свидетельствовать в пользу Кавана. Хотя оба разбирательства обещали оказаться длинными и утомительными, Каван упрямо надеялся на восстановление своей репутации.

Тем временем его враги, явно обеспокоенные, что ему почти удалось ускользнуть, готовили контрнаступление. В этом им страшно помогло то обстоятельство, что всего через неделю, 5 марта, в Лондоне было объявлено решение Би-Си-Си, частично перечеркнувшее ее собственный вердикт от 1985 г. в пользу Кавана по его жалобе на

Мэниена и Телевидение "Темза" — первый такой случай в истории этой комиссии. Новое заключение комиссии по содержанию было довольно ограниченным. Отметив, что Каван, по его собственному признанию, был не до конца откровенен с комиссией во время первого слушания и, в особенности, отказавшись принять "то его объяснение, что сокрытие информации от комиссии оправдывалось необходимостью охранить безопасность других людей", комиссия аннулировала содержащиеся в ее первом вердикте порицания в адрес Мэниена, частично основанные на показаниях Кавана. В то же время комиссия отказалась вынести новое решение по всем претензиям Кавана — как за давностью лет, так и прежде всего потому, что, как говорится в ее заключении, Каван "однажды уже ввел комиссию в заблуждение, какими бы причинами это не вызывалось".

Такой исход очень обрадовал Мэниена, увидевшего в нем подтверждение достоверности своего старого репортажа. Он заверил меня, что язык нового вердикта Би-Си-Си ни в коей мере не был случайным: он основывался на многочисленных новых данных, включая доказательство, что в то время действительно существовала некая "секретная организация", занимавшаяся сбором средств и переправкой материалов. Каван и Тигрид входили в число ее руководителей, ее члены жили как в Чехословакии, так и за границей, имена и адреса многих из них действительно содержались в обнаруженном полицией списке подписчиков "Свидетельств" или в незакодированных письмах — правда, там *ничего* не говорилось об их связях с этой организацией. Как бы то ни было, был ли сам Каван осведомлен обо всех тонкостях своих контрабандных операций или нет, именно созданную им сеть Мэниен и имел в виду, говоря в своем репортаже о наличии "секретной организации" и ее "связных", или "контактов". "Можно было надеяться, что новые сведения раз и навсегда положат конец всей этой истории, но лично я в этом сомневаюсь, — сказал мне Мэниен. — Иметь дело с Каваном — это все равно что разбивать на части русскую матрешку: стоит вам прорваться

через какой-то уровень неточностей и обмана, под ним сразу же обнаруживается еще одна кричащая ложь, возможно, не столь значительная, как та, что ей предшествовала, но все-таки ложь, а не истина. Весь вопрос в том, захочет ли кто-нибудь добратся до самой последней куклы и посмотреть, что она из себя представляет". У меня возникло впечатление, что все это мало-приятное и запутанное дело стало сводиться к чисто семантическому спору о том, что же именно оба его главных участника имели в виду или подразумевали десять лет назад, используя такие термины как "секретная организация" и ее "связи".

Как бы то ни было, сведения из Лондона позволили Бенъямину Курасу начать одну из двух его убийственных статей, помещенных 9 марта в правом пражском еженедельнике "Респект" с сенсационного (хотя и ошибочного) утверждения, что Би-Си-Си только что объявила Кавана "виновным в лжесвидетельстве". Очень многие в Праге сразу приняли это утверждение за истину в последней инстанции; дело, однако, в том, что Би-Си-Си в силу своего статуса вообще не имела права выносить подобные обвинения, а ее подлинный новый вердикт по делу Кавана—Мэниена был куда более осторожным и сбалансированным.

Каван внезапно обнаружил, что попал в ловушку, причем отчасти по своей собственной вине. В Лондоне Мэниен и телестудия использовали предьявленные ему в Праге (и, возможно, фальшивые) обвинения в связях с СТБ в качестве одного из аргументов, убедивших Би-Си-Си пересмотреть ее первый вердикт. А теперь пражские недруги Кавана, в свою очередь, смогли использовать против него неправильно изложенный новый вердикт этой комиссии — и при этом с потрясающей эффективностью. Отныне когда бы Каван ни попытался опротестовать обвинения в сотрудничестве с СТБ, его враги могли немедленно возопить, что "даже британские суды" объявили его лжецом — что толку вообще слушать такого человека? Это была уже полная неразбериха — но такая, которую даже изумленные друзья Кавана называли "воплощением кавановщины".

Но и это было не всё. Когда Каван попал в столь затруднительное положение, за него одновременно взялась лондонская и пражская пресса. "Был ли чешский диссидент осведомителем секретной полиции?" вопрошал заголовок статьи Джона Суини, появившейся 8 марта в воскресном издании "Обсервера". ("Досье показывает, что целое поколение британских радикалов водили за нос", отвечал подзаголовок.) Хотя Суини начал статью более или менее беспристрастно и привел несколько неопровержимых показаний, вскоре он отказался от этой нейтральности. "Если на одной чаше весов — сочувствие к Кавану, то на другой — сотни страниц, содержащихся в досье Источника Като, сперва проходившем под номером 11777/307, а позднее перенумерованным в 12402/332, с которым удалось познакомиться "Обсерверу", писал Суини. Он добавил несколько позорящих Кавана деталей, например тот факт, что в его досье содержалась как минимум одна расписка в получении им денежной суммы, в данном случае, тридцати фунтов стерлингов ("цифры с библейским резонансом", не преминул намекнуть Суини).

Хуже всего, возможно, было то, что Суини сообщил о существовании видеозаписи, сделанной в конце ноября 1989 г., вскоре после "бархатной революции", на которой "Каван появляется в компании двух, судя по всему, знакомых ему офицеров СТБ". При этом, как отметил Суини, Каван тогда только что вернулся с заседания Гражданского форума. Каван за бутылкой шампанского говорит о резервировании места в гостинице; один из агентов предлагает вновь заказать для него номер на определенное число, а Каван отвечает "Нет, попозже". Правда, Суини привел утверждение Кавана, что всё это дело было подстроено. Но закончил он свою статью ссылкой на второй вердикт Би-Си-Си, аннулировавший свое первоначальное решение на том основании, что Каван скрыл от нее существенную информацию и тем самым ввел в заблуждение ее членов.

Статья Кураса, появившаяся в газете "Респект", была выдержана в том же духе, но содержала куда больше деталей. Обе статьи были так похожи, что многие сочли

их частью одной и той же скоординированной кампании. В связи с этим стоит заметить, что Суини в свое время работал для Телевидения "Темза", а несколько свидетелей в Праге заявили, что Курасу и Мэниену также доводилось сотрудничать. То досье, на котором основывались статьи Суини и Кураса, все еще считалось секретным и потому ни в коей мере не подлежащим разглашению, поэтому организация утечки находящихся там сведений технически должна была квалифицироваться как преступление; сам Каван не имел тогда его полной копии. Это не помешало заинтересованным лицам рыться в его содержании. Как заметил один наблюдатель, журналисты с нужными связями и нужной репутацией стали пользоваться архивами СТБ "как настоящим библиотечным абонементом". Когда я спросил одного из сторонников люстрации о правомерности таких утечек, он мне ответил, что государство должно защищать себя от притязаний тех, кто без всяких на то оснований заявляет о своей невинности.

Хотя "Обсервер", в конце концов, поместил и письмо-опровержение Кавана, его протесты попали на страницы лишь двух чешских газет, да и то в предельно краткой форме: англоязычной "Пост" и бывшего органа компартии "Руде Право". "С какой стати мы должны сообщать об этом?", не раз доводилось мне слышать. "Он же пойманый за руку лжесвидетель". Еще больше приводит в замешательство тот факт, что ни одна чешская газета (опять же за исключением "Поста" и "Руде Право") не уделила особого внимания тому, что 18 марта была обнародована драматическая петиция в защиту Кавана, подписанная двадцатью пятью бывшими видными диссидентами, в которой они гневно протестовали против развязанной против него "кампании в средствах массовой информации", объявив ее "несовместимой как с принципами гражданской и журналистской этики, так и с принципами права".

Антикавановская кампания явно торжествовала: всю его жизнь вывернули наружу и прочесали вдоль и поперек в поисках доказательств его предательства. Хуже

всего было то, что, несмотря на явную недобросовестность многих посвященных ему публикаций, кое-какие сведения о нем крайне обескуражили даже его самых ревностных сторонников. Многочисленные копии с копий злополучной видеозаписи "допроса с шампанским" циркулировали повсюду. Мне тоже довелось просмотреть одну из них; хотя качество звука было неважным, вся сцена производила отталкивающее впечатление и, честно говоря, после этого мне было трудно принять любое простое объяснение случившегося, утверждающее безгрешность Кавана.

* * *

Я вновь встретился с Каваном, на этот раз в его кабинете. Мне хотелось добиться ясности относительно самых неприятных новейших обвинений, для начала выяснить историю с его денежными расписками, содержащимися в досье 1969-1970 гг.

"Неужели кто-то может всерьез думать, что я был способен предать друзей, идеалы, память отца за «тридцать фунтов стерлингов», как выражается Суини?, — спросил Каван. — Да, конечно, есть люди, которые этому верят, которые даже утверждают, что не обошлось и без других платежей, хотя досье содержит лишь две расписки. Возвращаясь к тому, что я уже говорил: да, я встречался с посольским атташе по вопросам образования. Я был руководителем Союза чешских студентов, и у меня поэтому были свои абсолютно законные расходы (например, на аренду зала для проведения собрания), за возмещением которых я обращался в посольство. Что же касается той расписки на тридцать фунтов, то Зайичек давал о ней показания на открытом судебном процессе по моему гражданскому иску — факт, не отмеченный ни в одной из всех этих недавно появившихся многочисленных статей".

Каван достал из ящика стола и протянул мне стенограмму показаний Зайичека. "Оказывается, его воспоминания отличаются от моих. Он утверждает, что данная

сумма компенсировала мои расходы по составлению пресс-бюллетеня, который я сделал в связи с тогда еще недавними самоубийством и похоронами Яна Палаха. Для меня-то это еще лучше, но мне все же кажется, что он ошибается. В отличие от меня, он не имел доступа к моему досье. Кроме того, речь идет о событиях, имевших место двадцать три года назад. Насколько я могу припомнить, тридцать фунтов были частичным возмещением тех денег, которые у меня незаконно конфисковали несколькими месяцами ранее, когда я хотел покинуть Чехословакию, чтобы возобновить занятия в Оксфорде. Но вот ключевое место в его показаниях: «В заключение я хотел бы добавить, что я никогда не пытался завербовать господина Кавана для любого сотрудничества с тайной полицией и, соответственно, никогда не получал от него устных или письменных обещаний относительно такого сотрудничества. Я ни разу не дал ему понять во время наших бесед, что у меня в посольстве есть и другие (связанные с деятельностью СТБ) функции. На деле я даже не имел права раскрываться перед Каваном — в противном случае я бы рисковал не только дисциплинарными санкциями, но и уголовным наказанием». И вот, посмотрите, другое место его показаний, где он объясняет особенности внутренней документации СТБ. Вот его собственные слова: «Досье, номера которых начинались с цифры 1, относились к "объектам, представляющим интерес". Что касается агентов, то номера их досье начинались с четверки. Как вы сами видите, номер досье господина Кавана начинается с единицы». Дальше он отмечает, что уже говорил об этом членам Комиссии 17-го ноября, но они предпочли оставить эту информацию без внимания. Так же поступили и все эти так называемые журналисты, включая Суини. Конечно, мои враги будут говорить, что бывший сотрудник СТБ Зайичек просто пытается прикрыть своего старого коллегу. Но ведь Зайичек давал свои показания в открытом суде и под присягой».

А как насчет знаменитой видеоленты, спросил я, добавив, что имел возможность ее просмотреть и нашел ее крайне огорчительной.

"Прежде всего, — начал Каван, — по прибытии я отнюдь не был сразу же извлечен из очереди к паспортному контролю и уведен радостно ожидавшими меня офицерами СТБ, как сейчас утверждается в некоторых статьях. У меня есть свидетель — английский журналист, мой сосед по очереди. Когда я предъявил пограничнику свой паспорт, он стоял рядом со мной и видел, как меня только после этого отделили от очереди и увели — очевидно, прицепились именно к паспорту. Во-вторых, видеокамера работала на протяжении всех двенадцати часов моего допроса, и я хотел бы знать, где же эта запись. Если у них есть одна видеолента, должна быть и другая — почему же ее скрывают? Как я вам уже говорил, они допрашивали меня с явной враждебностью, и хотя в конце концов отпустили восвояси, велели никому не сообщать о нашей беседе. Я не подчинился этому требованию и уже на следующий день рассказал обо всем Петру Улу сразу после нашей встречи, как только мы успели обняться. Он всё это помнит, хотя, по его словам, в тот момент всеобщей эйфории его меньше всего занимали мои приключения и мои вопросы о том, как мне надлежит поступить в случае нового задержания, которое действительно имело место. Причем, что бы там ни писал Суини, это произошло отнюдь не сразу после того, как я вернулся с собрания Гражданского форума. Меня вытащили из постели в семь часов утра. Тут у меня тоже есть свидетель, портье — за мной приехали в гостиницу, посадили в машину и отвезли на виллу в Шестом районе Праги. Там меня допрашивали три человека, с одним из которых я, как утверждает Суини, был действительно «знаком» — он был среди тех, кто говорил со мной в здании аэропорта. Старшего в этой тройке, который преимущественно и вел допрос, я никогда до того не встречал".

"Они усадили меня на кушетку, — продолжал Каван, — причем велели сесть в определенное место. Я сразу понял, что на меня наведена скрытая камера. Задумывался ли кто-нибудь, почему, если я был столь доверенным агентом, они так старались записать нашу

беседу на видеопленку? Как бы то ни было, на этот раз беседа была куда более дружеской, почти что сердечной. Власть уже ускользала из их рук, и наша беседа напоминала разговор генералов после битвы. Их старший держал перед собой толстое досье (вероятно, то самое, которое теперь исчезло); перелистывая его, он все время задавал мне разные вопросы, например о моих денежных делах. Казалось, что для них главная цель этой беседы состояла в том, чтобы произвести на меня впечатление своей осведомленностью, хотя, подумав, я мог бы объяснить происхождение почти всех их сведений. Однако они однажды упомянули одно событие, имевшее место в Лондоне, и тут я и вправду удивился — каким образом они могли о нем узнать?"

"И вот, — рассказывал Каван, — в середине разговора один из них вдруг спросил что-то вроде: «Вам водки или шампанского?». Я мог бы возмутиться, устроить шум — но ничего этого я делать не стал. В конце концов, мне не для чего было обострять нашу беседу. Да и почему бы было не выпить бокал шампанского? Один из них даже поднял тост, что-то типа «За будущее!» Ничего особого я в этом не увидел. Кто же тогда не думал о будущем? Потом беседа перешла на мои собственные планы. Я сказал, что мне придется ненадолго отправиться в Лондон, но потом я непременно вернусь. Они всячески демонстрировали свою доброжелательность, предлагали мне содействие в устройстве. Я им подыгрывал — отчасти потому, что они все еще контролировали государственную границу, а я беспокоился за свое будущее возвращение, но также и потому, что у меня была нелепая надежда вытянуть из них сведения об их лондонских связях, например, спросив их, как они рассчитывают вступить со мной в контакт в Лондоне, чтобы узнать мои пожелания относительно будущего устройства. Да, я вел себя глупо. Но вот один мой знакомый, в прошлом тоже активист оппозиции, недавно рассказывал, что и он сам, и другие нередко пытались играть в такие же игры во время допросов. Как бы то ни было, из этого ничего не получилось".

Каван продолжал: "Видеозапись всей этой беседы находилась в сейфе Комиссии 17 ноября. Но на публику просочился только ее небольшой кусок — тот самый, который представляет меня в столь неловком положении. Однако некоторые члены парламента, включая Петра Ула, видели всю ленту. Он мне рассказал, что, когда я вышел в туалет, два парня из СТБ стали совещаться, оценивая мое представление, и один из них сказал другому что-то вроде: «Как бы то ни было, он и сейчас нас обманывает». Хотел бы я знать, почему же они не выдали на публику и это место в записи. Все это выглядит так нелепо!"

* * *

В один из моих последних дней в Праге я побывал в строгом белом здании современной постройки, где размещается Министерство внутренних дел. Сам Лангош в преддверии выборов упорно отказывался давать интервью. Но его заместитель Ян Румл согласился со мной встретиться. Это сын известного диссидента Иржи Румла, возглавлявшего Комиссию 17 ноября, и сам тоже ветеран оппозиции. Когда-то он играл важную роль в той секретной сети, которую создал Каван для распространения своих материалов, и потому оказался среди главных подследственных после печально знаменитого инцидента 1981 г. с перехватом автофургона. Ему пришлось тогда провести год в заключении. Мне было интересно узнать, в какой степени он винил Кавана (и винил ли вообще) за свои злоключения.

Приемная Румла была декорирована в соответствии со стандартным стилем коммунистических учреждений былых времен: массивная дверь, обитая искусственной кожей, диваны светлого дерева с оранжевыми валиками. Однако высокий сутулящийся молодой человек с безупречными манерами, вскоре вышедший встретить меня из своего кабинета, выглядел отнюдь не стандартно. Мне бы и в голову не пришло вообразить подобные интерьеры в личном кабинете важного чиновника службы госбезопасности любой страны мира: на каждой стене висели

большие, смелые и яркие абстрактные полотна. "Когда мои старые друзья пришли сюда ко мне в первые дни моего пребывания в должности, — улыбаясь, объяснил Румл, — и увидели, как мне было нелегко в этом унылом месте, они организовали кампанию по восстановлению бодрости моего духа". Румл с его округлой коричневой бородой, с его мятой зеленой курткой, надетой поверх черной футболки, куда естественней гляделся бы где-нибудь в Гринвич-Вилледж; что же касается его начальника Лангоша, то он со своей беспорядочно спадающей по плечам гривой черных волос мог бы свалиться прямо из Вудстока или Хейта. Впрочем, подумав, можно заподозрить, что это и есть новый восточноевропейский стандарт — явные хиппи, возглавляющие министерства внутренних дел. Однако эта внешность не должна вводить в заблуждение: те же самые хиппи почти поголовно восхищаются Рональдом Рейганом и Маргарет Тэтчер, а в разговоре постоянно ссылаются на Хайека и Милтона Фридмана. Румлу вскоре предстояло покинуть свой министерский кабинет, чтобы занять видное место в списке кандидатов от клаусовской Гражданской демократической партии на парламентских выборах.

Я спросил Румла, каково ему было, когда он только получил свою министерскую должность. "Это было ужасно, — сказал он. — Был апрель 1990 г., прошло лишь полгода после "бархатной революции", СТБ почти свободно управляла здесь всем, и вы это легко чувствовали. Большая часть ее аппарата все еще не была уволена. Моя первая задача состояла в том, чтобы разрушить организационные структуры СТБ. За прошедшие два с половиной года мы избавились от восьми тысяч старых работников."

Это означало, что он принадлежал к числу тех, кто обнаружил, собрал и сберег сохранившиеся картотеки и досье СТБ. Он приобрел поистине тягостный опыт, постоянно наталкиваясь при изучении различных списков на имена своих старых и доверенных друзей. "Все всегда было одинаково, — вспомнил Румл. — Я начинал с частных бесед с ними, и все они неизменно все отрицали. Я зарывался в архивы глубже, находил все необходимые

данные — подписи, расписки в получении денег и т.п. — и встречался с ними опять. В таких обстоятельствах люди ломались, с рыданиями признавались в прошлых грехах, приводили для себя разнообразные оправдания. Все это было страшно болезненным делом. Я даже установил, кто именно сыграл предательскую роль в провале той операции 1981 г., который привел и к моему аресту".

Был ли это Каван?

"О, нет, у нас нет никаких данных о том, что Каван работал на них в то время, — ответил Румл. — Нет, это был не он. Предателем оказался один из самых доверенных наших соратников здесь, в Чехословакии, человек, подписавший Хартию-77, который и сам провел четыре года в заключении — в это время они, вероятно, его и доставали. Как оказалось, он работал на русских, на КГБ (на ряде ключевых документов в его досье стояли русские подписи), и это было его особое задание: проникнуть в нашу сеть и нарушить ее работу. Когда мы его выявили, он был членом парламента. После беседы с нами он подал в отставку и тихо ушел в частную жизнь. Как я уже сказал, все это было очень тяжело, но в этом было и облегчение, поскольку вплоть до этого открытия мы так и не знали, что же именно произошло, где не сработала наша конспирация".

А как насчет Кавана?

"Каван был тем человеком, который долгое время, особенно перед 1981 г., очень помогал нам в установлении контактов с внешним миром — как с эмиграцией, так и с нашими зарубежными доброжелателями. В то же время он всегда был очень противоречивой личностью".

Хотя Румл и не был в восторге от кавановских тайных вояжей в Чехословакию в конце 80-х годов, он, по-видимому, не считал, что эти поездки или печально известная видеозапись давали серьезные основания для того, чтобы подозревать Кавана в запоздалой сделке с СТБ. Сам он не понимал и не одобрял методы Кавана, но это отношения к делу не имело — ему уже приходилось успешно сотрудничать с людьми, к которым он относился без всякого

почтения. По мнению Румла — человека, находящегося на высшем уровне системы безопасности и имеющего свободный доступ ко всем ее документам, дело Кавана в основном сводилось к вопросу о его поведении в 1969 и 1970 гг. "Тщательно изучив все относящиеся к этому делу данные, — заключил Румл, — я пришел к выводу, что Каван должен был знать, что в лице атташе по образованию он имел тогда дело с сотрудником СТБ. Не думаю, что эти контакты могли бы стать длительными, что бы там за ними ни стояло. Как вы знаете, этого атташе в конце лета 1970 г. отозвали в Прагу. Что касается Кавана, то он, возможно, какое-то время просто тешил себя мыслью, что ему удастся их перехитрить, переиграть на их собственном поле. Я знаю сотни подобных случаев. Не исключено, что это вообще самый распространенный мотив".

Оправдывает ли дело Кавана применение к нему люстрации?

"На нем ярлык человека, сознательно сотрудничавшего с СТБ, — заявил Румл заметно более жестким тоном. — Лично я не придавал бы именно этому случаю особенно большого значения: согласно его досье, он не передавал им никакой существенной информации, ничего такого, что могло бы повредить другим людям. Но Комиссия 17 ноября пришла к заключению, что он пошел на сотрудничество, вполне отдавая себе в этом отчет, и если он теперь это отрицает, значит, он лжет, и именно по этой причине ему не место в Парламенте". Румлу явно очень понравилась эта найденная им формула.

Однако, настаивал я, если вся его вина состоит в том, что он пытался переиграть СТБ...

"Я верю в то, что все, кто сотрудничал сознательно, должны подвергнуться люстрации, даже если они никому не причинили вреда, даже если они всего лишь надеялись перехитрить органы госбезопасности. Вам, американцам, трудно это понять — вы ведь не прожили четыре десятилетия под властью коммунистов. Прежний режим разрушительно действовал на всех. Мы все в большей или меньшей степени замараны им — даже те, кто

был в оппозиции. Мы сейчас пытаемся провести нечто вроде моральной дезинфекции, очистить общество от запятнавших себя людей. И один из используемых нами критериев, простой и понятный, как раз и состоит в отделении тех, кто сознательно сотрудничал с СТБ, от тех, кто этого не делал. Каван в этом повинен и, отрицая свою вину, он лжет; более того, придавая своему делу международную огласку, действуя так, как он действует, он подрывает международную репутацию своей страны, и в этом состоит еще одна причина, по которой он заслуживает люстрации".

* * *

"Это чепуха!" — с полной безапелляционностью заявила мне в своем кабинете заместитель Ула в Чехословацком агентстве новостей Зузана Блюх, когда я поделился с ней одной из услышанных мною гипотез относительно мотивов, побудивших Кавана пойти на контакты с Зайичеком. Блюх, элегантная темно-волосая улыбчивая женщина, предложила совершенно другую интерпретацию: Каван вступил в контакты с Зайичеком просто потому, что ему приказали это сделать. Будучи единственным членом руководства СВС, своего студенческого союза, постоянно проживающим в Великобритании, он получил из Праги, от исполнительного совета СВС, полномочия представлять чехословацких студентов, попавших в нелегкое положение после оккупации. Она знала это совершенно точно просто потому, что именно ей и велели передать ему это поручение.

"Это был 1969 год, и ситуация делалась все более критической, — вспоминала Зузана Блюх. — СВС вставал в открытую оппозицию к режиму, а режим готовился наложить на нас запрет. Отношения между нами и властями были очень напряжены. И в то же время мы были именно союзом студентов и в качестве такового должны были представлять их повседневные интересы. И вот тогда, весной 1969 г., — я помню это очень живо, поскольку эта была моя первая поездка на Запад, — я

привезла Яну Кавану все необходимые полномочия, чтобы основать отделение СВС в Англии и представлять там наших студентов. То же самое происходило в других местах. Я присутствовала на собрании чешских студентов, где Ян был избран председателем. Я помню, как после этого я сама предложила ему отправиться в посольство. Я объяснила Яну, что отныне он должен будет служить посредником между нашими студентами и посольским атташе по вопросам образования. Мне повезло, что у меня не нашлось времени посетить посольство самой, иначе, я уверена, теперь и меня внесли бы в список коллаборационистов. Вернувшись, он рассказал мне, что в посольстве он встретился с весьма доброжелательным дипломатом, по-видимому, разделявшим многие его взгляды. Поэтому-то Ян, встречаясь с ним в течение нескольких следующих месяцев, несколько раскрылся — велика важность!"

Читала ли она досье Кавана?

"Аа! — воскликнула Зузана. — Запомните, что я вам сейчас скажу, и можете это опубликовать". До этого момента наша беседа вольно вилась между разными вещами, кое-что говорилось для печати, кое-что — нет. "Я хочу, чтобы это было напечатано, — повторила она. — С этим досье могли ознакомиться триста наших парламентариев. Одна его копия проникла в Англию, другие циркулировали в журналистских кругах здесь у нас, причем это было абсолютно противозаконно. По словам одного человека, ознакомившегося с кавановским досье (кстати, он нарушил закон о сохранении государственной тайны уже одним тем, что сообщил мне об этом), оно выглядит так. Впереди — оглавление, в нем указано и мое имя, третьим по счету. Видите ли, это не просто досье одного Кавана, туда вложены досье на различных людей, с которыми он общался, включая и меня. Обо мне там собран полный набор данных: с кем я встречалась, что ела, с кем якобы спала, и т.п. Одни агенты давали информацию, другие ее анализировали, и все эти сведения там собраны вместе. И вот как минимум триста человек, из которых я с многими незнакома, а многим

ни на йоту не доверяю, ловили кайф, роясь во всей этой куче, а мне самой даже не позволено туда заглянуть — закон это полностью запрещает, и я должна ждать, пока не прочту на страницах "Респекта" выжимки из своего досье, поданные без всяких объяснений и вне общего контекста".

Покачивая в изумлении головой, она продолжала: "Это просто потрясающе. Неслыханно. И отвратительно. И ко всему прочему, обо мне там сплошное вранье. Все, что они там накопили о моей личной жизни, — полная чушь. И если все прочее в этом досье столь же достоверно — ну, тогда..."

Ее голос дрогнул. "А у нас этому доверяют как священному писанию. Одни агенты изобретают всякие пакости, другие их изучают и вдоль и поперек анализируют, а все прочие потом воспринимают этот мусор как истину в последней инстанции. Вот что мы делаем сами с собой посредством этой идиотской люстрации".

* * *

В мой последний вечер в Праге я имел беседу с психотерапевтом Еленой Климовой, которую я тоже спросил о деле Кавана — она его встречала, когда они были еще студентами.

"Не думаю, чтобы он был хоть наполовину таким негодяем, каким его сейчас изображают, — начала Климова. — Полагаю, ему удалось сделать очень много полезного, но в то же время он постоянно совершал ужасные ошибки. Отчасти это вполне объяснимо: он делал крайне трудную и опасную работу, и это при полном отсутствии опыта и специальной подготовки. Люди забыли, что его же было совершенно некому учить. Большая часть его друзей осталась здесь. Он был полностью предоставлен сам себе. К тому же это человек с не вполне стабильной психикой, отчасти из-за печальной истории его отца. Мне кажется, он в каком-то смысле считал себя обязанным продолжить дело отца, которого он, к тому же, непомерно идеализировал. Он делал все,

что мог, но дотянуться до своего кумира не мог — и все же продолжал пытаться, идя для этого на все больший и больший риск. Так он приобрел способность совершать и героические дела, и трагические ошибки — это сделало его довольно опасной личностью".

"Еще в наши студенческие времена, — продолжала Климова, — его съедал этот внутренний конфликт. Он относится к тем людям, которым свойственно проектировать свой душевный хаос на окружающее общество. Быть может, главная причина тех треволнений, которые это дело вызвало в Чехословакии, в том и состоит, что наше нынешнее общество само явно и очевидно иррационально".

Я спросил Климову, что она в этом контексте думает о процессе люстрации в целом.

"Первоначально все мотивировалось, как мне кажется, здоровым чувством восстановления нарушенной справедливости, — ответила Климова. — Однако эту возможность добиться подлинной справедливости мы упустили, и теперь пытаемся копировать ее посредством люстрации. В начале все думали одинаково: мы алкали справедливости, но в то же время мы ни в коем случае не хотели уподобиться коммунистам. Мы хотели услышать от них слова сожаления или раскаяния, что-то вроде исповеди, после которой мы могли бы их простить. Я думаю, мы и хотели простить. Но прощение пришло слишком скоро. Люди на самом верху, такие как Гавел, чешский премьер Питхарт, министр иностранных дел Динстбир, были слишком нетерпеливы. Они заблокировали различные попытки провести поголовную чистку: ну как же, *мы ведь не собираемся уподобиться всем им!* И тогда коммунисты перестали исповедоваться в грехах, даже не успев начать это делать. Вместо этого они стали превозносить свои достижения, скажем, в экономике. Они потеряли всякий стыд. И тут уж люди рассердились и стали прислушиваться к призывам о возмездии".

В комнате делалось все темнее. В сумерках я едва мог различить Климову.

"То, что случилось потом, можно сравнить с поведением невротика, — продолжала она. — Такие вещи могут происходить, если человек ставит перед собой невозможную цель, и тогда ее достижение заменяется эрзацами, как, например, при булимии. В нашем случае мы громоздим одни списки на другие, но все это ни к чему не ведет, ибо что можно сказать об их так называемой генеральной картотеке осведомителей? Не в том ли заключается дело, что составители списков не включили в них собственных имен? Это фальшивка. Первоначальный порыв был обоснованным и заслуживающим серьезного отношения. Но этого не произошло, и вместо подлинной справедливости мы получили ее эрзац".

В комнате наступила почти полная темнота, ее нарушали только слабые отсветы уличных фонарей.

* * *

"И в центре всего этого оказался Каван, — закончила Климова. — Каван, с его неистребимой склонностью к осложнениям и саморазрушению. Это выглядит так, как будто бы Каван и общество пожирали друг друга". Она вздохнула, собираясь с мыслями. "Знаете, Кавану не нужно было бы лезть в политику, она не для людей его типа. Я знаю, что жестоко так говорить, поскольку политика была основой всего его существования. Это почти трагедия, но все же — ему не следует участвовать в общественной жизни".

* * *

А будущее было полно неясностей. Политическая жизнь Кавана в любом случае заканчивалась. Ни одна партия не пригласила его баллотироваться по ее спискам на приближающихся выборах. Подобного никто не мог бы себе позволить. Все были уверены, что такой шаг сразу обрек бы любую партию на поражение. Каван угрюмо наблюдал за предвыборной кампанией.

Утечки имен из списков продолжались. По рукам ходили все более "полные" варианты этих списков, до тех пор пока общее количество называвшихся имен не перевалило за 150 тысяч. Дело Кавана, ни в коей мере не будучи единственным в своем роде, символизировало масштабы этой национальной драмы. В Словакии стратегия люстрации оказалась абсолютно недейственной. В заключительной фазе избирательной кампании уже казалось, что чем больше противники Владимира Мечияра обвиняли его в прошлых связях с СТБ, тем выше поднималась его популярность среди словацкого населения, уже уставшего от всех ужасов, которые нагнетали чехи. В итоге силы Мечияра одержали на выборах триумфальную победу. С другой стороны, в чешских землях люстрация оказалась на удивление эффективной. Практически никто из прежних диссидентов не был избран в новый состав парламента. Умеренная социал-демократическая фракция, возглавлявшаяся Динстбиром и Питхартом (как считали, ее сентиментально поддерживал официально нейтральный Гавел) не смогла собрать даже минимума в 5% голосов, необходимого по закону для прохождения в Парламент. (В последние дни избирательной кампании противники Динстбира весьма изобретательно рисовали на его плакатах кружок вокруг букв "стб" в его фамилии.) Пятипроцентный порог оказался не под силу и для правой группы ОДС Павла Братинки, по крайней мере на федеральном уровне. Причина была не в том, что его пытались замазать предполагаемыми связями с СТБ, а скорее в том, что все его заслуги в оппозиционном подполье уже никого не интересовали, в частности, и из-за его поддержки люстрационной кампании. Уж если избиратели стали склоняться в сторону полномасштабного капитализма, им куда больше должны были импонировать партия и личность Клауса, что бы там он ни делал до победы революции. Более того, растущая поддержка Клауса в Чехии и Мечияра в Словакии привела к тому, что чем сильнее каждый из них выглядел у себя дома, тем более привлекательным казался

его оппонент своим собственным избирателям, считавшим его единственной надежной опорой против соседского лидера. Поэтому на выборах 5 и 6 июня выиграла именно Клаус и Мечияр, несмотря на всю несовместимость их политических программ.

После этих выборов страна встала на путь распада. Гавел не мог этому препятствовать, и потому подал в отставку с поста президента. Клаус и Мечияр договорились о разделе федерации с 1 января 1993 г. на два независимых государства. После победы Мечияра с люстрацией в Словакии было в основном покончено. Тем временем партия Клауса предприняла решительные шаги для закрепления своей победы и обретения полного господства в Чехии: Петр Ул был уволен с поста генерального директора Чехословацкого агентства новостей, Ян Румл получил портфель министра внутренних дел, Мирослав Мацек стал заместителем главы федерального правительства и быстро оказался в центре публичного скандала, вызванного обвинениями в том, что он использовал свою должность для личного обогащения.

А Каван продолжал крестовый поход, все еще пытаясь восстановить свою репутацию. Я регулярно получал от него по факсу сообщения с до безумия детальными описаниями всех перипетий его борьбы за самооправдание. Он теперь занимался этим с теми же методичностью и упорством, какие он раньше проявлял, помогая другим людям. Мне уже было ясно, что противникам Кавана удалось эффективно нейтрализовать его усилия. Его гражданский иск не двигался с места, постоянно увязая в различного рода правовых и процедурных сложностях, так что Каван все больше и больше возлагал свои надежды на Башту и его Независимую комиссию. Однако и там решение постоянно отодвигалось, хотя правила требовали вынесения окончательного вердикта в двухмесячный срок. Башта лично распорядился, чтобы Министерство внутренних дел предоставило комиссии ряд ключевых документов, но они так и не были получены.

Наконец, Кавану предложили самому предстать перед комиссией Башты 15 сентября — это была вообще первая его возможность лично дать формальные показания по своему делу. Он крайне тщательно подготовил свое выступление и, как было велено, явился в назначенный день к половине девятого утра. Однако сами члены комиссии не собрались к сроку не только в полном, но и в минимально необходимом составе — для кворума недоставало одного человека. В итоге слушания по делу Кавана, самому противоречивому из всех дел подобного рода, удалось открыть только около одиннадцати, когда появился еще один запоздавший член комиссии. Каван немедленно начал выступление в свою защиту, но закончить его ему не удалось: другой член комиссии сообщил, что ему необходимо покинуть заседание, так что слушания пришлось отложить.

Сам Башта, судя по всему, уже больше не сомневался в невиновности Кавана. В частности, как он отметил, его уверило в этом то обстоятельство, что таинственная пометка "ДС" была в конечном счете найдена только на досье Кавана и нигде больше. Что бы она ни означала, ее нельзя было считать знаком какой-то специальной категории. Он несколько раз пытался объяснить младшим членам комиссии все тонкости жизни оппозиции в 1969 и 1970 гг., приходя во все большее отчаяние от тщетности своих усилий. С их точки зрения, дело было кристально ясным: Каван доказал свою вину уже одним тем, что просто находился в одной комнате с коммунистическим дипломатом. Все дело выглядело безнадежно политизированным, а рассматривавшие его члены комиссии ни в коей мере не были склонны к беспристрастности.

Когда я заканчивал эту статью, стало известно, что Независимая комиссия планирует назначить на 16 октября новое слушание дела Кавана с его участием, хотя никто не мог гарантировать, что удастся собрать кворум. Многие наблюдатели подозревают, что комиссия будет тянуть с этим делом до января, когда она, как и прочие органы федерального правительства, будет распущена.

Тем временем Башта решил передать на рассмотрение парламента все дела о люстрации людей, проходящих по категории В (включая и "микрокатегорию" ДС). По его мнению, все эти дела должны быть аннулированы. Будучи не в состоянии очистить Кавана непосредственно через решение своей комиссии, он, по-видимому, надеется помочь ему вывернуться посредством этой технической процедуры. Каван, разумеется, хотел бы добиться прямого заключения по своему делу — он настаивает, что имеет на это полное право.

Обо всем этом Каван недавно рассказал мне по телефону. Казалось, он уже потерял всякую надежду. Я спросил, почему он продолжает заниматься этим делом; к чему безуспешно биться головой о стенку? До меня дошел его далекий вздох. "Я делаю это ради моих детей, — сказал он наконец. — Ради моей новорожденной дочки Моники, ради моей живущей в Англии семнадцатилетней Кэролайн, ради моего одиннадцатилетнего Майкла, который живет в Праге. Для меня крайне важно то, что они думают или будут думать обо мне. И хотя я не думаю, что они когда-либо смогут поверить тому, что я работал осведомителем, я не могу сказать того же об их друзьях, а моим детям это будет неприятно. Видите ли, я хорошо разбираюсь в таких вещах. Я сегодня борюсь не столько за сердца или умы моих детей, сколько за их душевное спокойствие".

ОТ КАФКИ К ДРЕЙФУСУ

Несколько недель назад герой моей недавней статьи "Бархатная чистка" Ян Каван все еще дожидался решающих слушаний по своему делу. Каван, один из ветеранов чешской политической эмиграции, с триумфом вернулся в Прагу в ноябре 1989 г. и был позднее избран в федеральный парламент. Однако уже через несколько месяцев его объявили многолетним агентом СТБ — службы государственной безопасности при коммунистическом режиме. Его дело стало символом массовой истерической охоты на ведьм, которая охватила Чехословакию. Большую часть своих надежд на оправдание Каван возлагал на процесс, именуемый люстрацией. Он свято верил, что честное и беспристрастное изучение архивов СТБ, якобы содержащих инкриминирующие его сведения, продемонстрирует его полную невиновность. К началу осени ему удалось добиться рассмотрения своей жалобы в так называемой Независимой комиссии, в обязанности которой входил разбор случаев той группы, к которой было отнесено его дело. Это произошло уже после того как посткоммунистическая юриспруденция успешно отбила другие его попытки подобного рода. Независимость этой комиссии казалась сомнительной, отношение ее членов к делу Кавана было безнадежно политизированным. Все же он надеялся на минимально беспристрастные слушания. Но назначенное на утро 15 сентября заседание по его делу было прервано из-за невозможности обеспечить кворум и перенесено на 16 октября.

Каван, как ему и было назначено, явился на это второе заседание (на следующий день он информировал меня об этом по факсу). Однако ему сообщили, что никакой

---

* *Lawrence Weschler. From Kafka to Dreyfus. The New Yorker magazine, Nov. 2, 1992*

новой защиты от него не потребуется, так что не будет и нужды в его выступлении. Комиссия уже вынесла свой вердикт, обвинив Кавана в "сознательном сотрудничестве" с СТБ — столь очевидное пренебрежение процессуальными нормами вообще типично для многих разбирательств по люстрационным делам в Чехословакии. В ответ на вопрос, на каких документах из его досье было основано решение комиссии, Каван узнал, что ее члены постановили большинством голосов, что он был и в 1969-1970 гг. достаточно интеллигентен для того, чтобы распознать в Зайичеке агента СТБ — и это несмотря на данные в другом месте показания самого Зайичека о том, что он ни разу не дал Кавану ни малейших оснований заподозрить свою двойную роль. Каван указал, что тайная полиция не могла бы не потребовать от своего "сознательного сотрудника", чтобы он хранил свои связи с нею в полном секрете, в то время как он сам регулярно информировал свой студенческий союз о встречах с Зайичеком (Зузана Блюх, которая тоже присутствовала на заседании комиссии, была готова подтвердить это заявление). Но и эти слова Кавана не возымели никакого действия. Он также заявил, что все люди, перечисленные в его досье в качестве предполагаемых объектов его доносов, включая известного журналиста Уильяма Шоукросса, продолжали оставаться на его стороне: некоторые из них переслали комиссии свои письменные свидетельства, а Шоукросс ранее даже слетал за собственный счет в Прагу, чтобы представить комиссии свои показания, в которых особо опровергались любые спекуляции насчет того, что Каван мог бы выполнять те или иные указания Зайичека. На это ему резко ответили, что вердикт комиссии не подлежит дальнейшему обсуждению.

Однако после заседания комиссии ее председатель Ярослав Башта сообщил Кавану (а позднее и местным средствам массовой информации), что он, будучи убежден в невиновности Кавана, голосовал за его оправдание. Башта сам вышел из радикального студенчества конца 1960-х годов, и поэтому он понимал реальные

условия так называемой нормализации, последовавшей за советским вторжением, гораздо лучше, чем его более молодые и неизмеримо более самодовольные коллеги по комиссии. "Заключение комиссии явно основывалось отнюдь не на одном лишь беспристрастном изучении представленных ей фактов", — такими словами Каван передал мне по факсу мнение Башты, добавив, что тот не уточнил, какие еще факторы сыграли тут роль.

Кавану кратко сообщили, что он вправе оспорить вердикт комиссии в муниципальном суде Праги. Ему предстояло вернуться в тот самый кафкианский мир, из которого он пытался вырваться, добиваясь решения Независимой комиссии. Среди его нынешних проблем не последнее место занимает отсутствие денег для такой апелляции. Над ним все еще висят тысячи фунтов долгов, оставшихся с тех времен, когда он из Лондона помогал чешским диссидентам, что само по себе опровергает все циркулирующие по Праге домыслы, что Каван попросту продался СТБ за деньги.

В моей первой статье я уже сравнивал дело Кавана с делом Дрейфуса; эта аналогия вновь пришла мне в голову, когда я узнал о вердикте Независимой комиссии. Как и Дрейфус, Каван человек очень непростой и нелегкий в общении, изломанный и вспыльчивый, часто не вызывающий ни малейших симпатий, обладающий поистине гениальной способностью отталкивать потенциальных доброжелателей и союзников. Но в то же время не может быть никакого разумного сомнения в том, что он явно неповинен в выдвигаемых против него обвинениях. Еще одна аналогия с Дрейфусом: в общественной реакции на дело Кавана тоже, хотя пока еще в меньшей степени, ощущается отчетливый душок антисемитизма. (Такой же антисемитизм — или, если использовать ходовой эффе-мизм, "антикосмополитизм" — окутывает сейчас многих ветеранов оппозиции в столь различных странах как Венгрия, Польша, Румыния, Югославия и бывший Советский Союз.) Но в данном случае еще важнее то, что, как дело Дрейфуса надвое разделило всё французское общество в годы, последовавшие за унижительным поражением

страны во франко-прусской войне, так и дело Кавана стало источником раскола нынешнего чешского общества. Правда, масштабы этого раскола уступают имевшему место во Франции, отчасти потому, что случай Кавана отнюдь не единственный в своем роде, хотя явно наиболее одиозный.

Болезненная общность между делом Дрейфуса и делом Кавана состоит в самой потребности глубоко униженного общества (а позор чехословацкого общества состоял в оскорбительной пассивности большинства населения страны в течение двух десятилетий коммунистической "нормализации") найти удобных козлов отпущения. Нынешнее чешское общество разделено на каванистов и антикаванистов (это его самодовольное большинство, поощряемое правящей коалицией премьер-министра Клауса, которая контролирует большинство средств массовой информации). Былой раскол Франции на дрейфусаров и антидрейфусаров еще не изжит окончательно и сегодня, более чем через столетие. Подозреваю, что и через пятьдесят лет в политической жизни Чехии будет сказываться раскол, вызванный делом Кавана, и споры о нем и тогда не утихнут.

Однако, как я уже отмечал, это дело — отнюдь не единственное в своем роде. Живущие в эмиграции в Торонто чешский публицист Йозеф Шкворецкий и его жена Здена с начала 70-х годов руководят издательством "Паблшерс-68", которое, судя по всему, можно считать мировым лидером в выпуске аутентичной чешской литературы. Список их авторов включает Милана Кундеру, Вацлава Гавела, Ивана Климу, Ярослава Сайферта и несчетное множество других имен. Как-то прошлым летом они с ужасом узнали, что в списках предполагаемых осведомителей СТБ фигурирует и имя Здены Шкворецкой — обвинение в высшей степени идиотское, но такое, от которого, как и в случае Кавана, может быть, почти невозможно отмыться. Шкворецкий сейчас нередко цитирует то, что написал когда-то о революциях другой знаменитый восточноевропейский изгнанник Джозеф Конрад: "В начале движения могут стоять натуры чест-

ные и благородные, человеколюбивые, преданные и справедливые, интеллигентные и бескорыстные, но потом оно удаляется от них... Впоследствии на первое место выходит великое множество претенциозных интеллектуальных неудачников своего времени".

Recipients Named for the Polk Awards

by William Glaberson

c. 1993 N.Y. Times News Service

Magazine Reporting: Lawrence Weschler of the New Yorker for his descriptions of injustices against a leader of the Czechoslovak resistance, which raised questions about fair play and constitutional order in the post-Communist era.

Редакция "Проблем Восточной Европы" поздравляет Лоуренса Вешлера с премией Джорджа Полка за статью "Бархатная чистка". Эта премия была учреждена Лонг-Айлендским университетом в 1949 г. в честь корреспондента американской телекомпании Си-Би-Эс, погибшего в 1948 г. при освещении гражданской войны в Греции.

Главному редактору журнала "Нью-Йоркер"*

Мне бы хотелось высказать свое мнение о статье Лоуренса Вешлера о Яне Каване, опубликованной в "Нью-Йоркере" 19 октября 1992 г., а также уточнить некоторые из упоминаемых там событий. Как журнал, так и сам автор статьи заслуживают всяческих похвал за то, что они не пожалели для этого материала ни места, ни времени, ни усилий — ведь обсуждаемая Вешлером ситуация очень не проста и не может быть адекватно понята без детального знания всех относящихся к ней фактов. Статья написана с чисто литературной, почти что кафкианской изысканностью, однако несмотря на это она отличается исключительной точностью почти во всех деталях. Во всяком случае, одна из убежденных сторонниц нашего Закона о люстрации, ознакомившись с этим эссе, сказала мне, что она пересматривает свои прежние взгляды на эту проблему. Я хотела бы, чтобы как можно больше людей извлекли из этой публикации те же уроки; однако, не могу не отметить, что по крайней мере в одном важном вопросе ее автору изменяет его всегдашняя объективность, и он начинает принимать на веру кое-какие неточные сведения, пусть и сообщенные ему многими из его пражских собеседников. Поскольку в своих выводах он использовал мое имя, я считаю себя обязанной как можно более однозначно выразить свое собственное мнение.

В центре моих разногласий с Лоуренсом Вешлером лежит личность Вацлава Клауса, творца нашей экономической реформы, сперва министра финансов Чешской Республики, а затем главы ее правительства. Вешлер утверждает, что до ноября 1989 г. Клаус ни в малейшей степени не проявлял нелояльности по отношению к ком-

---

*Это письмо редактору "Нью-Йоркера" было одновременно передано "Проблемам Восточной Европы".

мунистическому режиму. Но это попросту неверно. Во-первых, все знали, что Клаус был решительным сторонником экономики свободного рынка и потому стоял у правой черты политического спектра. Когда в 1970 г. власти решили "очистить" Институт экономики Академии наук от так называемых "правых элементов" (к этой категории в то время относили людей, исключенных или иным способом изгнанных из компартии), вынужден был уйти и Клаус — несмотря на то, что он вообще никогда не имел партийного билета. Другой причиной ухода Клауса было его сотрудничество в "Тваржи", литературном журнале, во время Пражской весны 1968 г. открыто выступавшем против марксизма и социализма (к числу его активных авторов принадлежал и Вацлав Гавел).

В середине 80-х годов Клаус почти два года руководил постоянно действующим семинаром по экономике, организованным им при Государственном Банке ("крышей" для этого семинара послужило Научно-Техническое Общество, вполне легальная организация, имевшая множество отделений). На занятия приходили самые разные люди — сотрудники академических институтов и вузов, государственные служащие, работники промышленности и торговли, бывшие научные работники, потерявшие, подобно мне, свои места. Эти семинары служили местом серьезного и открытого обсуждения экономических проблем — до тех пор, пока и семинары, и лично Клаус не подверглись нападкам главной партийной газеты "Руде Право", что привело к их немедленному закрытию. Последующая работа Клауса и его коллег в Институте прогнозирования тоже отнюдь не была той "синекурой", которой ее представляет Вешлер — они приложили много усилий, обдумывая способы преобразования экономики, когда для этого представится возможность. Не приходится отрицать, что в то время никто не мог предвидеть столь быстрого падения коммунистической системы, однако сама идея реформ (по крайней мере, в виде перестройки) уже была на повестке дня. Самое важное в том, что Клаус систематически (иначе говоря, неоднократно) писал для сам-

издатского журнала "Лидове Новины" в течение всех двух лет его существования. Я была одним из редакторов его экономического раздела, так что мне это известно из первых рук. Свои работы Клаус подписывал инициалами М.Ф. — такими же, как у Милтона Фридмана. Для нас писали и другие авторы, позднее ставшие политиками "правого крыла", например, Томаш Ежек, занимавший потом пост министра приватизации, и Йозеф Зеленец, нынешний чешский министр иностранных дел. Конечно, в то время авторство всех этих людей было тщательно оберегаемым секретом — если бы оно выплыло на поверхность, они сразу же лишились бы работы ("признанным" диссидентам этого бояться не приходилось, поскольку они уже давным-давно потеряли свои места и теперь либо зарабатывали на жизнь физическим трудом [таких было большинство], либо переходили на пенсии, либо получали незначительные гранты из-за рубежа для написания своих работ).

Оценка "серой зоны", которая дана в статье Вешлера, страдает неточностью, и Иржина Шиклова, на чьи слова он ссылается, согласилась бы с этим первой. Экономисты, врачи и другие люди политически нейтральных профессий, работа которых была необходима для нормального функционирования общества и которые могли выполнять свои обязанности независимо от того, кто находился у власти, имели возможность трудиться без всякого ущерба для репутации. Этим они отличались от журналистов, писателей, историков, то есть людей, непосредственно занимавшихся проблемами общества. Стране было нужно не превращение их в диссидентов, а честное и квалифицированное выполнение ими своих обязанностей. Один из ужасов эпохи тоталитарного режима в том и состоял, что карьеры часто строились не на профессиональной компетентности, а на так называемой общественной активности, отчего страдало общество в целом (пациенты, потребители и т.д.). Это означало, что человек, стремившийся двигаться вверх посредством упорной и профессиональной работы, в известном смысле, подрывал устой режима. Но их молчаливая сделка с

властями состояла в том, что некоторые из них иногда вынуждены были вступать в партию или, по крайней мере, они воздерживались от открытых возражений по поводу политических действий и высказываний, вызывавших их полное несогласие. С их стороны это не было легким решением — ведь в определенном смысле эти люди укрепляли не только страну, но также коммунистический режим. Именно это имел в виду Гавел, говоря о нашей общей вине.

Как мне кажется, это относится и к тем диссидентам, которые не были в заключении (а в тюрьмы попадали лишь очень немногие) и не занимались самым неквалифицированным трудом. Я не делаю здесь исключения и для себя. Я тогда переводила технические инструкции, то есть каким-то, пусть незначительным образом, способствовала экспорту наших машин и тем самым стабильности нашего режима. Поэтому не следует винить тех обитателей "серой зоны", которые ненавидели систему, но не становились диссидентами, если они, по крайней мере, старались оставаться профессионалами. Именно этим профессионализмом они и отличались от того большинства, которое вполне принимало тоталитарные правила игры и эгоистично заботилось лишь о собственных интересах, нанося тем самым несомненный ущерб обществу. Я сейчас вспоминаю свои старые споры с молодыми экономистами, которые после Бархатной революции сделались видными журналистами или получили высокие посты в правительстве. Я тогда пыталась убедить их, что они должны прежде всего думать не об организации петиций или демонстраций (в результате чего они были бы изгнаны из своих институтов и пополнили ряды истопников и грузчиков), а об окончании своих диссертаций, ибо когда-нибудь наша страна будет действительно нуждаться в экономистах-профессионалах. В то время я не могла и предположить, что это "когда-нибудь" наступит через какие-то несколько месяцев.

Из тех же соображений я бы никогда не пригласила Клауса к себе смотреть видеофильмы в компании с моими друзьями-диссидентами, работающими кочегарами. Во-

первых, они просто не подходили друг к другу — не в силу политических убеждений (здесь не было бы особых оснований для споров), а из-за их склонностей и образа жизни. И я действительно желала, чтобы мои друзья, у которых была хорошая работа, соответствующая их профессиональной подготовке, сохранили ее и в дальнейшем — в собственных интересах, в интересах своих семей и, не буду скрывать, в интересах всего общества, жизнь которого шла своим чередом, независимо от того, кто — у власти, а кто — в тюрьме. А поскольку существовала какая-то опасность, что на мои видеосеансы нагрянет полиция, и у Клауса могут возникнуть неприятности из-за "сомнительных" знакомств, я приглашала их по отдельности, тем более, что моя гостинная была очень тесной. Однако хотя Вешлер и утверждает обратное, Клаус никогда не ставил никаких условий относительно посещения моего дома, эти решения всегда принимала я сама. Я очень ценила, что Клаусу, не в пример иным, никогда и в голову не приходило прервать нашу дружбу, несмотря на мои постоянные прямые контакты с диссидентами, и что он, несмотря на риск, всегда соглашался писать для "Лидовых Новин". Хотя Вацлав Клаус и остается моим хорошим другом, я не вступила в его партию отчасти потому, что почти три года я была послом в Соединенных Штатах, но в большей степени из-за того, что не разделяла и не разделяю политику его партии в отношении Закона о люстрации, столь точно описанную в вашей статье. Хотя сама идея устранения с высоких государственных должностей тех людей, на которых опирался прежний режим, и заслуживает одобрения, ее проведение в жизнь с помощью люстрационного закона обернулось полной неудачей и на практике принесло куда больше вреда, чем пользы. Но сам Клаус (кстати, не участвовавший в том заседании парламента, на котором был принят этот закон) озабочен лишь одним — проведением в жизнь экономической реформы. По моему мнению, на этом поприще он в качестве премьер-министра уже успел добиться очень многого. То, что об этом пишет Вешлер — неточно, да и

просто не по делу. Не следует смешивать риторику с реальными действиями. На словах Клаус действительно призывает к полной рыночной свободе. Это и неудивительно: ведь наша экономика отягощена непомерным государственным сектором, который сейчас только начинают приватизировать, а нашему народу сорок лет вбивали в голову, что одно лишь государство способно управлять народным хозяйством. Однако реформа развивается своим чередом и приносит хорошие плоды: безработица (по крайней мере, в Чехии) почти незаметна, инфляция минимальна.

Сегодня наша страна вступила в полосу сильнейшего кризиса, который, на первый взгляд, никак не связан с политикой экономических реформ и создания демократических институтов (или слабостями этой политики, проявившимися в осуществлении Закона о люстрации). Этот кризис был порожден непростой задачей разделения единого государства на две части ради удовлетворения национальных притязаний словаков. Для Чешской республики самое важное — сохранить курс на возвращение в Европу. Клаус для этого делает все, что только в человеческих силах, и добивается куда больше своего предшественника, который, несмотря на идеальное диссидентское прошлое, работал неэффективно и не был переизбран.

Как удачно отмечено в вашей статье совсем по другому поводу, напечатанное за рубежом, особенно в Соединенных Штатах, начинает жить собственной жизнью у меня на родине. Именно по этой причине я и написала вам столь длинное письмо с объяснением сути дела. Я понимаю, что предметом статьи были прежде всего дело Кавана и закон о люстрации. По обоим этим вопросам у меня нет никаких расхождений с "Нью-Йоркером", однако и здесь, как во всем, относящемся к Чехо-Словакии, реальная ситуация не столь проста и однозначна. Вину за неудачный Закон о люстрации нельзя взваливать только на Клауса. Скорее всего не виноват никто по отдельности. Виновник, если он вообще существует, — наш демократически избранный парламент, принявший этот закон большинством в один голос.

"ОХОТА НА ВЕДЬМ" В ПРАГЕ *

Спустя два с половиной года после "бархатной революции" Вацлавская площадь и днем и ночью переполнена людьми — в основном туристами и иностранцами, приехавшими в Чехословакию помогать перестраивать страну или просто побыть там, где что-то происходит.

Большая часть зданий в центре Праги отремонтирована, поблескивают свежевыкрашенными стенами.

До сих пор сохранилось много магазинов коммунистической эры. Их вывески как этюды в коричневых тонах на коричневом же фоне, а названия говорят о том, какие товары в них продают — "Табак", "Аптека". Но теперь они перемежаются модными магазинами — таков магазин здоровой пищи "Сельская жизнь" и магазин, продающий американские футболки с надписью "Prague: Czech it Out".

За исключением нового огромного МакДональда такие изменения происходят, в основном, благодаря германским капиталовложениям.

Есть что-то наивное и невинное в этой новой атмосфере. Даже проститутки, которые теперь осаждают отели, как раньше это делала секретная полиция, выглядят неопытными школьницами, покручивая своими неизящными сумками словно коробками со школьным завтраком. В своей комнате в отеле я обнаружила и Библию, и рекламу ночных клубов и кабаре со стриптизом, а среди множества изданий, продаваемых по городу, есть "Prague Post" на английском языке, в которой помещена большая реклама The New York Review of Books, нью-йоркского книжного обозрения — публикации, которую когда-то я ввозила в страну контрабандой.

---

* *Jeri Laber. Witch Hunt in Prague. — "The New York Review of Books", April 23, 1992. Статья печатается с небольшими сокращениями.*

Я побывала в Праге в марте впервые за последние два года. В старые времена такой отрезок времени большого значения не имел. Я знала, чего ожидать, когда отправлялась туда для наблюдения за выполнением Хельсинкских соглашений о правах человека. Ситуация была чернобелой. С одной стороны — коммунисты, которые за двадцатилетний период "нормализации" после советского вторжения в 1968 г. заявляли, что в партии состоит каждый пятый в стране. Тогда казалось, что коммунисты руководят деятельностью всех гражданских институтов. В оппозиции к коммунистам была небольшая группа активистов "Хартии 77". Некоторые из них сами в прошлом были коммунистами, они поддерживали идеи "пражской весны" и порвали с компартией в 1968 г. Этим людям подвергали преследованиям и гонениям и, тем не менее, они продолжали сопротивляться властям с замечательной стойкостью. Создавалось впечатление, что оставшаяся часть населения никакой погоды не делает. О представителях этого слоя некоторые диссиденты отзывались свысока как о "серой зоне". Эти люди были пассивны и, как тогда казалось, старались держаться вне политики, по выходным дням находя убежище на своих дачах и избегая столкновений с режимом. Среди людей, с которыми я первым делом встретилась по прибытии в Прагу в марте 1992 г. были Вацлав Гавел, Йиржи Динстбир, Мартин Палоуш и Петр Ул. Я знала их как диссидентов на протяжении более десятка лет, все то время, в течение которого Американская хельсинкская комиссия следила за соблюдением прав человека в Чехословакии. Теперь Гавел стал президентом, Динстбир министром иностранных дел, Палоуш заместителем министра иностранных дел, а Ул — генеральным директором Чехословацкого агентства новостей. Когда-то мы встречались на улицах, в парках, в неприметных забегаловках. На этот раз я встретилась с Гавелом в раззолоченных залах Пражского кремля и позировала для фотографов по окончании встречи с ним. И все же, несмотря на все эти чудесные метаморфозы, мои заботы, как это ни грустно,

остались прежними. Я пришла обсуждать проблемы прав человека в посткоммунистической Чехо-Словакии с правительством, в котором высшие посты занимают мои бывшие соратники по правозащитному движению.

4 октября 1991 г. Чешское и Словацкое национальные собрания приняли новый закон, ставший известным как Акт о люстрации (от латинского слова, означающего очищение путем принесения жертвы). Он направлен против бывших агентов секретной полиции и ее осведомителей, против бывших коммунистов, занимавших посты районного уровня и выше, и против тысяч других людей, принадлежавших к таким группам как добровольная Народная милиция, которой руководила партия. Он также относится к членам комитетов, которые после прихода коммунистов к власти в 1948 г. и после оккупации 1968 г. отстраняли нежелательных или подозреваемых в чем-то граждан от работы и участия в гражданских организациях и исключали из высших учебных заведений. Закон о люстрации распространяется также на сотрудников полиции, которые проходили тренировку в Москве. По данным Международной организации труда (МОТ), более миллиона человек могут быть затронуты этим законом. В соответствии с ним, бывшим членам перечисленных групп запрещается на пятилетний срок занимать высокие административные должности в правительстве, министерствах и армии, в разведывательных органах, полиции, на государственном радио и телевидении, в агентствах новостей и государственных предприятиях, включая внешнеторговые компании, железные дороги и банки. Закон также отстраняет их от занятия высоких постов в системе образования и от должностей судей, прокуроров, следователей и ряда других, связанных с судопроизводством.

Закон позволяет гражданам оспаривать решение перед независимой комиссией. К концу марта эта комиссия получила около трехсот заявлений с просьбой о пересмотре, из них рассмотрено пока всего восемь. "И это только начало, — сказал мне в Праге один жур-

налист, — все гораздо серьезнее, чем кто-либо себе представлял".

У закона две цели: отстранить от государственных должностей людей, которые в прошлом занимали определенные официальные посты или принадлежали к определенным группам населения, а, во-вторых, разоблачить тех, кто работал на секретную полицию, и исключить возможность занятия этими людьми государственных должностей. Закон горячо обсуждался в парламенте в конце 1991 г. и был принят очень небольшим большинством голосов. Многие депутаты, чья жизнь прошла в борьбе против коммунизма, голосовали против этого закона вместе с коммунистами, которые располагали 13% 350 парламентских мандатов. Иржи Динстбир назвал депутатов, голосовавших за законопроект, "по духу большевиками правого толка".

В соответствии с законом, при разбирательстве дел бывших коммунистов и их пособников бремя доказательства невиновности лежит на обвиняемых, т.е. тот, кто стремится занять высокий пост, должен предоставить документ Министерства внутренних дел, заверяющий, что он (или она) чист, не принадлежал ни к одной из перечисленных выше организаций. Таким образом, закон исходит из предпосылки общей, коллективной вины; он карает людей за принадлежность к определенным группам населения, невзирая на то, когда они присоединились к данной группе, какой деятельностью занимались и насколько были вовлечены в нее. (Внесенный правительством в парламент законопроект первоначально предполагал, что должностные лица будут заводить дела только против отдельных граждан, которые, по их мнению, ответственны за конкретные нарушения прав человека, но эта версия закона была изменена в ходе парламентских дебатов.

В отношении агентов тайной полиции и осведомителей закон полагается на документы, обнаруженные в картотеке СТБ — чехословацкой секретной полиции. Таким образом, закон не принимает во внимание возможность фальсификации документов со злым умыс-

лом или корыстной целью и предполагает, что информация полиции правдива, если не доказано обратное. Но в архивах полиции не достаёт многих досье: более 15 тыс. дел, в основном на сотрудников, занимавших высокие посты, и на должностных лиц были уничтожены СТБ в последние дни коммунистического режима. Рихард Сахер, первый назначенный после революции министр внутренних дел, был, как мне сказали, близок к некоторым лицам в секретной полиции и мог позволить уничтожить ещё некоторые досье.

В начале 1990 г. Гавел заменил Сахера Лангошем, бывшим диссидентом, верующим католиком, воинствующим антикоммунистом. Собрав в Праге полицейские картотеки со всей страны, Лангош подготовил почву для принятия закона о люстрации. Списки, написанные от руки, как и введенные в компьютеры, по существу являются каталогом к огромному количеству полицейских досье. В них содержатся имена около 140 тыс. секретных агентов, внештатных осведомителей и связных за период с 1948 по 1989 г., когда у власти были коммунисты.

Сторонники закона о люстрации утверждают, что информация, содержащаяся в этих списках, надежна. Тем самым они доверяются секретной полиции, которая на протяжении всех этих лет лгала, вводила в заблуждение граждан и преследовала их. Похоже, эта полиция все ещё правит — даже из могилы.

Закон о люстрации стал своего рода естественным продолжением той меры, которая ранее затрагивала лишь членов парламента. Уже в феврале 1991 г. была назначена специальная комиссия по изучению полицейских досье членов парламента и разоблачению тех из них, кто числился в списках агентов или сотрудников органов госбезопасности. Поскольку парламентарии были народными избранниками и обладали иммунитетом, они не могли быть смещены, так что тех, чьи имена были обнаружены в списках и досье, комиссия поставила перед выбором: либо они тихо уйдут в отставку, либо они будут публично разоблачены. 22 марта 1991 г. на специальной сессии парламента, передававшей по

телевидению, были вслух зачитаны имена десяти человек, сотрудничавших с полицией. Это были имена депутатов, отказавшихся уйти в отставку. Некоторые из них в настоящее время оспаривают выдвинутые против них обвинения.

Сторонники закона о люстрации считают, что он коснется лишь нескольких тысяч должностей. Однако в Министерство внутренних дел было подано более 300 тыс. заявлений. Никто не знает, скольким было отказано в приеме на работу. Ситуация кажется неуправляемой, и она становится еще более запутанной из-за того, что некоторые ведомства и предприятия, на которые не распространяется закон о люстрации, все же предпочли устроить проверку своим сотрудникам.

В связи с резолюцией Международной организации труда об отмене или изменении Закона о люстрации, поскольку он дискриминирует людей на основании их политических взглядов и исходит из концепции коллективной вины, 99 членов парламента недавно проголосовали за то, чтобы направить этот закон в Конституционный суд.

Прага переполнена слухами, сплетнями, подозрениями и опасениями, во многом базирующимся на ложной информации из досье СТБ. Атмосфера в городе напряженная и неприятная. У всех, с кем бы я ни встречалась, было чем со мной поделиться: рассказом о человеке, доносившем на своего брата; о коллеге, задачей которого было сообщать о сексуальных наклонностях его сотрудников; о доносчиках в движении Хартия 77 — мне говорили, что им был каждый пятый. Я встретила старым другом, которого разоблачили как осведомителя. Я знала его как глубоко уважаемого адвоката, защищавшего диссидентов, когда другие от этого отказывались. Он помог мне подготовить мою первую поездку в Чехословакию в 1979 г. Я слушала его с готовностью поверить в то, что он "вступал в отвлеченного рода дискуссии об обществе", а не доносил полиции на своих коллег. Ряд известных диссидентов выразил свое сочувствие нескольким доносившим. "Некоторые из моих

лучших друзей оказались осведомителями, — сказал мне Ян Урбан, известный журналист, противник закона о люстрации. — Я узнал, как госбезопасность сломила их. Не хочу судить. Я не знаю, как я сам повел бы себя на их месте". Павел Братинка, парламентарий, заявивший мне, что он "полностью на стороне закона о люстрации", сказал, что полицейские досье все же "очень печальное чтиво. В них епископы, священники, кинорежиссеры, а иногда попадаются и твои друзья". Но его сочувствие не безгранично: "Сотрудники госбезопасности должны были быть надежными, поэтому их никто не неволил, хотя, возможно, оказывали давление на некоторых информаторов".

4 марта парламент отверг предложение об опубликовании имен всех сотрудников секретной полиции и осведомителей. В то же время он одобрил резолюцию, предоставляющую всем гражданам доступ к их собственным досье. Могут, однако, пройти годы прежде чем эта резолюция будет реализована. Пока же досье хранятся под замком, и доступ к ним имеют только министр внутренних дел Лангош, его заместитель и еще несколько высокопоставленных должностных лиц. Но все же многое стало известно. Сразу же после революции кое-кто изыскал способ просмотреть свои собственные и чужие досье, переснять их, а то и уничтожить. Впоследствии списки и досье избранных депутатов, разоблаченных в качестве сотрудников или осведомителей госбезопасности, стали доступны всем членам парламента, и те в процессе ознакомления смогли почерпнуть из них информацию и о других лицах.

В Праге мне доверительно говорили, что видели досье на кого-то другого и без всякой нужды начинали пересказывать содержавшиеся в нем сведения, "конечно, только между нами". Несколько таких непрошенных откровений имели место в присутствии мало знакомого человека — моей переводчицы, но в ее сторону рассказчики и бровью не повели.

Самую большую известность о подозрении в связях с СТБ приобрело дело Яна Кавана (см. статьи Лоуренса

Вешлера в этом номере журнала. — Ред.)...Другой случай касается Зденека Млинаржа, в прошлом члена политбюро ЦК КПЧ и близкого сподвижника Александра Дубчека во время "пражской весны". 13 февраля представитель Министерства внутренних дел заявил от имени группы следователей министерства, что восемнадцать бывших руководителей Коммунистической партии совершили государственную измену, побывав в советском посольстве в Праге вскоре после вторжения 1968 г., когда советские официальные лица пытались сформировать так называемое рабоче-крестьянское правительство, которое должно было сменить руководство Дубчека. Министерство внутренних дел закрыло глаза на то, что Млинарж отказался войти в какое бы то ни было новое правительство, а из посольства немедленно направился на проводившийся в подполье XIV съезд КПЧ, где рассказал собравшимся там коммунистам-реформаторам о случившемся. Большинство других обвиняемых — сторонников просоветской линии, входивших в группу из восемнадцати человек, — уже не может быть привлечено к суду, так как истек двадцатилетний срок давности. Но Млинарж, мужественно вышедший из партии и ставший одним из авторов Хартии 77 и первых подписавших этот документ, в 1978 г. был вынужден эмигрировать, и срок его пребывания за границей не засчитывается в этот двадцатилетний срок.

Млинарж активно выступает против закона о люстрации. Он публично призвал Гавела не подписывать его. Отношение к люстрации сына Млинаржа Владимира — журналиста, работающего в еженедельнике правого уклона "Респект", двойственное. "Для демократии это плохо, но нужно, — сказал он мне. — Я необъективен, потому что это затрагивает моих родителей". (Мать Владимира — Рита Климова, посол Чехо-словакии в США — потенциальная жертва закона о люстрации, так как ее обвиняют в том, что она входила в комитет по проверкам, когда ей было шестнадцать лет.)

По словам Владимира Млинаржа, закон почти не затрагивает высших партийных деятелей, так как они занимают

высокие выборные должности, работают в частном секторе или же вышли на пенсию. Даже Мирослав Штепан, глава пражской партийной организации, осужденный за приказ подавить демонстрацию 17 ноября 1989 г., которая стала преддверием "бархатной революции", уже отбыл шестимесячное заключение и теперь надписывает читателям книгу своих мемуаров.

Владимир расстроен, что никто, даже Гавел, не встал на защиту его отца. Хотя некоторые считают, что Млинаржа несправедливо обвинили из-за того, что он подверг критике закон о люстрации, Владимир предпочел объяснить нелепое обвинение его отца в государственной измене политической тупостью полиции. "Я надеюсь, что дело именно в этом, иначе я разуверюсь во всем, что здесь происходит", — сказал он.

Я спросила Владимира, не обеспокоен ли он тем, что может сам стать мишенью из-за прошлого своих родителей. Он опроверг такого рода предположения. Однако во время встречи с руководителем одного из пражских мозговых трестов, который нехотя "подчищал" кадры, я узнала, что на него уже оказывают давление, чтобы он не принимал на работу детей бывших коммунистов.

Закон о люстрации — это симптом сдвига вправо в политической жизни страны, но у этого закона есть и сторонники среди людей умеренных взглядов. Некоторые полагают, что закон необходим в интересах справедливости. Они говорят об общем недовольстве медленным ходом реформ и о несбывшихся надеждах. Они считают несправедливым, что бывшие полицейские и коммунисты занимают сплошь и рядом привилегированные посты в управлении, а зачастую и в частном секторе, в то время как бывшие политические заключенные, даже получившие травмы и ставшие инвалидами в результате преследований, от так называемой бархатной революции не получили ничего. После двадцати с лишним лет ожидания ими овладевает нетерпение. Они говорят, что коммунисты препятствуют реформам и демократии и что бывшие коммунисты-националисты в Словакии угро-

жают разорвать страну пополам. В ретроспективе, по их мнению, "бархатная революция" была слишком мягкой. За ней, утверждают они, должно было сразу же последовать революционное возмездие, как последовали аресты после августовского путча в Москве. И все же некоторые вначале поддерживавшие закон о люстрации омрачены ходом его реализации и тем накалом ненависти и жажды отмщения, которые этот закон пробудил к жизни. Как я увидела, активнее всего добиваются сведения счетов не диссиденты, более других пострадавшие при коммунистах. Эти люди, привыкшие выражать свои взгляды открыто, по всей вероятности, менее других нуждаются в катарсисе; они также не испытывают необходимости доказывать свою благонадежность. В основном ищущие возмездия — это люди из "серой зоны". Не будучи ни коммунистами, ни диссидентами они отсиживались, не делая ничего, что могло бы вызвать неодобрение властей; поэтому они и не подвергались преследованиям. Некоторые считают, что эти люди страдают от угрызений совести и мстят за собственное унижение. Настаивая на "очищении", они хотят показать, что они чисты. Поэтому они ищут козлов отпущения, нападая даже на коммунистов, инспирировавших "пражскую весну". Некоторые из представителей "серой зоны" слишком молоды, чтобы помнить "пражскую весну". Одна молодая женщина сказала мне, что их "тошнило" от дубчеховской концепции "социализма с человеческим лицом".

Пытаясь объяснить, почему они сами не примкнули к диссидентам, они называют их круг "мафиозным образованием". У многих ищущих возмездия против коммунистов имеются политические мотивы и устремления. Они поддерживают Вацлава Клауса, нынешнего министра финансов (сейчас он уже глава правительства. — Ред.), политически "чистого" экономиста правого крыла, который работал в группе экономических прогнозов Академии наук.

Клаус — человек спокойный и уверенный в себе. У него много последователей. О нем говорят, что он "никогда ничего не подписывал". ("Как и большинство

чехов, — отметил один недавно возвратившийся эмигрант. — За это они его и любят".) Клаус — поклонник экономических теорий Мильтона Фридмана, он привержен цели быстрого строительства рыночной экономики, даже ценой социальных трудностей. Его популярность объясняется тем, что пока безработица в стране все еще не превышает 7%. Клаусу следует отдать должное за поддержку, которую он с 1989 г. оказывает малым предпринимателям; ему же принадлежат планы по широкой ваучеризации. Но вернемся к закону о люстрации...

2 марта 1992 г. Гавел сместил генерального прокурора Ивана Гаспаровича, которого обвиняли в медлительности расследований относительно бывших коммунистов и сотрудников секретной полиции. Этот акт Гавела некоторые расценили как уклон вправо...

"Мы еще не нашли решения, как достойно и цивилизованно осознать наше прошлое и сделать из этого соответствующие выводы, — сказал мне Гавел во время нашей прошлой встречи. — Акт о люстрации затрагивает только мелкую сошку. Крупная над нами смеется. Активные проводники прошлого режима стали капиталистами и на них суда нет". В недавнем интервью с Адамом Михником Гавел выразил озабоченность по поводу "произвола мести и охоты на ведьм". "Я не чувствую потребности мстить, — сказал он Михнику, — но как государственный деятель я не имею права объявить всеобщую амнистию от лица других граждан".

Гавел подписал Акт о люстрации, заявив при этом, что он немедленно попытается обеспечить внесение в него ряда поправок. Эти поправки предусматривали, что дело каждого гражданина должно разбираться независимым судом индивидуально. Однако сформулированы они были Гавелом в форме письма парламенту, а не юридическим языком, что могло ускорить их формальное обсуждение в парламенте.

"Гавел расчетливо ведет себя с правыми, — сказал мне один его бывший поклонник, — это уже не прежний Вацлав Гавел".

Подход Гавела отличался от подхода президента

Венгрии Арпада Гонча, который отказался подписать законопроект, продлевающий срок давности, что позволило бы расследовать дела тех, кто подозревался в преступлениях, совершенных во время революции 1956 г. и после нее. Президент Гонч направил этот законопроект во вновь созданный Конституционный суд, и тот, вопреки ожиданиям, счел его противоречащим конституции.

Вацлав Гавел и до того как стал президентом, и после вступления на пост выдвигал высокие критерии нравственности, выражая уверенность в том, что Чехословакия восстановит понятия "чести, порядочности и взаимного уважения". "Во всем мире, — говорил он, — были поражены тем, как эти обозленные, униженные, циничные граждане Чехословакии, которые, как казалось, не верят ни во что, нашли в себе огромную силу за несколько недель сокрушить тоталитарную систему и сделать это совершенно мирным и достойным образом". Но он также предупреждал: "У нас нет права во всем обвинять лишь наших прежних правителей, и не только потому, что это было бы несправедливо, но также потому, что это умалило бы меру той ответственности, которая сейчас требуется от всех нас".

Гавел был глубоко обеспокоен. В начале 1990 г., когда Чехословакия все еще находилась в обволакивающем дурмане, он предупреждал меня, что "скоро настанут тяжкие времена". "Сорок лет подавлялись человеческие эмоции, и сейчас начнут проявляться самые отрицательные из них". Два года спустя сбылись некоторые из его самых мрачных опасений.

Можно объяснить, почему охота на ведьм проходит так активно в Германии и Чехословакии. В обеих странах у власти были чрезвычайно репрессивные правительства, не дававшие отдушины недовольству. Единственным выходом было бежать из страны. В Польше и Венгрии, где при коммунистах возникли параллельные структуры гражданского общества, процесс декоммунизации не настолько жесток. В 1989 г. в Польше и Венгрии были реформистские правительства, вступающие в диалог с диссидентами. Эти правительства, пусть и неохотно, все

же согласились с переменами. Правительства же Чехословакии и ГДР развалились в одночасье, в результате чего возник идейный и духовный вакуум. "Для многих смысл жизни состоял в борьбе со старым режимом, — сказал мне пражский психолог. — И сейчас мы наблюдаем скатывание к иррациональному мышлению. Люди чувствуют себя неуверенно". После продолжительного сна чехи и словаки оказались в мире, в котором они чувствуют себя неугодно. Результатом является ксенофобия, неприязнь ко всему непривычному и чужеродному: цыгане, вьетнамцы, гомосексуалисты и коммунисты — все стали объектом подозрений и предрассудков.

Как может Чехословакия ответственно отнестись к своему прошлому, осознать свою историю и извлечь из накопленного опыта соответствующие уроки? В Праге я обнаружила своего рода консенсус относительно того, что следовало бы сделать. Тех, кто совершил явные преступления, нужно привлечь к ответственности, предоставив обвиняемым полную возможность защитить себя перед независимым судом.

Необходимо признать страдания жертв коммунизма, в особенности погибших и подвергавшихся пыткам. Во всех случаях, где это возможно, должна быть выдана финансовая компенсация.

Должна быть создана независимая комиссия для сбора документации обо всех случаях нарушения закона с тем, чтобы была выявлена полная правда.

Люстрация — это всего лишь суррогат правды, и совершенно очевидно, что это не выход. Как и политика "прощения и забвения". Страна страдала слишком много и долго. Граждане Чехословакии должны признать тот факт, что невозможно и нежелательно наказывать каждого коммуниста за каждый проступок. Основной виновник — коммунистическая система — уже похоронен... Коммунизм подавлял человеческое достоинство, вынуждал людей скрывать свои мысли, он заставлял их заявлять о поддержке системы, которую они презирали. Коммунизм создавал атмосферу, в которой никто никому не доверял...

Невозможно возместить ущерб всем жертвам. Главной

жертвой стало само общество. Замешанными оказались все — не только коммунисты или молчаливо соглашавшиеся. Даже диссидентов вынуждали идти на компромиссы. Таково страшное наследие коммунизма. И не нужно разбираться с ним методами, которые применяли бывшие притеснители; лучше последовать призыву Вацлава Гавела восстановить такие понятия как "честь, порядочность и взаимное уважение".

СОМНЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПОЛИЦЕЙСКИХ АРХИВОВ

Вначале все выглядело очень просто. Избавившись от прошлого, мы хотели, чтобы будущее больше не вмешивалось в наши дела. Как обычно, и на этот раз напрашивались простые решения. В той же степени, в какой было дискредитировано наше прошлое, были дискредитированы и те, кто служил прошлому режиму и нес ответственность за его существование и его преступления. Как только становилось известно о сотрудничестве того или иного лица с секретной полицией, этот человек сразу исключался из сообщества порядочных людей, фактически переставал существовать. Особенно эмоционально переживали новую и новую информацию о сотрудничестве своих знакомых с секретной полицией бывшие диссиденты. И это понятно. Ведь эти люди были с нами, дружили с нами — и доносили на нас. Однако информация о якобы доносчиках не была доказанной — кто-то кому-то что-то сказал, кто-то где-то о чем-то прочитал. Но люди ведь разные, часто у них бывают не совсем определенные, а иногда и неожиданные для окружающих интересы. И вскоре оказалось, что среди участников оппозиции прошлому режиму было мало таких, кто ни разу не обвинялся в сотрудничестве с секретной полицией. Подобного рода информацию я слышал и о себе.

И если вначале казалось, что вопрос бывших сотрудников органов госбезопасности будет решен на волне революции, просто и без проблем, то несколько месяцев спустя выяснилось, что его нужно решать совершенно иначе. Ложные обвинения; опровержения со стороны тех, в чьем сотрудничестве с органами госбезопасности мы были совершенно уверены; пропавшие из архивов секретной полиции материалы — все это привело к убеждению о необходимости выработать законные рамки для решения данной проблемы. И тогда возник так называемый

мый закон о люстрации. По сравнению с проектом этого закона его окончательный текст по решению парламента был более жестким, так что, в конце концов, этот закон коснулся не только тех, кто работал в секретной полиции или сотрудничал с ней, но и членов Народной милиции (вооруженных сил компартии), а также членов руководства и аппарата коммунистической партии. В соответствии с законом, все эти люди лишены права занимать определенные должности в государственном аппарате в течение пяти лет.

Казалось, проблема решена довольно либерально и безусловно или, по крайней мере терпимо с этической точки зрения. Однако сразу же возникли определенные трудности, и именно из-за них закон о люстрации стал самым противоречивым из всех законов, принятых чехословацким парламентом за два года его работы.

Сомнителен уже сам источник, из которого мы черпаем информацию о сотрудничавших с органами госбезопасности. Ведь единственным источником такой информации являются прежде всего архивы секретной полиции. Но почему мы должны доверять протоколам лжецов, почему мы должны считать информацию великих фальсификаторов соответствующей действительности, доверять честности тех, кто, как мы постоянно заявляем, не заслуживает доверия? Верно, их записи систематизированы, на них стоит множество подписей и печатей. Но ведь на основании таких же систематизированных документов в свое время были осуждены за какие-то преступления Вацлав Гавел, Адам Михник, Ян Чарногурский и др.

Ели мы верим их записям (а именно на этой вере основывается принятый чехо-словацким парламентом закон о люстрации), то не должны ли мы верить и тем фактам, которые скрываются за этими записями? Как страдали те, кого заставили подписать обязательство о сотрудничестве? Кто из невиновных может бросить камень лишь потому, что им секретная полиция не интересовалась и не оказывала на него такого же давления? Как отличить тех, кто подписал под нажимом, от тех, кто подписал

такое обязательство охотно и выполнял его рьяно? И, наконец, сама подпись ничего не говорит о том, делали ли подписавшие что-то на пользу секретной полиции. Возможно, кто-то подписал такую бумажку по договоренности с друзьями в надежде, что сотрудничество с органами ничего дурного им не принесет? Все эти сомнения свидетельствуют о том, что в таких случаях имеется огромная дистанция между добром и злом.

Время, которое в состоянии отточить камень и превратить очаровательную девушку в старуху, в случае закона о люстрации совершенно беспомощно. Срок вины за убийство может истечь через двадцать пять лет — по чехословацким законам, по крайней мере. Однако за подпись под обязательством о сотрудничестве человек отвечает и по истечении сорока лет. Как же это можно сочетать с призывами к правовой стабильности, к созданию правового государства?

Даже когда все документы выглядят достоверно и существуют письменные доказательства о сотрудничестве, протоколы допросов или информация о встречах, это все равно не означает, что все совершенно ясно. Ведь тогда-то и возникает проблема интерпретации. Тот, кого не допрашивала секретная полиция, кто не знает методы ее работы, кто никогда не сравнивал свои показания с протокольными записями, не может иметь понятия о том, что он читает. Кожаный язык полицейских превращает нормальные человеческие высказывания в оруэлловскую новоречь и придает им заговорщеский характер. Обычное невинное предложение в сознании сотрудников органов госбезопасности легко трансформируется в конспиративную информацию, свидетельствующую о происках врагов рабочего класса. Приглашение со стороны сотрудника этих органов на чашку кофе оказывается в архивных материалах приглашением на конспиративную встречу. Таким документам поверит человек не знающий, на что способна секретная полиция, видящий во всем угрозу, каждый, читающий по верхам, и не задумывающийся над сложнейшими взаимосвязями, сопутствующими процессу оформления протокола.

Я думаю, нет смысла приводить дополнительные аргументы. Кто хочет понять, так поймет, что люстрация заведет нас в тупик, который породит новые несправедливости, не восстановив при этом справедливость за действия, унаследованные от прошлого. Того же, кто отказывается понимать, не убедишь и конкретными примерами.

Действия противников люстрации объясняют самыми различными причинами — либо это защитники прошлых порядков, либо скрытые коммунисты, которые боятся разоблачения их собственной вины или защищают друзей, которым они за что-то обязаны; либо это наивные люди, которые просто не сознают опасности реставрации коммунизма. Мне думается, что ни один из этих аргументов не соответствует действительности.

Противники люстрации — это чаще всего люди, которые в прошлом сами получили много ударов от тоталитарной власти, и поэтому они противятся возобновлению тех же методов. Это люди, которые остро ощущают необходимость правовой уверенности и верховенства закона. Это не нравственный нигилизм и не терпимость ко злу. На совести коммунистического режима — страшные преступления, их не следует ни забывать, ни преуменьшать. Но было бы слишком просто выбрать лишь одну категорию людей, которые по воле случая оказались упомянутыми в полицейских архивах, и всю вину за прошлое возложить на них. Виноваты все, и хотя доля вины разных людей различна, не в наших силах эти различия вычислить и сформулировать. Не следует исключать возможности суда над теми, кто на службе прошлому режиму совершил преступления. Однако имена, указанные в протоколах полиции, мы должны были бы забыть как можно скорее. Они почти ничего не говорят о прошлом — напротив, они еще больше затуманивают его. Если имена сотрудничавших с госбезопасностью будут опубликованы, это будет последней победой секретной полиции и чрезвычайно существенной победой.

Говорят, что закон о люстрации не может нанести ущерб, потому что тем, на кого этот закон распространяется,

запрещается лишь занимать определенные посты в органах государственного управления. Но это не так. Люди, чьи имена были названы в связи с люстрацией, исключаются не только из общественной жизни — калечится и их личная жизнь. Их покидают друзья, их семьи разбиваются, они окружены презрением и не могут устроиться на другую работу. Они лишены возможности защититься, они не могут опровергнуть обвинения, выдвинутые против них, и вообще что-либо разъяснить. Можно, конечно, сказать, что многим воздается по заслугам за их действия в прошлом. Но по отношению ко многим другим вершится не только несправедливость, но и бесправие. На таком беззаконии строить правовое государство нельзя. Тот, кто ставит под угрозу идею правового государства, одновременно ставит под угрозу идею демократии, угрозу, от которой молодые демократические государства не всегда способны оправиться.

Робин Фокс

**ФАТАЛЬНАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ:
ВОЙНА И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА***

Судя по всему, сейчас мы переживаем один из тех нечастых периодов оживления надежд на скорый переход к всеобщему миру, с помощью которых история время от времени пытается приукрасить печально непрерывную последовательность всякого рода войн и вооруженных конфликтов. Как правило, люди всегда где-нибудь да дерутся — в справедливости этого не слишком часто формулируемого социологического вывода можно убедиться без всякого труда. По-видимому, мало кто сегодня читал блестящую монографию Льюиса Ричардсона "Статистика смертельных столкновений"¹, но всякому, кто сомневается в истинности этого обобщения, будет достаточно просто перелистать ее страницы. Однако верящие, что войны навсегда ушли в прошлое, видят в этой повторяемости лишь досадное отклонение от общего правила. С их точки зрения, мы бы уже давно перековали мечи на орала и позабыли бы о всех войнах, если бы в мире не существовало гонки вооружений, империализма или колониализма, капитализма и классового угнетения, монархических склок, коммунистического экспансионизма, диктаторов-психопатов и т.п. (этот список можно продолжать до бесконечности).

Реальная история не настраивает, однако, на особый оптимизм. Вера в конец войн не менее иллюзорна, чем вера в "конец истории". В конце концов, все возвращается на круги своя, так что давайте хотя бы проявлять осто-

*По-английски статья была напечатана в журнале "National Interest", N 30, Winter 1992/1993, pp. 11-20.

рожность, если мы пытаемся провозгласить окончание этого столь типичного человеческого развлечения. Всем известны стандартные аргументы приверженцев идеи прекращения войн: при всем нашем уважении к Клаузевицу, война перестает быть эффективным средством достижения политических целей; сегодня весь мир стремится к демократии, а демократическая система по природе миролюбива (Майкл Дойл); рост межнациональных корпораций в сочетании с улучшением транспорта и возникновением глобальных систем электронных коммуникаций создают настолько сильную международную взаимозависимость, что войны делаются невозможными; из-за всего вышеперечисленного войны делаются недопустимо дорогостоящими (Норман Энджелл)... и т.д.

Почти все эти рассуждения отнюдь не новы. В XVII и XVIII столетиях и даже в первой половине XIX века сама идея грядущего прекращения войн никого особенно не занимала. В то время все считали само собой разумеющимся, что война — это нормальный и естественный способ осуществления национальной политики, к которому прибегают, когда в этом возникает нужда, и которым перестают пользоваться, когда она проходит. Войны между государствами, за исключением разве что Тридцатилетней войны (предвещавшей, как мы теперь понимаем, малоприятные события XX века), велись силами профессиональных армий и не особенно беспокоили большинство населения. Гражданские войны могли приносить больше тягот, но и в них потери на душу населения оставались умеренными, а послевоенное восстановление не заставляло себя ждать.

Теории о скором прекращении войн стали набирать силу лишь во второй половине прошлого века. Такие факторы как невиданный рост народонаселения, перемещение больших масс людей, интенсивный рост торговли и колоний и всеобщая индустриализация, по крайней мере западного мира, породили у многих безудержный оптимизм, хотя некоторые наблюдатели уже тогда увидели в них потенциал для умножения грядущих конфликтов. Например, либералы спенсеровского толка не

устанавливали предсказывать вслед за своим учителем, что переход от "простых" социальных структур к "сложным" будет сопровождаться заменой "военных" форм социальной структуры на ее "индустриальные" формы, которые по своей природе будут отторгать войну (причем в силу тех же причин, которыми и сегодня подкрепляют идею скорого прекращения военных конфликтов).

Например, говорилось, что всемирная свободная торговля приведет к экономической специализации и, следовательно, взаимозависимости различных стран, которые поэтому лишатся способности воевать друг с другом. Когда я в ранней молодости впервые прочел эти рассуждения Спенсера, так же как и аналогичные аргументы Бокля, Эмерсона и других пророков прекращения войн прошедшего века, они показались мне очень убедительными, но я не мог не задуматься, что привело к таким многочисленным войнам как Гражданская война в Америке, франко-прусская, англо-бурская, испано-американская, японо-китайская, русско-японская, русская гражданская, Первая и Вторая мировые войны, пакистано-индийская, корейская и арабо-израильская (не говоря уже о многочисленных столкновениях меньшего масштаба в Испании, Эфиопии, Ирландии и т.п., равно как и о почти забытых актах колониального геноцида, например в Бельгийском Конго). Твердолобые спенсерианцы (которых тогда уже осталось немного) могли бы на это заявить, что предсказанная ими эволюция требует времени, что позитивное развитие не может не сопровождаться временными отступлениями и т.п. Сам Спенсер осудил приобретение правительством Дизраэли Суэцкого канала, видя в нем возвращение к изживающей себя "военной" политике.

Все дело, однако, в том, что мы вроде бы отнюдь не намерены преисполниться доверия к историческому императиву и решительно двинуться к бесконфликтному миру. Это печальное обстоятельство продолжает беспокоить сторонников "пацифистской" концепции исторического прогресса, в число которых во времена моей молодости входили, помимо всех прочих, социалисты и

интернационалисты. С точки зрения первых, победа пролетариата в достаточном числе стран не могла не привести к тому, что по крайней мере эти страны больше не пожелают воевать друг с другом. Впрочем, этого было ждать не обязательно: пролетарии всех стран еще до своей всемирно-исторической победы могли бы настолько преисполниться классового самосознания, чтобы отказать проливать кровь друг друга ради прибылей капиталистов. Еще в 50-е годы ортодоксы в Лондонской школе экономики самым серьезным образом проповедовали эту веру. Уже тогда мне казалось, что само негибимое упрямство этих твердолобых доктринеров неплохо свидетельствовало о неизбежности всякого рода человеческих глупостей, в том числе и войны.

Интернационалисты, хотя отнюдь не все, были умеренными социалистами. Они предлагали свою собственную версию умиротворения мировой истории, которая содержала такие привычные рецепты как обуздание гонки вооружений, укрепление Лиги Наций, введение санкций против агрессоров, расширение туризма и международных обменов и, наконец, всеобщее изучение эсперанто, этого подлинного языка надежды.² Полагаю, что сюда же нужно отнести различные типы изоляционизма, особенно американского — хотя его сторонники так и не развили своей собственной убедительной теории прекращения войн, они все же утверждали, что военная опасность уменьшится, если все мы дружно начнем возделывать свои собственные сады и перестанем лезть за свои границы. Сегодня мы можем в истинном свете оценить военный гений таких столпов изоляционизма как "полковник" Линдберг, заверявший Рузвельта, что польская авиация немедленно разделается с Люфтваффе.

Война и общественные факторы

Нетрудно понять искушение поскорее провозгласить конец войнам, и немного найдется людей, которые не были бы рады в это поверить. Однако войны были и остаются одной из универсальных констант человеческой

истории, так что прежде чем ликовать по поводу их ухода в прошлое, следовало бы задать себе не особенно приятный вопрос: могут ли повлиять на их постоянство какие-либо общественные изменения? Иначе говоря, порождаются ли войны одними лишь социальными факторами? — тогда ведь можно было бы надеяться ощутимо снизить вероятность возникновения новых войн за счет соответствующих общественных преобразований. Или же дело обстоит иначе, и войны, подобно сексу, хотя и испытывают воздействие социальных перемен, но все же не "вызываются", а потому и не упраздняются, одними лишь социальными факторами?

Те, кто верит, что войны "порождаются" определенными общественными условиями, предложили целый список таких причин, почти столь же длинный, как и список прежних войн. Об этом думал, например, Т.Э.Лоуренс, лежа больной в палатке в Вади Аис и пытаюсь понять причины арабского восстания: "Клаузевиц перечислил все виды войн:... личные войны, династические конфликты..., войны на взаимное уничтожение, вызываемые партийной политикой..., торговые войны за завоевание коммерческих преимуществ..., любые войны при сравнении редко выглядят полностью подобными. Часто воюющие стороны сами не осознавали своих целей и совершали разного рода нелепости до тех пор, пока ход событий сам не приводил к определенным результатам"³. Хотя в каждом случае эти особые обстоятельства могли бы вызвать конфликт, было бы странным, если бы каждая война имела свою особую причину, и поэтому существовало потенциально неограниченное число факторов, порождающих войны. Никому еще не удалось придумать общей формулы "причин войны" (в частности ни Ричардсону, ни Куинси Райту). Например, "примитивные войны" нельзя объяснить ни одной из причин, перечисленных выше. Часто вообще кажется, что многие войны велись без всякой видимой цели, а просто ради удовольствия. С этим труднее всего примириться: нам не хочется признать, что война может обладать своим собственным очарованием, легко привлекающим многих и многих людей. Конечно,

каждая война имеет конкретные "поводы", но это отнюдь не одно и то же, что причины. В особенно воинственных обществах такие поводы часто бывали в высшей степени условными, скорее "сигналами" начала войны, нежели ее причинами, а подчас носили просто временный характер.

Критики могли бы на это возразить, что нужно объяснить, почему одни общества воинственны, а другие нет. На самом деле, точнее было бы сказать, что "одни общества более воинственны, чем другие". Действительно, некоторые общества особенно склонны к военным авантюрам, но лишь очень немногие абсолютно не подготовлены к потенциальной войне, причем обычно это относится к очень малым и изолированным обществам, например таким, как эскимосы. Многие народы, якобы абсолютно миролюбивые, например, индейцы пуэбло (которых я хорошо знаю) или бушмены, при определенных обстоятельствах оказываются великолепными воинами. Так называемые нейтралы — скажем, Швеция и Швейцария, столь прославляемые сторонниками теории прекращения войн, содержат прекрасно обученные и постоянно готовые к бою армии. Нет сомнения, что здесь есть собственные вариации, но за всеми ними проглядывает постоянство. Хотя никто не будет возражать против утверждения, что, сокращая посредством социальных перемен *поводы* для войны, можно уменьшить частоту военных столкновений, однако ни история, ни этнография не дают доказательств, что социальные изменения способны полностью устранить опасность войны.

Как мне кажется, эта точка зрения на деле обнадеживает куда больше, чем концепция типа "с войнами покончено, поскольку устранены их причины", которая может оказаться не менее опасной, чем интернационализм и изоляционизм. Если бы в 1930-е годы руководители антифашистских стран реалистичнее понимали природу человека и ее фатальную привязанность к войне, то не исключено, что они предприняли бы против надвигающейся войны более ранние и решительные действия. Дело в том, что пока еще остается в силе простая, но

верная мысль, что один из лучших способов остановить применение силы — угроза еще большей силой. Из-за этого антивоенной школе так нелегко объяснить тот очевидный факт, что главной причиной, предотвратившей после Второй мировой войны прямое военное столкновение между двумя сверхдержавами, было взаимное ядерное устрашение. Судя по всему, умножающиеся сегодня заверения в надежности "всеобщей демократии" как средстве прекращения всех и всяческих войн были стимулированы именно перспективой окончания ядерной монополии великих держав и распространения ядерного оружия по всему миру.

Одна из наиболее развернутых концепций грядущего прекращения войн содержится в недавно вышедшей книге Джона Мюллера "Судный день отступает: устарелость крупных войн"⁴. Эта появившаяся в 1989 г. монография просто набита всевозможными расхожими рассуждениями о том, что война, как некогда дуэли и рабовладение, уже превращается в "эзотерический институт" и потому обречена на отмирание. *Но что, если война имеет не больше сходства с рабовладением и дуэлями, чем, скажем, с феодализмом, или дразнением медведей, или любым другим успевшим устареть институтом? Что, если она куда больше напоминает секс или религию?* Этот вопрос даже не ставится. Однако неоднократно предсказанный конец религии пока не наступил; правда, никто не делает таких пророчеств относительно секса, но, возможно, все еще впереди. Лишь немногие задумываются над тем, уместны ли вообще аналогии между войной и сексом либо рабовладением, и в то же время с полным энтузиазмом возрождаются аргументы, разработанные Боклем еще в середине прошлого века. В длительном периоде более или менее мирной истории между 1815 и 1862 гг. Бокль увидел начало новой эры (Крымская война, по его мнению, была не в счет). Свой вывод он объяснял тем, что цивилизованные люди начали испытывать отвращение к войнам.

Спенсер и Бокль пришли к подобным выводам примерно одновременно. Последующее победное движение

истории отнюдь не подорвало энтузиазма сторонников этой логики. Так и сегодня: сорокалетний период относительного мира между "мировыми державами", особенно демократическими, прославляется как доказательство прекращения военных конфликтов между цивилизованными странами. Войны, которые ведутся руками государств-клиентов, просто не принимаются в расчет — подобным же образом и Бокль не принимал во внимание колониальные войны, поскольку в них "просвещенные и цивилизованные" государства друг другу не противостояли. Но если учесть "войны по поручению", придется признать, что "горячие войны" были постоянными на протяжении всей послевоенной истории. Великие державы просто изобрели иной способ воевать друг с другом, предсказанный еще Оруэллом. Примером могут служить конфликты в Корее, Вьетнаме и Афганистане, где одна из сверхдержав втягивала другую в вооруженный конфликт в одной из стран третьего мира, и каждая извлекала для себя выгоды из неудач соперницы.

Говорят, что эти исторические уроки сегодня потеряли значение, поскольку даже Россия и Китай вскоре станут демократическими странами и будут вести себя не менее прилично, чем служившие для них образцом страны Запада (которые тем временем вторгались в Гренаду и Панаму, воевали с Аргентиной из-за Фолклендских островов и с Ливией из-за Чада). Интересно, подорвет ли позиции пророков отмирания войн тот простой факт, что всего через несколько месяцев после выхода в свет книги Мюллера на Ближнем Востоке разразилась настоящая полномасштабная война, в которой участвовали более тридцати стран. Кто знает, тут многое зависит от определений, а они еще не все сформулированы. В конце концов, в 1914 г. в Германии, в теории, была демократия, был законно избранный парламент. Оказалось, однако, что все это не имело особого значения, поскольку ее внешняя политика вполне недемократическим образом контролировалась армией и кайзером. В ретроспективе это не всегда легко понять, но не следует забывать, что чем больше мы о чем-то мечтаем, тем легче принять желае-

мое за действительное. А это, в свою очередь, оборачивается нежеланием хотя бы допустить ошибочность основных предпосылок.

Война и древнейшие профессии

Читатель уже мог заметить из изложенного выше, что автор не питает доверия к модели, представляющей войну своего рода болезнью, которую можно устранить посредством надлежащего лечения. Всевозможные оптимисты и прогрессисты вообще любят рассматривать с эпидемиологической точки зрения все повторяющиеся социальные явления, которые они не любят и от которых они хотели бы избавиться — разводы, подростковую беременность, терроризм, неграмотность, насилие, молодежную преступность, наркотики, общественные беспорядки, бедность, автомобильные катастрофы, половое и общественное неравенство, предрассудки и т.д., и т.п. Мы видели, что Мюллер использует в качестве основных аналогий дуэли и рабство, в законности чего мы уже успели усомниться. Что если война больше похожа на секс или религию? Правда, аналогия с сексом, вероятно, не совсем удачна, поскольку война, в отличие от секса, организована и институционализована. Так что давайте лучше сравним ее с религией или проституцией. Обе они претендуют на титул древнейшей профессии, и обеих ревностные реформаторы уже успели объявить устаревшими (постоянный компонент проституции — вовсе не плата, изобретенная относительно недавно, но потребность многих мужчин в сексуальных связях без всяких сложностей и обязательств. Там, где не практикуется "свободная любовь", два основных метода достижения искомой цели — это дары [плата] и насилие. Если верить тому, что сейчас пишут об изнасилованиях, этот способ сексуального общения, возможно, переживает сейчас вторую молодость).

Рассмотрим аналогию с "концом религии". Рационалисты заявляют, что религия обязательно отомрет, как только на смену предлагаемым ей объяснениям придет

наука. Эти утверждения основываются еще на описанной Джеймсом Фрейзером якобы неизбежной эволюционной последовательности от магии — к религии и от религии — к науке. Рассуждая подобным же образом, можно прийти к заключению, что победа "свободной любви" уничтожит потребность в проституции и тем самым саму проституцию. Но, как мы хорошо знаем, оба института — и религия, и проституция — живут и процветают, несмотря на существование развитой науки и свободного секса. Поэтому мы должны спросить себя, не была ли аналогия с болезнью ложной с самого начала, не может ли оказаться так, что религия — это не только "ложное объяснение природы", а проституция — не только выход для недовольных жизнью мужчин-пуритан. Рационалисты, как это для них ни трудно, должны подумать, что, возможно, оба института своим существованием удовлетворяют какие-то потребности, не имеющие ничего общего с некоторыми объяснениями их и с фрустрацией.

Один из подходов к решению вопроса о постоянстве войн состоит в том, чтобы связать войну с человеческой агрессивностью, утверждая, что войны каким-то образом непосредственно порождаются глубинными агрессивными инстинктами. Нет сомнений, что между войной и агрессивностью существует связь, так же как существуют связи между сексом и проституцией или мистицизмом и религией. Но ни первое, ни второе, ни третье в своих институциональных формах не вытекает прямо из инстинктивных стимулов. Силы добра пролили немало чернил ради опровержения тезиса, что "агрессия порождает войну"⁵. Но это логическое построение рушится как картонный домик. Даже самая примитивная из войн — сложный, согласованный и тщательно организованный акт человеческого разума и воображения, где агрессивность часто является необходимым, но далеко не самым важным компонентом. Что же касается крупномасштабных войн, то в них роль агрессивности еще меньше, а факторы подготовки и организации явно превалируют над спонтанной яростью.

Давайте выразим это так: чтобы выиграть в войне, ее руководители должны направить агрессивность солдат на поля сражений. Но сражения — это отнюдь не вся война; а в современной технологической войне, где нападающие и обороняющиеся находятся далеко друг от друга, агрессивность вообще часто оказывается излишней. Мы могли бы даже сформулировать парадоксальное утверждение, что война тем безопасней, чем больше она сводится к простой агрессии. Дело в том, что агрессия, судя по всему, обладает своими собственными встроенными ограничениями и ритуальными действиями (которые легко переводятся в формализованные схватки того или иного рода, подобно средневековым рыцарским турнирам), в то время как о холодном воображении техновоителей этого не скажешь. Как настаивал Клаузевиц, они берут себе в помощь "разум", что куда страшнее, чем если бы их действия диктовались инстинктом, в котором всегда есть значительный компонент самосохранения.

Но если постоянный компонент войны — это не агрессия (возможно, к несчастью), тогда в чем же состоит ее "религиозная" притягательность? Где та причина, которая столь облегчает развязывание войн и заставляет массы людей поддерживать их с рвением, отвагой и жертвами, невиданными в мирное время? Уильям Джеймс, изучавший вопрос о "моральном эквиваленте" войны, видел в этом парадоксе самую суть обсуждаемой проблемы. Этот парадокс (если это вообще парадокс) пока еще не удалось разрешить: война раскрывает все лучшее и худшее, что в нас только есть. (То же самое может быть сказано о религии; и чем тщательнее мы сравниваем религию и войну, тем больше мы видим в них сходства).

Я недавно купил подержанный экземпляр печальной маленькой книги, озаглавленной "Предпосылки мира". Дата издания не указана, но скорее всего, это 1944 год. Это подборка статей на темы войны и мира, принадлежащих Уэнделлу Уилки ("Планета у нас одна"), Герберта Гувера и Хью Гибсона ("Прочный мир"), Генри Уоллеса ("Победа свободного мира") и Самнера Уэлса ("Програм-

ма мира"). Каждое эссе заканчивается одним и тем же выводом, что мира можно добиться и сохранить его можно только, выражаясь словами Уэлса, "посредством самопожертвования, отваги, решимости и дальновидности": но все эти качества с легкостью проявляют себя во время войны, и почти никогда — в мирное время (особенно дальновидность). Даже торжественное провозглашение "войны" с бедностью, с наркотиками, с безграмотностью мало на что влияет. Людей не обманешь: они знают, что такое война и сразу понимают, что это не настоящие войны. Всего через несколько месяцев после выхода в свет этой книги, содержащей призывы к прекращению войны, были взорваны первые атомные бомбы и началась холодная война, которой предстояло превратиться в горячую в Корее, Вьетнаме и в Афганистане. Шесть миллионов были обречены на смерть в территориальных войнах между Индией и Пакистаном, миллион — в Нигерии, два миллиона — в Камбодже и т. д. И дополнительный парадокс состоит в том, что бойня в Индии оказалась прямым следствием попытки Ганди поставить "самопожертвование, отвагу, решимость и дальновидность" на службу "ненасильственному сопротивлению" и открыто провозглашаемому пацифизму.

Воображение, символы и рассудок

Если аналогия между войной и религией выигрывает по сравнению с остальными, она может дать нам какие-то ключи к пониманию обсуждаемого предмета. В конце концов, со времен Адама война и религия всегда переплетались друг с другом. Религия (если понимать ее в широком смысле, включая такие апокалиптические или "умозрительные" доктрины как марксизм и империализм) удовлетворяет, судя по всему, фундаментальную человеческую потребность в целостном и не вызывающем сомнений мировоззрении, делающим ранее одинокого и колеблющегося индивидуума частью "церковного" единства, позволяющим ему обрести уверенность в себе и в жизни. Люди, в отличие от не способных на войны (если не

считать таких наших ближайших родственников как шимпанзе) животных, наделены (на свое благо или на беду) воображением и интеллектом.

Корни войны (как и религии или проституции) кроются именно в этих глубинно человеческих атрибутах, а отнюдь не в агрессивности как таковой. Конечно, если бы наша природа вообще исключала агрессивность, вопрос бы и не возник, но агрессивность как биологическое качество находит для себя множество куда менее устрашающих выходов, чем организованные военные действия, и для некоторых небольших обществ их оказывается вполне достаточно. Воздействие войны состоит в том, что она концентрирует и направляет агрессивные тенденции, объединяет их с другими столь же фундаментальными свойствами человеческого поведения и с помощью символов, воображения и рассудка делает их двигателем того сочетания "самопожертвования, отваги, решимости и дальновидности", о котором писал Ганди. У психологов есть свое собственное, более глубокое понимание всех этих атрибутов, но нам будет достаточно одного лишь здравого смысла. Главное здесь, несомненно, это потребность во "враге", которая настолько очевидна, что часто не принимается во внимание. Наша жизнь состоит не из одних успехов, и кто-то должен быть козлом отпущения за наши неудачи, будь то наши ближние, или "международные заговорщики", или "желтая опасность", или кто угодно еще. Потребность обвинять — чувство, которое очень легко сконцентрировать и направить вовне, не на себя, а на кого-то еще. После этого само собой напрашивается элементарное решение: устранение объекта обвинений. Число причин для обвинений столь же бесконечно, сколь и "причин" войны, но сама потребность обвинять — постоянна.

Чему же угрожают наши "враги"? Людям, имуществу — да, но не обязательно. Но враг всегда угрожает тем идеям, которые составляют основу нашей жизни. Эти идеи (наши "религии" в широком смысле этого слова) объемлют и людей, и собственность, поскольку именно они определяют наши представления и о том, и о другом.

Это относится даже к самой примитивной войне: вражеское племя угрожает чему-то, что его соседи считают своими святынями, включая и их образ жизни, который любое племя, как и наша собственная культура, считает чем-то священным и неприкосновенным. Боги есть у всех. Поводы к каждой отдельной войне могут бесконечно варьироваться, но в конечном счете "мы" воюем с "ними", потому что "они" отличаются от "нас", и эти различия самим своим существованием подрывают ценность наших фундаментальных идей. Поэтому все войны идеологичны. Именно по этой причине они приносят с собой неустранимый элемент фанатизма, и по этой же причине столь заметную роль в них играет религия. Именно этот фанатизм поддерживает "самопожертвование, отвагу, решимость и дальновидность". Поскольку человек — это животное, чьим существованием управляют прежде всего идеи, а затем уже инстинкты (или, выражаясь иначе, поскольку идеологическое существование стало уже нашим инстинктом), всякая угроза нашим основным идеям вызывает у нас фанатическое противодействие. А такую угрозу мы ощущаем постоянно — из-за собственной паранойи и ксенофобии. Тот сильнейший страх, который мы склонны испытывать перед отличающимся от нас чужеземцем, имеет, как и наша агрессивность, корни в нашем животном наследии, но когда эти инстинктивные чувства комбинируются с идеологическим фанатизмом (а это уже "вклад" нашей человеческой сущности), возникает основа для постоянной притягательности войны.

Но почему же именно войны?, — спросит скептик. — Есть ведь и другие способы атаковать идеологического противника. Они и вправду существуют: мы можем возносить молитвы о его гибели или прибегать к услугам колдунов и шаманов, или пытаться превзойти его в торговой конкуренции. Но чтобы вдохнуть в эту конкуренцию подлинную жизнь, мы должны назвать ее "торговой войной". Однако самое печальное в том, что все эти формы относительно бескровной реакции на ощущение вражеской угрозы нас до конца не удовлетворяют.

Сколько бы цивилизованными ни были избираемые нами ответы на эту угрозу, на определенной стадии нас начинает удовлетворять только физическое поражение противника. Если ощущение угрозы делается слишком сильным, единственным возможным выходом оказывается физическое устранение ее источника. Каждый из нас знает из собственного опыта, как часто мы мечтаем немедленно стереть с лица земли раздражающее нас препятствие. Правительства делают то же самое уже не в воображении, а в реальной жизни. Сейчас, когда практика дуэлей ушла в прошлое, нам, простым гражданам, приходится удовлетворять свои позывы к насилию, наблюдая его на телеэкранах и в спортивных залах и только изредка участвуя в коллективных экспедициях, осуществляющихся с санкции правительства, а обычно и официальной церкви.

Поборники мира, пожалуй, возразят на это, что я строю необоснованные обобщения, отправляясь от собственных нечистоплотных побуждений, и что лично они и их друзья совершенно свободны от столь низменных мыслей и чувств. Они заявят, что люди в целом решительно настроены против войн. Воистину так: мне доводилось видеть сомкнутые ряды доблестных противников войны, с ненавистью и ожесточением проклинающих тех, кого они считали носителями ненависти и ожесточения. Сегодняшняя антивоенная религия исповедуется и защищается с подлинной страстью, нередко куда более фанатичной, нежели та, которую демонстрируют сами поджигатели войны. Антивоенное движение — это моральный эквивалент войны, поскольку оно и само проявляет отменную воинственность. Тем же, кто борется с войной в комфортабельной тиши своих кабинетов, я бы хотел сказать, что вопли с пеной у рта не являются непременной чертой фанатизма — он может быть и вполне спокойным и сосредоточенным. Цивилизованная оппозиция может иметь в психологическом плане столько же общего со взвешенным и до мелочей рассчитанным принятием решений военными руководителями, сколько оппозиция вопящая имеет общего с самыми горластыми "ястребами".

Разумеется, толпа непостоянна, так что если война идет не так, как ожидалось, в стране начинает расти антивоенная оппозиция (как было, например, в Англии во времена бурской войны или войны с ее американскими колониями). Но эффективное противостояние победной войне — это поистине нечто необычное. Вспомним, что война в Персидском заливе не породила у американцев ничего подобного вьетнамскому синдрому, по крайней мере первоначально. В начале этой кампании она пользовалась твердой поддержкой как минимум 80% американцев, и поскольку она, в отличие от вьетнамской, оказалась относительно непродолжительной и относительно успешной, эта поддержка в целом сохранилась до самого ее завершения. Совершенно не обязательно, чтобы все население постоянно демонстрировало провоенные чувства — достаточно будет, если они какое-то время продержатся у его большинства.

Здесь мне могут опять возразить: пусть даже вы правы, но что произойдет, если мы сведем до минимума все возможные "поводы" к войне? Не уменьшится ли тем самым вероятность самой войны? Я и сам был бы рад так думать, но боюсь, что пока основные факторы остаются в силе, пока наша человеческая природа не изменилась, мы будем продолжать искать или даже специально изобретать поводы к развязыванию войны (об этом тоже писал Оруэлл). Например, всегда останется проблема, что делать с миллионами воинственных и непокорных молодых безработных мужского пола. В прошлом мужчины старших возрастов, положению которых угрожали эти юнцы (что было неизбежным результатом нашей длительной эволюции в качестве существ, конкурирующих за возможность сексуальных контактов и воспроизведения), находили простое решение: отправить их воевать с их сверстниками, угрожающими позициям взрослых в какой-то другой стране. Сегодня эта проблема не стала менее острой, несмотря на появление молодых преуспевающих профессионалов.

Аргументы демократии

Теперь вернемся к концепции "конца истории"* — не потому, что она так уж хороша, но просто из-за ее популярности. Коль скоро "либеральная демократия" одержала триумфальную победу и теперь весь мир мечтает о достижении примерно тех же целей, и коль скоро демократические государства не воюют друг с другом так, как это делают страны с менее развитыми социальными системами, то с войнами, вероятно, покончено — по крайней мере, в принципе (хотя на практике всеобщий мир может установиться по прошествии жизни нескольких поколений или даже нескольких столетий — в зависимости от того, из каких предпосылок вы исходите). Стоит обратить внимание на то, что война здесь выступает в качестве своего рода случайности, вызываемой к жизни конфликтующими социальными системами — если сгладить различия между ними, то исчезнут и военные конфликты. Именно этот тезис мы уже со всем тщанием постарались опровергнуть.

Верно, что если бы люди повсюду были в точности одинаковыми, их взаимное восприятие не порождало бы комплексов паранойи и ксенофобии. Но такая одинаковость — это не то, чего можно ожидать от пришествия всеобщей "либеральной демократии", если даже ему суждено состояться. Религии и расы, законы и обычаи (а национализм — это одна из фаз их истории) будут сохранять свою несхожесть; короче говоря, идеологические различия все равно останутся, сколь бы близкими ни стали экономические и политические структуры. К тому же еще концепция "конца истории" сильно преувеличивает достигнутую сегодня степень этой близости. На деле между, скажем, Японией и Швецией или Британией и Соединенными Штатами сходство довольно поверхностно. Американцы, столь ревностно экспортирующие свою собственную модель демократии, не всегда отдают себе отчет

---

* См. Фрэнсис Фукуяма. *Конец истории? - "Проблемы Восточной Европы" №27-28, 1989, стр. 84-118.*

в том, сколь причудливой и чуждой, чтобы не сказать коррумпированной и непредставительной, она может казаться гражданам других демократических обществ.

Если две страны имеют между собой лишь то общее, что там действует всеобщее избирательное право и имеются фондовые биржи, то это сходство еще не особенно глубокое, что недавно продемонстрировали разногласия между Америкой и Японией. Конечно, мы еще не ввязались в новую войну со Страной Восходящего Солнца, но не стоит забывать и все пророчества начет того, что свободная торговля порождает взаимозависимость между странами и тем самым в долговременной перспективе делает войны вообще невозможными. Именно из-за свободной торговли и специализации мы перестали разрабатывать свои нефтяные залежи и впали в зависимость от поставок дешевой ближневосточной нефти. И теперь мы видим, куда это нас привело и насколько снизилась от этого вероятность военных конфликтов. Экономическое и политическое подобие не устраняют тех ощущаемых нами взаимных различий, в которых мы видим столь же взаимную угрозу. Они могут даже их усиливать — что, кроме ненависти, вызывает у нас вор, похитивший нашу одежду и выглядящий в ней элегантнее нас самих?

Гегелевский тезис о "конце истории", основанный на концепции человека как продукта конкретных исторических и общественных обстоятельств, преднамеренно приписывается Фукуямой влиянию ранних теоретиков естественного права, видевших в человеке всего лишь набор более или менее постоянных "природных" качеств. Мой собственный тезис явно имеет больше общего с этими "ранними" (и, следовательно, менее современными и более грубыми) теориями, чем с гегелевским историческим детерминизмом, либо с тем историческим релятивизмом, который, как верно подметил Фукуяма, появляется на сцене, когда исторический процесс лишается прогресса как своей движущей силы. Я потратил немало времени и усилий, защищая именно такую позицию (например, в моей книге "Поиски общества"⁶). Причина состоит в том, что любой тезис, подобный

гегелевскому, или любая его производная (или, кстати, любая из так называемых философий истории) содержат в своей основе фатальную ошибку: они совершенно некритически принимают идею исторического процесса и рассматривают его как что-то совершенно автономное. Фукуяма задается вопросом, не являются ли исторические периоды всего лишь всплесками на оси времени, но он ни разу не задумывается над тем, не следует ли рассматривать и самоё историю в качестве лишь всплеска на шкале общественных и исторических обстоятельств. Дело в том, что эти обстоятельства уходят в прошлое на 3,5, а может быть, и 5 миллионов лет. Игнорировать эту гигантскую протяженность человеческой истории и сводить ее всего лишь к нескольким десятилетиям хорошей погоды во время всего лишь одного особенно спокойного межледникового периода (сейчас, кстати, подходящего к концу) значит совершенно произвольно начинать и заканчивать историю.

Если рассматривать этот исторический период в контексте целого (не забывая о том, что и это целое есть часть 72 млн. лет истории приматов и 128 млн. лет истории млекопитающих), мы приходим к выводу, что его можно рассматривать не как победное шествие на пути ко все большей рациональности, но скорее как серию все более сильных отклонений от верхнепалеолитической нормы. Во времена верхнего палеолита наш вид достиг высшего уровня пищевой цепочки и обрел равновесие со своим природным окружением. Мы успешно охотились, совершенствовали свое превосходное оружие (мы все еще делаем это и сегодня), практиковали усложненные религиозные культы и создавали изумительные амулеты и тотемы. Наша численность составляла что-то около 1,5 млн. Теперь мы живем в мире, население которого к 2000 г. прогнозируется в 10 млрд., наша среда обитания сильно и необратимо разрушена, сложность наших проблем превышает нашу способность их разрешить. Как заметил один из моих коллег-психологов, мы воспринимаем этот мир с эмоциональным инструментарием водяной крысы. Но и это еще слишком мягкая характе-

ристика, поскольку на деле мы относимся к нашему миру как интеллектуально и эмоционально развившиеся приматы, которые приобрели, среди прочих вещей, чрезмерную чувствительность к взаимным различиям и научились реагировать на них с изрядной воинственностью. Если оставить водяную крысу в ее природной среде, ее шансы на выживание повысятся.

История и вправду может закончиться — я предсказал нечто в этом роде примерно одновременно с Фукуямой.⁷ Но я сомневаюсь, что она закончится в соответствии с его прогнозом, иначе говоря, вследствие того, что мы создадим безмятежные либеральные демократии, которые позволят нам мирно, хотя, возможно, и скучно существовать во все более однородном мире. История прекратит свое течение просто из-за того, что сама она есть не что иное как эволюционная аберрация, вышедшая из-под контроля своих собственных творцов. Фукуяма допускает, что растущие проблемы национализма и третьего мира могут временно возмутить движение к всеобщему порядку. Но он не отдает себе отчета в том, что есть нечто лежащее глубже демографического взрыва (которому он вообще не уделяет особого внимания), трайбализма, неофундаментализма и национализма (посмотрите, что происходит в бывшей Югославии и бывшем СССР). Это нечто — те самые более или менее постоянные природные качества, игнорируемые гегелевским историзмом и неорелятивизмом и не устраняемые никакой либеральной демократией. Гегеля еще можно извинить, поскольку он жил до Дарвина (а его важнейшее предсказание относительно роли идей вне всякого сомнения верно — люди и вправду более склонны биться друг с другом за идеи, чем за материальные интересы). Но сегодня, более чем через сто лет после смерти Дарвина, уже совершенно непростительно игнорировать 99,9% человеческой истории, прочно впечатанные в то, что и составляет природу человека.

Как напомнил нам Фрэнсис Фукуяма, в 1806 г. Гегель увидел в разгроме прусской армии в битве под Иеной грядущую универсализацию государства, инкорпорирующего принципы свободы и равенства.

Чрезвычайно одаренный современник Гегеля Клаузевиц (кстати, проявлявший большой интерес к философии Канта) не просто был свидетелем этого сражения: он в нем участвовал, попал в плен и получил предметный урок на всю жизнь — история не прекратилась в 1806 г., и не закончится никогда, пока мы сами остаемся людьми. Достаточно вспомнить события двух последующих столетий, чтобы решить, кто из этих двоих оказался лучшим пророком. Послушаем несравненного Клаузевица:

"Война — это... изумительная триада, составленная из следующих частей: насилие, ненависть и вражда (в которых можно видеть слепой инстинкт); игра случая и вероятности, присутствие которых делает ее проявлением свободной активности души; подчиненная природа политического инструмента, вследствие чего она принадлежит к чистой сфере разума.

Первая из этих фаз преимущественно относится к людям, вторая — к командующему и его армии, третья — к правительству.

*Эти три тенденции... глубоко укоренены в природе войны и в то же время в каждом конкретном случае проявляются в различной степени. Любая теория, не принимающая в расчет хотя бы одну из них или устанавливающая между ними произвольную связь, обречена на такое противоречие с реальностью, что уже одно это делает ее полностью негодной."*⁸

Соединенные Штаты вступили в войну в Заливе, поскольку их правительство, действуя в "чистой сфере разума", решило защитить западные нефтяные интересы (их партнеры по коалиции имели собственные рациональные интересы). Война была проведена как свободная

активность души генералов и их армий. Однако сами люди, участвовавшие в войне, черпали свое упорство из слепых инстинктов ненависти и вражды к быстро лишенному человеческого облика противнику, чья неприкрытая чуждость угрожала не только их кошелькам, но и их представлениям о добре и зле. Это же относится и к противной стороне, причем в двойном размере. Рассудок, случай и инстинкт взаимодействовали здесь в нерасторжимом единстве.

Именно такое взаимодействие, а отнюдь не диалектическая эволюция Духа к Абсолютной Свободе, было реальностью для Клаузевица: рассудок, случай и инстинкт не могут не взаимодействовать друг с другом, производя на свет сперва "политику", а затем ее "продолжение другими средствами". Так что тем, кто спросит, какие политические выводы можно сделать из моих рассуждений, я могу дать только максимально общий ответ: кротость может когда-нибудь снизойти на всю землю, но пока что лучше оставаться настороже и не терять бдительности.

Если выраженная в этой статье позиция верна, то войны — это не болезнь, подлежащая лечению, а часть вполне нормального человеческого существования. Они порождаются самой нашей природой, а отнюдь не какими-то особыми обстоятельствами наших действий ("историей"). Как религия и проституция, они оказываются естественной человеческой реакцией на столь же естественные человеческие страхи и надежды, включая фанатизм, ксенофобию, паранойю, поиски козлов отпущения и уязвимость идеологий. Однако остается следующий парадокс: мы придаем столь огромное значение защите своих идей (в терминах которых мы определяем себя и свое общество), что готовы яростно сражаться, чтобы уничтожить тех, кого считаем их врагами, проявляя при этом высшие формы человеческой отваги. И кто посмеет бросить в нас за это камень? За что славнее умереть: за материальные интересы или за важнейшие идеи? В конце концов, именно наши идеи и делают нас людьми.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Lewis F. Richardson. Statistics of Deadly Quarrels, Pacific Grove. Boxwood Press, 1975.

² Мой двоюродный брат, учившийся в Ливерпульском университете, и в самом деле посвятил эсперанто часть своей лингвистической диссертации. Я и сам купил тогда учебник эсперанто и даже вступил в местный клуб эсперантистов, тут же обнаружив, что главным занятием его членов была яростная битва с одним из конкурирующих обществ. Мы обычно с легкостью забываем идеалистические миражи прошлых лет, но при этом с энтузиазмом возвращаем их к жизни во имя будущего.

³ T.E. Lawrence. The Seven Pillars of Wisdom. New York. Doubleday, 1966, pp. 190-191.

⁴ John Mueller. Retreat From Doomsday: The Obsolescence of Major War. New York. Basic Books, 1989.

⁵ Одной из последних таких попыток была "Севильская декларация о насилии", см.: Academic Questions, 1:4, 1988.

⁶ Robin Fox. The Search for Society. New Brunswick. Rutgers University Press, 1989.

⁷ Там же, стр. 216

⁸ Karl von Clausewitz. On War. I.i.28

В ПОИСКАХ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ НАУКИ (Диссидентство как историческая проблема)

Не менее четверти века не утихают — и в России, и на Западе — споры: каким образом во второй половине 1960-х годов, когда самый старый и самый мощный тоталитарный режим на планете находился в зените своего видимого могущества, в стране нашлись люди, бросившие открытый вызов этой силе? Были ли у этих людей предшественники? Нашлись ли у них сторонники среди внешне лояльной основной массы населения СССР? Что ими двигало, чего они хотели для страны? Кто были эти люди, кого они представляли, сколько их, в конце концов, было? Что такое диссидентское движение: новая политическая оппозиция? бунт индивидуальности против официоза? сплоченная когорта единомышленников, посвятивших себя защите прав человека?

Что самое интересное, такие же дискуссии были типичными и внутри самой диссидентской среды. Причем там зачастую речь шла даже не о концепции диссидентства, а о самых что ни на есть существенных вопросах: диссиденты ли мы? И существует ли вообще "диссидентство" как таковое? Авторы настоящей статьи не раз присутствовали при подобных спорах и сами принимали в них участие.

Эпоха перестройки и постперестройки, в которой не нашлось (как нам кажется) места "классическому" диссидентскому движению, парадоксальным образом не только не сняла актуальность проблемы в общественном сознании, но и прибавила к старым вопросам новые. Приблизил ли деятельность диссидентов начало реформ и если да, то в чем именно? Насколько ход событий в 1987 — 1991 гг. соответствовал чаяниям правозащитников 1960-х — 1980-х годов? Как оценить роль бывших активистов диссидентского движения в современной политической и общественной жизни государств, образовавших-

ся на развалинах Империи? Дело осложняется тем, что отношение общества к диссидентам формировалось — и продолжает формироваться — по мифотворческой модели. При старом режиме это был казенный миф о "внутреннем враге", об "агентах ЦРУ", о "злых клеветниках, пытающихся опорочить наши достижения". Насколько официальная пропаганда сумела внедрить этот образ в массовое сознание — вопрос открытый. В период перестройки те же самые мифологемы быстро редуцировались до "опасных экстремистов" (этот вариант еще раньше присутствовал в сознании многих либеральных журналистов и литераторов — свидетельством тому ряд публикаций, а также художественная литература, например роман Н. Шмелева "Пашков дом"), а затем обратились в свою противоположность. Возник контрмиф, который условно можно обозначить так: "А.Д. Сахаров и его верные соратники — стойкие борцы за дело антикоммунизма". Надо сказать, что уровень самоосмысления в поздней диссидентской среде (конец 70-х — 80-е годы) вполне мог продуцировать и такие формулы.

Отношение к диссидентству как правящей элиты, так и общественного мнения западных стран было в основном благожелательным (по крайней мере, поначалу; позднее, с появлением "третьей волны" советской эмиграции, оно стало менее однозначным). Более того, реальную помощь Запада — от моральной, а иногда и материальной поддержки до тиражирования диссидентских точек зрения средствами радиовещания на многомиллионную советскую аудиторию — невозможно переоценить. Тем удивительнее, что профессиональные советологи проявили к этому движению весьма умеренный интерес. Действительно, вряд ли мы намного ошибемся, если скажем, что из всей огромной массы советологической литературы, изданной на Западе, диссидентской тематике посвящено не более нескольких десятков наименований. Создается впечатление, что феномен диссидентства просто не вписывался ни в "классические", ни в "ревизионистские" советологические концепции. Кроме того, созданию объективной картины

мешали политические эмоции, связанные с противостоянием "Восток-Запад": диссидентов представляли себе как безусловных "западников" внутри враждебного "восточного" окружения (что далеко не так), и поэтому любое оценочное суждение воспринималось как признак политической ангажированности.

В последние годы в нескольких исследовательских центрах России предприняты попытки организовать изучение истории диссидентства и собрать соответствующие коллекции документов. Так, "Народный архив" приобрел целый ряд личных архивов известных активистов диссидентского движения. Институт гуманитарно-политических исследований провел сбор устных интервью у деятелей неофициальных общественных и культурных движений в Одессе. В "Мемориале" уже два года развивается исследовательская программа по истории диссидентства, в процессе работы которой также была собрана значительная коллекция архивных материалов по данной теме (по нашим представлениям — крупнейшая в стране).

В рамках этой программы "Мемориала" 24-26 августа 1992 г. в Москве состоялась международная научная конференция на тему: "Диссидентское движение в СССР. Предмет исследования, источники, методика изучения". Дальнейшее содержание данной статьи в большой степени навеяно впечатлениями от этой конференции*.

* * *

Как доклады, так и дискуссии на конференции сосредоточились, в основном, вокруг вопросов, поставленных в начале нашей статьи. Можно сказать, что речь шла о параметрах диссидентства как социального, политического и исторического явления. При этом сразу же выявилось удивительное несовпадение мнений выступавших в оценке буквально всех этих параметров. Остановимся на этом подробнее, имея в виду весь спектр мнен-

---

* Сборник материалов конференции готовится к публикации.

ний, в том числе и те точки зрения, которые на конференции не нашли своего выражения.

1. *Временные рамки диссидентства.* Что касается возникновения диссидентства как явления, то это событие обычно датируют 1965 годом — первыми выступлениями в защиту арестованных писателей А. Синявского и Ю. Даниэля. Однако нам приходится слышать и иные оценки: 1964 г. (дело И. Бродского), 1968 г. (первые сравнительно массовые петиционные кампании, начало выхода "Хроники текущих событий", "пражская весна") и даже 1969-1970 гг. (первые правозащитные организации). На самой конференции ряд выступавших, наоборот, явно или неявно, передвигал нижнюю границу в 1956 г. (В. Воронков, А. Рогинский, В. Долинин, Л. Лурье) или даже ко второй половине 1940-х годов (оба автора этих строк).

Немаловажный вопрос о верхней временной границе также вызвал определенные споры. Кажется, все или почти все согласны с тем, что в настоящее время в России не существует диссидентского движения. Однако когда именно исчезло из нашей жизни диссидентство как явление? Называют разные даты: прекращение издания "Хроники" (1983 г.); приход к власти Горбачева (1985 г.); резкое сокращение политических арестов (1986 г.); провозглашение реформ, первое массовое освобождение узников совести, начало "неформального" этапа общественной активности (1987 г.) и т.д., вплоть до августовской революции 1991 г. Нам кажется, что размазанность оценок этой даты, по крайней мере по периоду 1987-1991 гг., связана не столько с какими-то реальными процессами внутри диссидентства, сколько с мнением высказывающегося об исторических событиях этого периода и об их соответствии целям, которые диссиденты перед собой ставили.

2. *Формы диссидентской активности и социальная тематика.* На этот счет также существует несколько точек зрения.

Первая: речь может идти только о специфических актах протеста, связанных, как правило, с так называемой правозащитной проблематикой: петиции властям, "открытые письма", предающие гласности факты нарушения прав

человека в СССР; создание правозащитных организаций; участие в сборе и обработке информации о положении в области прав человека; правовое просветительство; демонстрации протеста. Странники этой позиции обычно включают в рамки диссидентства также и конкретную поддержку лиц, пострадавших от нарушений прав человека, например деятельность Фонда помощи заключенным и их семьям. В этом случае приходится говорить уже не о самостоятельном акте протеста, а о систематической работе, имеющей вполне определенные общественные, хотя и не политические, мотивы и цели. Данное замечание отчасти относится и к правовому просвещению, и к информационной, в том числе самиздатской деятельности.

На конференции наиболее последовательным сторонником этого взгляда на диссидентское движение оказался М. Корти, в выступлении которого был практически поставлен знак равенства между "диссидентами" и "правозащитниками".

Вторая: любая деятельность, соответствующая определенным принципам; гласность, ненасилие, апелляция к праву. Мотивация и внешняя направленность этой деятельности могут быть самыми разнообразными: от распространения учения Кришны до свободы эмиграции для советских евреев или независимости Украины. В этом смысле диссидентским актом можно считать, например, деятельность таких групп как СМОТ, "Выборы-79" или "За установление доверия между Востоком и Западом". К этой же категории относятся митинги у памятника Шевченко или в Бабьем Яре в Киеве. Речь, в сущности, идет об участии в разнонаправленных общественных, политических, национальных, религиозных движениях людей, придерживающихся принципов защиты прав человека. Поэтому формы диссидентской активности здесь те же, что и в первом случае, однако защита прав человека оказывается не единственным и даже не главным объектом деятельности. Права человека в этой модели — скорее инструмент для защиты "своего" движения, нежели самостоятельная ценность. Видимо, именно такой точки

зрения на структуру диссидентства придерживается историк диссидентского движения Л. Алексеева в своей капитальной работе "История инакомыслия в СССР. Новейший период". (Заметим, впрочем, что Алексеева пользуется иным термином — "инакомыслящие".)

Третья: любой осознанный поступок, оппозиционный режиму и нарушающий определенные (достаточно, впрочем, варьируемые в зависимости от места, времени и обстоятельств) "принятые" границы социального поведения. Критерием здесь является возможное наличие репрессивной (в самом широком смысле этого слова) реакции власти. На конференции эта точка зрения была наиболее четко выражена в докладе Л. Лурье и довольно активно поддержана многими участниками дискуссий. По существу, из близких посылок исходили и концепции, высказанные В. Воронковым, В. Иофе и некоторыми другими. К понимаемому таким образом диссидентскому движению следует отнести и многочисленные подпольные кружки и группы, и послевоенную партизанскую войну в Прибалтике и на Западной Украине, и восстание на военном корабле Балтфлота под руководством В. Саблина в 1975 г., и лагерные бунты конца 1940-х — начала 1950-х годов. С другой стороны, диссидентством является любой акт в сфере культуры, искусства, литературы, индивидуальной жизни, влекущий (или могущий повлечь) за собой репрессии. Вероятно, именно в этом смысле данный термин был использован А. Синявским в его статье "Диссидентство как личный опыт". Понятно, что такой взгляд на диссидентство ставит знак равенства между ним и российским Сопротивлением в целом, одновременно лишая его определяющих признаков общественного движения. Сюда же, вероятно, относится и тайная помощь диссидентам со стороны тех социальных групп, из которых они вышли и внутри которых вращались. Вся самиздатская деятельность — изготовление, размножение, распространение, отчасти даже чтение самиздата — также является актом Сопротивления, т.е. диссидентским актом.

Четвертая: диссидентством является любое скрытое или явное противодействие тоталитаризму во всех сферах,

независимо от того, влечет ли оно за собой репрессии, или нет. Таким образом, к диссидентской активности относится, в сущности, любое проявление общественной жизни, так как тоталитарный строй отрицает в принципе общественную жизнь. В диссидентство включается при этом огромное количество явлений: от слетов Клуба самодеятельной песни (КСП) до социально отклоняющихся типов поведения. Между прочим, третья и четвертая позиции на поверку оказываются довольно близкими, если не совпадающими: в архивах КГБ и КПСС хранится множество материалов, свидетельствующих о пристальном внимании этих организаций в конце 1950-х годов к так называемым стилям, а в середине 1970-х годов — к КСП. Можно предполагать, что сторонники этой четвертой точки зрения склонны относить к диссидентским проявлениям и общественную активность в рамках официальных структур: например, пробивание в печать "вольных" публикаций.

3. Соответственно, кардинально расходятся и представления о *целях диссидентского движения* (за неимением лучшего будем пока пользоваться этим термином). При этом, как в самиздатской полемике рубежа 1960-х — 1970-х годов, так и в современных оценках часто встречается одна и та же подмена: вместо реальных целей ведется речь о желательных (с точки зрения говорящего), и при несовпадении делается вывод о несостоятельности движения. Разброс мнений и здесь необычайно велик: от декларативного отказа от каких бы то ни было внешних целей и сведения диссидентства к экзистенциальным актам протеста в порядке самореализации личности до свержения существующего строя и замены его новым, более достойным. В спектре предлагаемых целей присутствуют и облегчение участи преследуемых, и правовое просвещение, и движение общества к модернизации. В других измерениях целями считаются борьба за политические права, за свободу культуры, за право наций на самоопределение и т.п. Все эти соображения были как бы интегрированы на конференции во вступительном слове С. Ковалева, который заявил, что исторической задачей

диссидентского движения было целеполагание вообще. Селекцию же выдвинутых диссидентами целей и выработку механизмов их реализации призвана осуществить, по мнению Ковалева, современная эпоха.

4. С предыдущей проблемой связан вопрос о соотношении права и политики в деятельности диссидентов*. Здесь взгляды колеблются от категорического отрицания политических мотивов в поступках правозащитников до настойчивых заверений в том, что идея прав человека была лишь инструментом для оппозиционной политической работы. Близкий к этому вопрос о лояльном или нелояльном отношении к власти осложняется как представлением о третьей возможности — лояльной политической оппозиции, так и эмоциональными оценками. Последние за короткое время меняли свой знак в общественном сознании, и теперь стало модным упрекать диссидентов за их чрезмерную лояльность по отношению к старому режиму.

5. Можно ли говорить об "идеологии" диссидентского движения? Интуитивно понятно, что, как бы ни определять предмет нашего рассмотрения, в его границах уживались монархисты и коммунисты, либералы и сторонники авторитарного пути, западники и славянофилы. Часто говорят о специфической "идеологии прав человека", выработанной диссидентами. Вероятно, действительно, можно говорить о некоем конвенциональном принятии общих ценностей, важное место среди которых занимают права человека, на определенном историческом этапе развития диссидентского мировосприятия. Но ведь возможны и другие конвенции: антикоммунизм, в конце концов, есть тоже не что иное, как соглашение между разными идеологиями. Существуют и сторонники такой точки зрения на "идеологию" диссидентов. Кроме того, возможно, что движение было деидеологизировано с самого начала (или с определенного этапа — это зависит от

---

* Об этом см. также Л. Богораз, В. Голицын, С. Ковалев. *Политическая борьба или защита прав? Двадцатилетний опыт независимого общественного движения. В сб. "Погружение в трясину". М., 1991 г.*

точки отсчета). Весьма правдоподобное предположение, учитывая стойкое отвращение к любой идеологии, выработавшееся в советском менталитете самое позднее к середине 1960-х годов.

6. Оценки количества людей, вовлеченных в диссидентское движение, отличаются друг от друга на несколько порядков. Вспомним, что в массовом сознании диссиденты — это "Сахаров и его соратники"; речь идет, стало быть, о нескольких десятках, самое большое — сотнях человек.

С другой стороны, А. Рогинский и Н. Охотин в своем докладе, основанном на выборочном ознакомлении с архивами КПСС и КГБ, оценивали общее количество репрессированных по политическим мотивам в период с 1957 по 1986 г. цифрой от 8 до 20 тыс. человек. Более точная оценка в пределах этого интервала зависит опять-таки от критериев — включать ли в общее число только осужденных за "антисоветскую агитацию" и "клеветнические измышления" или и другие категории политзаключенных.

Еще более значима для нас прозвучавшая в выступлении Рогинского оценка количества лиц, подвергшихся "профилактике", т.е. тех людей, по отношению к которым КГБ предпринимал превентивные меры воздействия, не прибегая к уголовным репрессиям. Таковых, по данным докладчика, насчитывалось около 500 тысяч (за тот же период).

Если же учесть массовые движения, в которые почти целиком включались некоторые национальные (крымские татары, турки-месхетинцы) и конфессиональные (баптисты-"инициативники", пятидесятники, значительная часть адвентистов седьмого дня) группы, то и эта цифра не окончательная.

Во всяком случае, если исходить из критериев самой госбезопасности, ее непосредственного внимания заслужило не менее полумиллиона граждан СССР. Можно еще добавить к этому "бытовых диссидентов", т.е. людей, втянутых в конфликт с местной властью, — такой конфликт очень часто перерастал в столкновение с режимом в целом. Что касается людей, оказывающих сопротив-

ление не тоталитаризму как таковому, а тем или иным требованиям, предъявляемым тоталитарным строем к повседневной жизни, то окажется, что в противоборстве с властью находилась довольно значительная часть населения Советского Союза: от сотрудников либеральных или, наоборот, почвеннических журналов до, по выражению В. Сокирко, "экономических диссидентов" (т.е. лиц, осужденных за нерегламентированную хозяйственно-экономическую деятельность).

К этому же пункту примыкает и вопрос о социальном составе диссидентского движения. Так, в выступлении М. Корти на конференции прозвучало мнение об элитарном характере диссидентства. Аналогичные суждения были высказаны и в докладе Д. Байрау, который считает социальной базой движения гуманитарную интеллигенцию и работников академических учреждений. В докладе В. Воронкова, проводившего социологические исследования на выборке, состоящей из бывших политзаключенных, социальный состав представлен более разнородными элементами, однако относительное преобладание лиц с законченным или незаконченным высшим образованием отмечается и им. Пожалуй, это единственная характеристика, в отношении которой не возникает качественно различных оценок: социальной базой движения единодушно признается интеллигенция. Остается открытым вопрос о том, почему другие слои населения менее охотно рекрутировались в диссиденты. Списать данное обстоятельство на конформизм этих слоев вряд ли возможно: это убедительно показали шахтерские забастовки 1989 г.

Вопрос может быть поставлен и более мягко — каково было влияние диссидентов на основную массу населения? Какую роль в формировании оппозиционных настроений в стране играла "диссидентская пропаганда" (хотя бы опосредовано, через зарубежное радиовещание)? Ответ на этот вопрос можно получить, вероятно, только с помощью специальных социологических исследований. Насколько нам известно, подобных исследований не существует (если не считать социологического опроса на тему

"Образ А.Д.Сахарова в массовом сознании", проведенного Всесоюзным центром изучения общественного мнения в 1991 г.). Одним из авторов данной статьи была, впрочем, высказана гипотеза о том, что вымирание "классического" диссидентства в первой половине 1980-х годов было связано не столько с репрессиями, сколько с распространением диссидентского мироощущения на значительную часть населения страны. Диссидентские прописи утратили общественную значимость, потому что стали банальностью. А когда процесс этот захватил и властные структуры — началась эпоха реформ.

* * *

Итак, мнения о существенных характеристиках диссидентского движения расходятся кардинально. Понятно, что на самом деле речь идет не о разнице оценок, а о разных способах определения предмета изучения. Недаром на конференции в Москве господствовал грандиозный разнобой в терминологии. На равных правах употреблялись термины: "диссиденты", "правозащитники", "инакомыслящие", "нонконформисты". Даже мелькнул полузабытый с начала 1970-х годов оборот "демдвижение" (в выступлении В. Игрунова).

Вспомним, что проблема самоназвания всегда была достаточно болезненна для участников движения. Необходимость как-то называться, возникшая вместе с чувством обретения социальной среды (по нашим представлениям, это произошло в результате петиционной кампании 1968 г.) вступила в противоречие с мироощущением людей, чья общественная активность была прежде всего следствием обостренного чувства личной ответственности и протестом против официально предписанного сверху стадного коллективизма. Снять противоречие могла только ирония. Так возник полуигровой термин "подписанты" (ср. такой же полуигровой термин "самиздат", пущенный в оборот московским поэтом Н. Глазковым в 1940-е годы).

Позже, в 1969-1972 гг., всерьез обсуждалось назва-

ние "демократическое движение" ("демдвижение" и даже "демдвиж"). Однако оно слишком явно отдавало политической и партийностью (несколько самиздатских документов того времени подписано "Демократическое Движение Советского Союза" — ДДСС, что неизбежно вызывало аналогию с КПСС), а эпитет "демократическое" — к тому же и идеологией. Название тихо умерло, чтобы воскреснуть опять в новых исторических условиях в 1989 г.

Примерно в тот же период возникает термин "правозащитники", вероятно, наиболее точно отражающий суть деятельности некоторого, достаточно узкого круга лиц, тесно связанных между собой и сосредоточенных, в основном, в Москве и нескольких других крупных городах. Определенная узость данного самоназвания не позволяла применять его к более широкому спектру явлений. Бытовавшее же ранее слово "инакомыслящий", наоборот, воспринималось как что-то чересчур расплывчатое, недостаточное, чтобы выделить "своих". Необходимо было найти нечто среднее, промежуточное. Термин "диссидент", пущенный в ход англоязычными журналистами в начале 1970-х годов, взял на себя эту функцию. Характерно, что попытки как-то перевести его на русский язык отсутствуют — нейтральная семантика, не дающая возможности толкования, оказалась кстати.

Итак, до наших дней дожили три слова, обозначающие различные, но взаимосвязанные и пересекающиеся явления: правозащита, диссидентство, инакомыслие. Мы полагаем, что имеет смысл сохранить сложившуюся терминологию, и попытаемся снабдить эти термины работающими определениями. Быть может, таким образом мы сумеем устранить или свести к минимуму неопределенность характеристик объекта изучения, о которой шла речь выше.

Предварительно сделаем одно замечание. Невозможно понять рассматриваемое явление, исключив его из социально-исторического контекста. Однако в нашем случае мы имеем дело с историческим и общественным процессом, границы которого весьма размыты. Поэтому любые теоретически мыслимые критерии, предлагаемые

для разграничения понятий, не могут удовлетворить нашу интуицию. Если принятое определение дает четкий конструктивный критерий, позволяющий дифференцировать события, тексты и персоналии, так сказать, автоматически, то полученный результат неизбежно будет рассекать живую ткань жизни по формально проведенной границе. Приблизительные критерии, в свою очередь, неконструктивны.

Поясним сказанное. Среди предлагавшихся на конференции определений одно представляется наиболее рациональным. Л. Лурье в своем докладе предложил считать диссидентом человека, чье имя встречается в материалах Комитета государственной безопасности — в качестве объекта наблюдения, завершившегося любой формой профилактики или репрессии. (Разумеется, речь идет не об агентах иностранных разведок, а о людях, которых госбезопасность сочла носителями "антисоветских" или "идейно вредных" взглядов.) Иными словами, диссидентом предложено считать того, кого считали таковыми наши предшественники по исследованиям в области диссидентства — сотрудники госбезопасности. Предложение, на первый взгляд, разумное и имеет под собой серьезную научную традицию: близкими принципами отбора руководствовались в 1920-1930-е годы составители классического многотомного био-библиографического словаря "Деятели революционного движения в России".

Тем не менее, определение, предложенное Лурье, на наш взгляд, не свободно от определенных недостатков. Во-первых, оно исключает из рассмотрения значительные категории лиц, которые по тем или иным причинам не попали в поле зрения органов госбезопасности. Исходя из своего личного опыта и опыта своих друзей, мы осмеливаемся предположить, что на каждого диссидента, попавшего в сферу влияния КГБ, приходится не менее трех-пяти лиц, занимавшихся той же самой деятельностью, но не "засветившихся". Конечно, если говорить только об открытой общественной активности, то это возражение автоматически снимается. Но принцип от-

крытости, до сих пор считавшийся внутренним свойством диссидентского движения (или какой-то его компоненты — это опять-таки зависит от подхода), в этом случае играет странную роль следствия из некоего формального признака отбора, причем признака достаточного, но не необходимого. Короче говоря, нам трудно согласиться с определением вроде: «Диссиденты — это все те, кто действовал открыто, плюс "засветившиеся подпольщики"».

Во-вторых, совершенно неясно, почему неизвестные нам критерии, согласно которым КГБ отбирал объекты своего интереса, априорно лучше любых других. Мы подозреваем, что в своем выборе сотрудники этой организации руководствовались не принципами системного анализа, а собственной интуицией и ориентировками, спускаемыми сверху, где сидели тоже не такие уж выдающиеся политологи.

Иначе сказать, предложенный критерий не устраивает нас в первую очередь потому, что он не сопряжен явлению, границы которого мы стремимся определить. И так ли обязательно нам повторять ошибку ранних декабристоведов, строивших свои изыскания, основываясь на «Алфавите» Верховной следственной комиссии?

* * *

Мы намерены предложить иной подход, основанный на обработке эмпирического материала, содержащегося в документах диссидентского движения. Сам подход также сугубо эмпирический и сводится не к словесной формулировке, а к некому алгоритму, выполнение которого на достаточно обширном круге источников дает возможность, в случае удачи, оценить корреляцию между некоторыми параметрами изучаемых событий и тем самым выявить внутреннюю структуру предмета исследования. Работа в этом направлении (по архивным и библиографическим источникам) ведется сейчас в "Мемориале".

Модель, положенная в основу нашего подхода к проблеме, в первом приближении выглядит следующим

образом. Неофициальная общественная активность тех или иных людей — это, прежде всего, реакция личности на ту или иную общественную проблему (быть может, трансформировавшуюся в биографии участника событий в индивидуальный мотив). Описание спектра проблем, встававших перед обществом в определенные разные периоды — не такая уж громоздкая задача. Мы полагаем также, что нет особых сложностей в соотношении поступка с той проблемой (социальной тематикой, сферой общественной активности), на которую этот поступок (акт общественной активности) направлен.

При этом формы, которые принимает общественная активность, будучи в момент своего зарождения результатом индивидуального творчества, становятся общественным достоянием и при этом неизбежно деиндивидуализируются, быстро превращаясь в стандартный инструментарий. Как ни печально, но именно стандартизованные формы индивидуальной активности позволяют рассматривать общественное явление как социальную и историческую проблему*.

Наша гипотеза состоит в том, что разобраться во внутренней структуре "движения" можно, изучая связи между определенными формами проявления общественной активности и типами социальных проблем, на которые эта активность направлена. Естественно, картина будет меняться с течением времени как для общества в целом, так и для любого из участников событий. Естественно также, что этим способом можно выявить лишь самые общие закономерности, без учета многочисленных индивидуальных отклонений. Тем не менее, позволим себе некоторую вольность и попробуем сделать несколько коротких предположений о результатах такой работы —

* В сущности дело идет о разработке двух предметно-тематических рубрикаторов: "Социальные тематики" и "Формы общественной активности". Здесь уместно поблагодарить Г.Г.Суперфина (радио "Свобода", Мюнхен), который взял на себя труд просмотреть проекты таких рубрикаторов, разработанные в "Мемориале", и любезно предоставил нам возможность ознакомиться со своими замечаниями. Они, несомненно, будут учтены в нашей дальнейшей работе.

на основе интуиции, личного опыта и знакомства с документами.

1. Как нам кажется, среди множества событий выделится компактная группа связанных со специфически "правозащитными" формами общественной активности. Правозащитная активность будет в основном ограничена временными рамками с середины 60-х по начало 80-х годов, достигая своего пика в 1977-1979 гг. В начале этого периода она будет направлена, в основном, на социальные тематики, связанные с осуществлением свободы слова, свободы творчества и т.п. — то есть, на литературные, художественные, научные проблемы. Затем, начиная с 1968-1972 гг., тематика правозащитной деятельности будет расширяться, охватывая в первую очередь религиозную и национальную сферы. Тогда же, в начале 1970-х годов, правозащитная деятельность включит в себя тему эмиграции, которая к середине десятилетия займет значительное место в спектре правозащиты. Что касается персоналий, то в этот период выделится группа людей, протестующих против нарушения прав человека, независимо от социальной сферы, в которой они происходят. Вряд ли в этой группе будет насчитываться больше чем несколько сот человек. В основном это будут представители столичной интеллигенции, но не элиты.

Этих людей естественно называть *правозащитниками*, а совокупные проявления их общественной активности — *правозащитным движением* (в узком смысле этого слова).

2. Ряду социальных тематик (например, религиозные, национальные проблемы, проблема выезда из СССР и т.п.) будут соответствовать группы лиц, проявляющие постоянную активность правозащитного типа в какой-то одной или нескольких из этих областей. Деятельность таких групп приходится, в основном, на 1970-е годы, численность их может быть различной — от нескольких сот до десятков тысяч человек. Более подробный анализ текстов, вероятно, покажет, что большинство этих групп имеет все или многие признаки общественных движений: определенные идеологические и программные установки,

неформальных лидеров, преемственность состава и т.д. Общим для всех них свойством является лишь "правозащитная" методика борьбы.

Перечислим некоторые типы таких движений и групп:

а) национальные, национально-религиозные и национально-культурные движения;

б) движения отдельных народов и этнических групп, направленные на решение "частных" задач (например, крымско-татарское, месхетинское, движение советских немцев за восстановление автономии и/или за выезд в ФРГ);

в) «русская национальная правая»;

г) религиозные движения, распределенные по конфессиям;

д) ассоциации граждан, преследующие конкретные политические или социальные цели и действующие открыто. Примеры таких ассоциаций: группа «Выборы-79», Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ), группа «За установление доверия между Востоком и Западом», Инициативная группа защиты прав инвалидов;

е) борьба определенных групп населения (пятидесятники, еврей-отказники) за эмиграцию из СССР.

Такого рода движения и группы М. Корти, выступая на конференции, назвал "партикулярными правозащитными движениями". С нашей точки зрения, совокупность именно этих движений плюс «чисто правозащитная деятельность», описанная в предыдущем пункте, образует достаточно компактное явление, которое и целесообразно назвать миром *диссидентства*.

Отдельного рассмотрения требуют специализированные правозащитные ассоциации, такие как Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях или Фонд помощи политзаключенным и их семьям. Их деятельность коррелирует со специальной рубрикой в индексе социальных тематик. Эту рубрику следует, по-видимому, назвать «Нарушения прав человека». На самом деле и "партикулярные" движения также постоянно занимаются нарушениями прав чело-

века, но, как правило, в "своей" области. Правозащитные же организации занимаются проблемой прав человека более или менее равномерно по всему спектру социальных тематик.

Итак, понятие "диссидентство" мы предлагаем применять к объединению разнонаправленных общественных (в том числе политических), религиозных, национальных и т.п. движений и групп, использующих в своей деятельности "правозащитный" набор приемов. Из сказанного следует, в частности, что мы не согласны с применением термина "движение" по отношению к диссидентству. "Движениями" являются лишь его составляющие, само же оно представляет собой некий самодостаточный космос. Для "чисто правозащитной" работы диссидентство является контекстом.

3. Что же является контекстом для диссидентства? Если следовать нашей модели, остается рассмотреть иные, не "правозащитные" формы общественной активности и их связь с социальными тематиками. Нам представляется, что диссидентство в 1965-1983 гг. было погружено сразу в два контекста.

Первый: традиционное политическое подполье. Группы и кружки в Саратове, Рязани, Горьком, Петрозаводске, Таллине, Ленинграде, Москве. Имела место и индивидуальная подпольная деятельность, основными формами которой были листовки и лозунги на стенах, а также, судя по сводкам КГБ, такой традиционный для России жанр как анонимные письма политического содержания. Взаимопроникновение диссидентства и подполья друг в друга очевидно: очень часто листовки и лозунги подпольщиков содержали вполне диссидентские и даже правозащитные формулы. В. Иофе в своем выступлении на конференции отметил и обратное влияние: использование диссидентами подпольных (хотя и легитимных) методов работы. Пример тому — выпуск "Хроники текущих событий", издававшейся анонимно.

Второй: активность в сфере неофициальной культуры (в широком смысле этого слова: мы имеем в виду и литературу, и науку — в первую очередь гуманитарную, и

религиозное просветительство). Здесь можно вспомнить такие примеры как СМОГ* (теснейшим образом связанный с первыми эпизодами диссидентства), выставки авангардистов, Клуб самодеятельной песни, альманах «Метрополь», художественный, научный, религиозный, философский сам- и тамиздат.

Оба эти контекста намного старше диссидентства: первый возник как явление еще в 1940-е, если не в 1930-е годы; взлет второго приходится на конец 1950-х — начало 1960-х годов. Нам кажется, что термин "инакомыслие" (политическое и культурное) имеет смысл сохранить именно за этим кругом явлений, по крайней мере, в том, что касается ненасильственных действий.

Отметим также, что акты протеста, сопряженные с насилием, в диссидентский период встречались крайне редко (равно, впрочем, как и в предшествующий [1956-1965 гг.]). Если же мы углубимся дальше в прошлое, то встретимся и с лагерными восстаниями, и с послевоенным национальным сопротивлением в Прибалтике и на Западной Украине.

В связи с этим представляется крайне интересным вопрос о корнях диссидентства. Поскольку, как уже утверждалось выше, диссидентский мир представлял собой сложную структуру, имеет смысл рассматривать генезис каждой его компоненты по отдельности. Как нам кажется, это сравнительно просто сделать для правозащитной составляющей диссидентства. И персональный состав участников, и прослеживание причинно-следственных цепочек приводят к мысли о том, что правозащитная активность родилась, главным образом, из культурного нон-конформизма (недаром свобода

---

* СМОГ ("Самое молодое общество гениев") — нон-конформистское неофициальное объединение литературной молодежи, в основном поэтов, существовавшее в середине 1960-х годов в Москве. Составили и выпустили несколько самиздатских поэтических сборников. "Смогисты" подвергались гонениям со стороны официальных органов власти как за нерегламентированную литературную деятельность, так и в связи с участием многих из них в актах протеста против политических преследований.

творчества и свобода слова была главным тезисом, который отстаивали первые правозащитники).

С "партикулярными" диссидентскими движениями дело обстоит сложнее. Конечно, правозащитная компонента повлияла на возникновение большинства из них, однако у каждого из этих движений имеются свои корни, свои предшественники.

Но это — тема отдельных и многих исследований.

*Натан Гарделс
Исайя Берлин*

ДВЕ СТОРОНЫ НАЦИОНАЛИЗМА

Гарделс: Если воспользоваться словами покойного Гарольда Исаакса, автора "Племенных идолов", можно сказать, что сегодня мы являемся свидетелями бурного брожения среди народов. В Югославии бушует открытая межнациональная война, а СССР вследствие усилий воскресших национальных республик распался. Новый мировой порядок, фундамент которого составили развалины берлинской стены, переживает судьбу вавилонской башни. В чем причины национализма? Из чего возникает это бурное брожение?

Берлин: Вавилонская башня была унитарным понятием: огромное — до неба — сооружение, строители которого говорили на одном языке.

Гарделис: Что было противно Богу.

Берлин: Мы можем только радоваться, что деспотизм советской вавилонской башни рухнул, хотя это, может быть, чревато огромными опасностями. Я имею в виду острейшие столкновения национализма различных наций. В этом, к сожалению, нет ничего нового.

В наше время речь идет не о воскрешении национализма. Он никогда не умирал. И расизм не исчезал. Это два наиболее сильных движения в современном мире, и они существуют в самых разных общественных системах.

Никто из великих мыслителей XIX века этого не предвидел. Сен-Симон предсказал роль промышленников и финансистов. Фурье, утверждавший, что если будет изобретено небьющееся стекло, то стекольщики лишатся

работы, предсказывал "противоречия капитализма". Якоб Буркхардт предвещал возникновение военно-промышленного комплекса. Из написанного Марксом мало что подтвердилось жизнью; исключением, правда, является сформулированный им принцип влияния способа производства на культуру. Крупный бизнес и классовые конфликты являются следствием изменений способов производства.

Все эти мыслители, однако, считали, что главной проблемой XX века явится имперский характер великих держав. Но когда эти тиранические конгломераты — Британская империя, Австро-Венгрия, Российская империя — будут разрушены и когда будет ликвидирован колониализм, то ранее угнетавшиеся нации станут жить в мире друг с другом, будут плодотворно и творчески выполнять свое историческое предназначение. Увы, они ошибались.

Хотя самые либеральные философы XIX века были ярыми противниками эксплуатации "темных масс" имперскими государствами, никто из них не думал, что негры, индусы и азиаты когда-либо создадут свои государства с парламентами и армиями — в этом вопросе все они были евроцентристами.

По-моему, все изменилось после русско-японской войны 1904-1905 гг. Победа азиатской нации над европейской державой стала для индусов, африканцев и представителей других неевропейских народов своего рода шоком, но в то же время мощным стимулом развития идей антиимпериалистической борьбы и национальной независимости. В XX веке в Азии и в Африке — в Индокитае, Египте, Алжире, Сирии, Ираке — никакое левое движение, если оно не было связано с национальным, не могло рассчитывать на успех. Совершенно другое дело неагрессивный национализм. Корни этой идеи уходят в творчество очень влиятельного немецкого поэта и философа XVIII века Йогана Годфрида Гердера.

Собственно говоря, именно Гердер открыл идею принадлежности. Он был убежден, что люди ощущают необходимость принадлежать к той или иной группе в

такой же степени, в какой они должны есть и пить, и так же, как они нуждаются в гарантии безопасности и свободе передвижения. Когда у людей нет такой идентификации, они чувствуют себя одинокими, отчужденными, униженными, несчастными. Гердер считал, что ностальгия — самая благородная боль. Чтобы быть человеком, быть человечным, необходимо где-то чувствовать себя дома, принадлежать к группе людей, подобных себе.

Любой группе, говорил Гердер, свойствен ее собственный "народный" или "национальный" характер ("volksgeist" или "nationalgeist") — т.е. комплекс обычаев, образ жизни, характер восприятий и поведения, ценность которых именно в том, что все это характерно для данной группы людей. Культурная жизнь, в свою очередь, формируется особой традицией, основанной на коллективном историческом опыте членов данной группы: тот, кто сам не наблюдал за столкновениями храбрых мореплавателей с бурным Северным морем, не может почувствовать великие саги скандинавских народов.

Национальная идея Гердера лишена агрессивности. Она основана только на культурном самоопределении и отрицает превосходство одной нации над другой. Гердер верил в разнообразие национальных культур и в то, что все они могут жить в мире. Он считал преступниками великих завоевателей, таких как Александр Великий, Цезарь и Карл Великий, потому что они подавляли самобытные культуры. Гердер умер, не увидев полных последствий наполеоновских побед, но поскольку они подорвали господство Священной римской империи, он, вероятно, простил бы ему их.

Только самобытное было для него подлинной ценностью. Поэтому Гердер был противником французских универсалистов эпохи просвещения.

Гарделс: Однако "volksgeist" Гердера перерос в "третий рейх". А сегодня сербский "volksgeist" находится в войне с хорватским; уже давно воюют армяне с азербайджанцами, грузины выступают против русских, и даже украинцы не в мире с русскими — страсти бурно кипят.

Чем это вызвано, что трансформирует стремление к культурному самоопределению в национальную агрессивность?

Берлин: Я когда-то писал, что раненый "дух нации" можно сравнить с пригнутой веткой. Она согнута с такой силой, что когда она освобождается, то выпрямляется с такой же силой. На Западе национализм формировался под определенным давлением. Что же касается Восточной Европы, то сегодня это открытая рана. После стольких лет угнетения и унижения неизбежно должна была наступить контрреакция, взрыв национальной гордости, что часто приводит к агрессивности освобожденных наций и их вождей в их стремлении самореализоваться.

В наши дни грузины, армяне и другие народы стремятся к реставрации своего прошлого, которое русская имперская власть стремилась предать забвению. Армянская и грузинская литературы выжили. Исаакян и Яшвили были талатливыми поэтами. Сделанные Пастернаком переводы стихов Важи Пшавели и Табидзе великолепны. Сталин стремился уничтожить эту литературу. Когда в 1939 г. Риббентроп посетил Сталина, тот подарил ему немецкий перевод грузинского эпоса XII века — "Витязь в тигровой шкуре" Шота Руставели. Но знал ли кто-либо на Западе более поздние художественные произведения? Такая ситуация неизбежно порождает контрреакцию огромной силы. Люди не хотят больше быть чьей-то портянкой, они не хотят, чтобы ими кто-то командовал, будь то доминирующая нация или класс-гегемон. В определенный момент они неизбежно начинают формулировать вопросы, имеющие отношение к национальной проблеме: "Почему мы должны им подчиняться?", "Кто дал им право требовать нашего послушания?", "Как мы должны реагировать на это?", "Почему мы сами не можем...?"

Гарделс: Эти ранее согнутые, а ныне с силой расправляющиеся ветки могут окончательно изменить сложившийся в мире порядок в идеологическом отношении. Ликвидация советской системы может стать последней

стадией процесса демонтажа идеалов единства, универсализма и либерального рационализма эпохи просвещения.

Берлин: Я думаю, именно так и будет. Россия — самая подходящая страна для иллюстрации искаженного понимания идей просветителей. Большинство русских "западников", для которых французские просветители XVIII века были ярким примером, восхищались ими потому, что западные просветители выступали против церкви, против реакционных тенденций, против фатализма. Вольтер и Руссо были для них героями, потому что твердо отстаивали разум и право на свободу, выступая против реакции.

Однако даже радикальный писатель Александр Герцен, которым я глубоко восхищаюсь, не воспринял представлений Кондорсе о познавательной сверхвременной правде. Герцен считал, что идея непрерывного прогресса является иллюзией, и отвергал новых кумиров, новые жертвенные алтари для жертвоприношений таким абстрактным понятиям как "класс", "единственно верная политика партии" или "исторический прогресс"; он был против жертвования настоящим ради неизвестного будущего, в котором будет найдено какое-то гармоническое решение.

Герцен воспринимал любые увлечения единством и универсализмом с большим подозрением. Для него Англия была Англией, Франция Францией, а Россия Россией. Различия между этими государствами не могут быть стерты, и потому не следует пытаться это сделать. Цель жизни — сама жизнь. Для Герцена, как и для Гердера и для итальянского философа Джиамбатиста Вико, национальные культуры несоизмеримы. Хотя они этого и не говорили, но из этого вытекает, что поиски абсолютной гармонии, совершенного состояния являются иллюзией, а иногда и фатальной ошибкой.

Кстати, более всех верили в универсализм марксисты: Ленин, Троцкий и другие ведущие большевики считали себя учениками просветителей, откорректированных и актуализированных Марксом.

Казалось, что Сталин ценой миллионов человеческих жизней, наконец-то, подавил проявления национального сознания и спас этнический Вавилон от отжившего свой век, по мнению марксистов, стремления к удовлетворению амбиций отдельных наций. На деле же Сталин загнал национализм в гроб, но не уничтожил его. Как только надгробный камень был сдвинут, национализм поднялся из могилы и мстит за себя.

Гарделс: Можно сказать, что Гердер был критиком французских просветителей "по горизонтали", поскольку он верил в исключительность всех культур. Однако Джамбаттиста Вико выступал против универсализма идеей просвещения, исходя из "вертикального" исторического аспекта. Как вы уже говорили, Вико был убежден, что каждая культура уникальна и поэтому несоизмерима с остальными.

Берлин: Они оба отрицали идею просветителей о тождественности ценностей для всех людей и всех стран. Для них, как и для меня, плюрализм культур — понятие, не подлежащее сомнению.

Гарделс: Только в воображении можно представить, как проходило бы развитие в XX веке, если бы умами людей овладели идеи Гердера и Вико, а не французских философов, Гегеля и Маркса.

Берлин: Но как бы это могло случиться? В XVIII веке универсализм был доктриной ведущей нации, Франции. Все стремились подражать блестящей французской культуре. Кроме того, это было время расцвета естественных наук, эмфатического изучения законов вселенной и природы как организма или машины, использования научных методов и в других областях. Тогдашнее мышление характеризовалось именно таким подходом. Бурное развитие техники и экономики в XIX веке, обусловленное этими идеями, изолировало интеллектуальное течение, к которому принадлежали такие мыслители, как Вико и Гердер, оперировавшие понятием качества, а не количества.

Настроения того времени иллюстрирует событие, о котором рассказал Якоб Талмон в одной из его книг. Он привел высказывание двух чешских педагогов начала XIX века: " Мы, вероятно, одни из последних в мире людей, говорящих по-чешски. Наш язык исчезает. Здесь, в Центральной Европе, все заговорят по-немецки, и то же, вероятно, произойдет на Балканах. Мы последние из тех, кто сохраняет родную культуру". Разумеется, сегодня окружены почетом имена тех, кто занимался сохранением национальных культур.

Гарделс: Вы хотите сказать, что балканизация является положительным явлением?

Берлин: Когда я говорю о балканизации, я имею в виду множество малых наций, исполненных национального чванства, злобы и зависти, подстрекаемых демагогами и передравшихся, как это было около 1912 г. Это очень печальная перспектива.

Гердер же верил, быть может, немного наивно, что общество в состоянии развиваться спокойно, ненасильственным путем, следуя своему предназначению, без зависти и враждебности по отношению к другим нациям, которые, со своей стороны, ведут себя так же — в атмосфере полного взаимопонимания. В это верил и великий итальянский патриот XIX века Джузеппе Мадзини.

Гарделс: Действительно ли влияние тоталитарной деспотии столь глубоко, что делает такое развитие невозможным?

Берлин: Вацлав Гавел вам скажет, что чехи не имеют агрессивных устремлений. Он такой же культурный либерал, каким был Томаш Масарик, основатель современной Чехословакии. Я уверен, что в Польше Адам Михник и Бронислав Геремек думают так же. Я хотел бы верить, что то же можно сказать и о Лехе Валенсе и Борисе Ельцине. Однако вероятность этнических конфликтов в этой части мира огромна.

Гарделс: Какая политическая структура могла бы соответствовать этому новому периоду культурного самоопределения, способствовать сохранению свободы и предупреждению возможного кровопролития?

Берлин: Сегодня необходимо культурное самоопределение без каких-либо политических рамок. И не только для Востока. В Испании имеются баски и каталонцы, в Британии — Северная Ирландия, в Канаде — Квебек, в Бельгии фламандцы, в Израиле — арабы и т.д. Кто прежде мог себе представить национализм бретонцев или шотландскую национальную партию?

Такие идеалисты как Гердер, по-видимому, о такой проблеме вообще не думали. Они ненавидели Австро-Венгерскую империю за то, что она силой объединяла несовместимые целые.

Глядя на Восточную Европу, действительно можно прийти к заключению, что там никто никого другого не любит. Но это совершенно иной феномен. На Западе нечто такое представляют ирландцы.

В Америке многие этнические группы сохранили элементы культуры страны, из которой они вышли, и там это никому не мешает. Итальянцы, поляки, евреи, корейцы выпускают свои газеты и книги. У них даже есть свои телевизионные программы.

Гарделс: Вероятно, когда эмигранты покидали свою страну, они сохранили свой "volksgeist" в обостренной форме. И не следует забывать, что именно в академической среде Америки возникло движение нового мультикультурализма, которое подчеркивает не то, что является общим, а то, что является особым, чего нет в учебных программах.

Берлин: Да, я знаю. Изучение негритянской, пуэрториканской и других культур. Это тоже обратная реакция меньшинств, которые не чувствуют себя равными в контексте американской культуры. Но мне кажется, что общая культура, в которой нуждается каждое общество, де-

зинтегрируется в результате стремления включить этнические или другие аспекты в критерии национальной идентификации. Полиэтнизизм не был идеей Гердера.

Для Гердера раса или происхождение не имели значения. Он говорил лишь о языке, о земле, об общей памяти и традициях. Его основная идея, как мне однажды объяснил мой друг чернокорец, состоит в том, что одиночество — это не отсутствие других людей, а прежде всего проблема жизни среди людей, которые тебя не понимают. В действительности же люди могут понимать друг друга, лишь если они принадлежат к сообществу, члены которого связаны ненасильственно, можно даже сказать инстинктивно.

Гердер вряд ли приветствовал бы типичное в прошлом для Вены смешение культур. В этом городе на маленьком пространстве смешалось много национальностей. В нем проявили себя многие талантливые люди, среди которых было немало страдавших сильным неврозом. Вспомним хотя бы Густава Малера, Людвига Витгенштейна, Карла Крауса, Арнольда Шейнберга, Стефана Цвейга и рождение психоанализа в этом в значительной мере еврейском, т.е. особенно незащищенном сообществе.

Такое смешение не очень совместимых культур — славяне, итальянцы, немцы, евреи — обусловило бурный расцвет творческой деятельности. Это создавало иную картину культурного самовыражения, нежели та, которая была характерна для Вены времен Моцарта, Гайдна и Шуберта.

Гарделс: В дискуссиях с квебекскими сепаратистами Пьер Трюдо часто ссылался на высказывания лорда Актона. Тот чувствовал, что там, где политические границы тождественны национальным, свободе неизбежно угрожал шовинизм, ксенофобия, расизм.

В федеральной республике только закрепленные в конституции права личности — равные гражданские права для всех, независимо от национальности — могут защитить меньшинства и индивидуумов. "Теория национальной принадлежности, — цитировал Трюдо Актона, — является шагом назад".

Берлин: Лорд Актон был благородным человеком, и я согласен с ним. Однако мы должны признать, что несмотря на все усилия Трюдо, жители Квебека продолжают стремиться к независимости.

Вообще-то мы должны признать и то, что средневековые, несмотря на монополию королевской и церковной власти и ее авторитет, было в определенном смысле более цивилизованным, чем чрезвычайно беспокойный XIX век, не говоря уже о намного худшем XX веке — грозном столетии, которое ознаменовалось массовыми проявлениями насилия, шовинизма и, наконец, массовым террором во времена Гитлера и Сталина. Конечно, в средние века тоже возникали этнические конфликты — тогда преследовали евреев и еретиков, но национализм как таковой не существовал. Войны происходили между династиями. Но существовала универсальная церковь и общий латинский язык.

Мы не можем повернуть историю вспять. Но я продолжаю верить, что разумный, спокойный, многокрасочный мир — не утопия, и что в таком мире все его составные части будут развивать свою культурную самобытность и будут терпимы по отношению друг к другу.

Я признаю, что в конце XX века ничто не подтверждает возможность построения такого мира.

Мне 82 года, я почти ровесник нынешнему столетию, самому худшему столетию европейской истории.

За мою жизнь произошли события более страшные, чем когда-либо ранее. Вероятно, страшнее, чем во времена гуннов.

Мы должны лишь надеяться, что когда нации устанут воевать между собой, кровь перестанет литься.

Не вызывают тревогу только благополучные страны, которые либо не пережили травм такого рода, либо излечились от них — это либеральные демократии Северной Америки, Западной Европы, Австралия, Новая Зеландия и, будем надеяться, Япония.

Гарделс: Эти два мира, вероятно, будут существовать параллельно, рядом друг с другом — цивилизация, имеющая твердую почву под ногами, и цивилизация сателлита.

Но, с другой стороны, не создали ли эти благополучные нации взамен безумного национального раскола свой особый потребительский мир, мир массовой культуры? Не станет ли именно это той ценой, которую человечество заплатит за мирную интеграцию?

Берлин: Унификация, несомненно, будет увеличиваться в результате дальнейшего развития техники — мы это видим на примере американизации Европы. Кое-кому это весьма не нравится, но, по-видимому, этот процесс остановить нельзя.

С другой стороны, вероятно, возможно политическое и экономическое единообразие при наличии самых разнообразных культур, как это было в Австро-Венгрии. Я полагаю, это может произойти в будущем. Определенная степень унификации "удовлетворенных наций" в сочетании с приемлемым уровнем миролюбивого разнообразия. Я признаю, однако, что в настоящее время наблюдается совершенно противоположная тенденция.

Гарделс: А что вы думаете о новом кодексе общих для всех ценностей — я имею в виду экологические проблемы и права человека? Может ли такой кодекс в определенном смысле объединить все эти рьяно завоевывающие свое место культуры, не стесняя при этом их развития?

Берлин: Вряд ли сейчас существует какой-то минимум ценностей, которые могли бы стать надежной гарантией для всего мира. Следует, однако, надеяться, что придет время, когда будет принята достаточно объемная шкала общих ценностей, о которых вы говорите. Иначе все закончится весьма грустно. Без минимума общепризнанных ценностей, способных сохранить мир, порядочное общество выжить не сможет.

Гарделс: Вы считаете, что либеральная мечта о космополитизме, о всемирном гражданстве в благополучном мире уже не актуальна?

Берлин: Я, как и Гердер, считаю всемирное гражданство нелепостью. Люди не могут развиваться без принадлежности к какой-то определенной культуре. Даже те, кто этому сопротивляется и настойчиво старается это изменить, все равно принадлежат к какому-то течению, к какой-то традиции. Могут, разумеется, возникать новые течения — на Западе такими были в свое время христианство, лютеранство, Возрождение, романтизм. Но источником всех этих течений, в конце концов, была одна речка, они питались единой главной традицией, которая, иногда радикально изменяясь, остается бесмертной.

Если все эти источники и течения высохнут, и возникнет общество, в котором люди не являются продуктом определенной культуры, не имеют родственников и близких, не чувствуют близости именно к каким-то определенным людям, а не к другим, и не имеют родного языка, то возникнет угроза засухи и исчезновения всего того, что делает человека человеком.

Гарделс: Можно тогда сказать, что для вас апостолы культурного плюрализма Вико и Гердер являются философами будущего?

Берлин: Да, в том смысле, что все мы в определенной степени несем на себе отпечаток ценностных различий. Начиная с древних времен и иудеев, христианского средневековья и вплоть до эпох Возрождения и Просвещения в XVII и XVIII веках, уникальность, единственность были признанной ценностью. Правда только одна. В многообразии таится обман.

Многообразие — это новая ценность, которая возникла в период романтизма, когда Гердер и Вико, которых я считаю провозвестниками разнообразия, играли весьма существенную роль. Позже разнообразие, многосторонность, плюрализм (который допускает наличие множества несовместимых идей, приобретших сторонников), подлинность (что не всегда тождественно с правдой или добродетелью) стали рассматривать как

ценность и добродетель. Как только плюрализм становится образом жизни и совмещается с взаимным уважением между различными и несогласующимися взглядами, трудно представить, что какая-то чудовищная машина может все это разрушить и стереть с лица земли.

Разрешите мне бросить пророческий взгляд, скажем, в XXV век — по примеру Алдоса Хаксли в его "Прекрасном новом мире", книге менее драматической, нежели "1984" Оруэлла. Возможно, когда-нибудь, на переломе следующего тысячелетия, такой прекрасный новый мир и будет установлен, отчасти как неизбежная реакция на бесконечные межнациональные конфликты и соперничество. В этой системе каждый будет одет и обут и все будут жить под одной крышей и в соответствии с едиными правилами.

Но рано или поздно кто-то начнет сопротивляться, кто-то начнет требовать своего пространства. К нему присоединятся другие. Люди поднимут бунт не только против тоталитаризма, но и против всеохватывающей, доброй и ласковой системы.

Если я в моем возрасте в чем-то уверен, так это в том, что люди рано или поздно начнут выступать против унификации и попыток найти решение, единое для всех.

Таким бунтом против претензий универсальной власти была реформация. Так рухнуло господство Священной Римской империи над обширными территориями. Такая же судьба постигла Австро-Венгерскую империю. Солнце закатилось и над Британской империей. Теперь наступила очередь советской империи.

Есть русская сказка о султানে, который решил наказать одну из своих жен за какой-то проступок и приказал запереть ее в бочку вместе с сыном и бросить в море на произвол судьбы. Какое-то время спустя сын сказал матери: "Я не могу больше быть скрюченным. Я должен выпрямиться". "Этого нельзя делать, — сказала мать. — Ты разобьешь дно, и мы утонем". Через некоторое время сын снова сказал, что ему нужно распрямиться. Мать его умоляла: "Упаси Боже, не делай этого, мы утонем". Однако сын ответил: "Я должен выпрямиться хоть раз, а потом будь что будет". На миг он обрел свободу и погиб.

Русский радикал Герцен блестяще применил эту притчу к русскому народу. Рано или поздно, говорил он, русский народ вырвется к свободе, а потом — будь что будет.

Гарделс: Во время Гердера мы могли бы и не понять скандинавскую сагу, если мы сами не испытали беснования Северного моря. Но в наше время благодаря телевидению молодежь Гон-Конга, Москвы, Лос-Анджелеса может одинаково восторгаться концертом Мадонны. Что же представляет собой культурное самоопределение в такие времена?

Берлин: Все остается по-старому. Прежние различия проявляются по-прежнему. Молодые люди из Бангкока или Вальпараисо слушают Мадонну по-разному. Отличается и язык жителей полинезийских и микронезийских островов. Это относится и к Кавказу. Если вы думаете, что на смену множеству языков придет единый универсальный язык — не для особых научных, политических или коммерческих целей, а для передачи оттенков, эмоций, для выражения внутренней жизни, то вы должны сознавать, к чему это привело бы: это не означало бы создания общемировой единой универсальной культуры, это означало бы смерть культуры. Я рад, что мне уже больше восьмидесяти лет.

ИДЕОЛОГИЯ НОВОЙ ПРАВОЙ*

Русские консерваторы верят, что история их страны всегда развивалась по-иному, нежели история Европы. Долгое время Россия была отсталой страной, главным образом потому что она служила бастионом против татарского, монгольского и других нашествий с Востока. В войнах против них Европа не пришла России на помощь — наоборот, она изолировала Россию и воздвигла против нее всякого рода барьеры. Относительно петровских реформ мнения разделяются. Немногие консерваторы полностью их отвергают, но многие полагают, что новшества следовало вводить, однако в течение более продолжительного времени и без столь сильных травм. Расширяясь в сторону Азии и Кавказа в XVIII-XIX веках, Россия была не империалистическим агрессором, а цивилизующей силой.

Мощь России быстро росла. Она стала сильнейшей военной силой на континенте, без нее не удалось бы нанести поражение Наполеону. Были отступления вроде Крымской войны, но они не имели решающего значения. Промышленная революция произошла в России позже, чем на Западе. Но в результате этого России удалось избежать ряда тяжелейших последствий промышленной революции и модернизации, поразивших Запад. Освобождение крепостных создало основу для быстрого развития сельского хозяйства. В конце века Россия производила больше зерна, чем все американские государства, взятые вместе; она была житницей Европы. Голодные годы бывали, но они даже отдаленно не походили на то, что случилось при Сталине. При этом промышленный рост страны в 1885-1914 гг. (5,7% в среднем за год) был выше чем в какой-либо другой стране. Если в 1885 г. протяженность железных

---

* Главы из рукописи "Русская правая вчера, сегодня и завтра".

дорог составляла 1376 км, то в 1885 г. она увеличилась до 27,4 тыс. км, а к 1914 г. — до 77,2 тыс. км. Бремя прямых и косвенных налогов в царской России было значительно меньше, чем на Западе. Хотя в расчете на душу населения страна все еще была бедна, ее социальное законодательство (например в отношении продолжительности рабочего дня и детского труда) было весьма прогрессивным в сравнении с другими странами мира. В 1913 г. рацион питания русского рабочего и крестьянина был лучше, чем в 1991 г. К началу первой мировой войны примерно 70% населения было грамотным, и несмотря на войну и последующий хаос, в 20-е годы неграмотность была бы, вероятно, окончательно ликвидирована. С 1908 г. обучение стало обязательным, плата за обучение в высших учебных заведениях была значительно ниже, чем в других странах.

Зная о природных богатствах страны, иностранные наблюдатели предвидели ее дальнейший бурный рост, а некоторые даже предполагали, что к концу XX века Россия будет ведущей в экономическом отношении державой мира. По оценкам демографов, к 1948 г. в России должно было жить 348 млн. человек. Русская культура в лице ее лучших представителей достигла мировой славы; такие писатели как Толстой и Достоевский не имели себе равных в мире.

В свете таких данных русская история весьма отличается от марксистского видения отсталой, разоренной, нищей и несчастной страны. Если и есть какая-либо правда во всем сказанном, то напрашивается лишь один вывод: революция и советская власть были не только морально-политической катастрофой, но и повлекли за собой в высшей степени неблагоприятные демографические, экономические и социальные последствия.

Однако в приведенном обзоре многое упущено, и картина, которую он создает, является односторонней и неполной. Верно, что Россия развивалась во многих направлениях и стала ведущей военной державой. Однако весьма мало было сделано для интеграции нерусских народов; правители России противились всем их стремлениям даже в области культурной автономии и ограни-

ченного самоуправления. Темпы экономического роста выглядят внушительно, но в основном потому, что точка старта была низкой — таковы "преимущества" отсталости. Кроме того, экономическое развитие было в основном результатом инициативы западников, таких как граф Витте (которого русские националисты ненавидят), его предшественника Бунге а также Столыпина, которого они уважают больше, но социальную политику которого они по-прежнему отвергают. Евреи и другие "инородцы" играли центральную роль в модернизации России.

Но главное, основную опору режима никак нельзя было назвать прочной. За исключением Александра II, правители страны не отличались государственным умом и предвидением. Они верили, что народ не готов и, вероятно, никогда не будет готов принять большее участие в управлении страной. Поэтому монархи и их окружение все более отдалялись от народа. "Общество", т.е. интеллигенция, многие представители средних классов и даже отдельные группы дворянства оказывались в оппозиции царской власти. В этой расстановке сил церковь играла гораздо более скромную роль, чем принято считать, она была немногим более правительственного департамента. Были национальные государственные деятели высокого ранга, признававшие необходимость более динамичной политики, однако монархи давали им весьма ограниченную свободу действий, и то неохотно и лишь в периоды кризисов.

Правители не делали ни одной серьезной попытки добиться большей спаянности и единства общества. Консервативными мыслителями XIX века немало сказано в осуждение утопического разрушительного радикализма русской интеллигенции, ведущего к революции. Но отчуждение было не случайным: для Александра III все пытавшиеся участвовать в государственных делах были "гнилой интеллигенцией". Поскольку легального выхода политической энергии интеллигенции и других широких слоев общества не было, то взрыв был неизбежен; здесь-то и заключался контраст с Западом, где такая энергия была введена в рамки и приобрела конструктивный характер.

Еще до 1917 г. было немало тревожных сигналов, не принятых во внимание: Крымская война, кампании террора, революция 1905 г., поражение в войне с Японией. Возможно, есть основания для взгляда, что монархия — лучшая форма правления для России. Однако даже убежденным монархистам было все труднее верить, что находящиеся наверху обладают качествами, необходимыми для выполнения их миссии.

Героями правой являются Столыпин и Николай II, "царь-мученик". Солженицын публикацией своих исторических романов в 70-80-е годы во многом способствовал возрождению славы Столыпина. В годы гласности речи Столыпина были опубликованы в сотнях тысяч экземпляров, появились также его биографии и статьи о нем¹.

Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911 гг.) сначала приобрел известность как жесткий, эффективный и неподкупный губернатор (в Гродно, затем — в Саратове). В 1906 г. он стал министром внутренних дел, годом позже — премьер-министром. Несомненно, что он был наиболее разумным и сильным государственным деятелем России последних лет царизма. Левые ненавидели его за безжалостное гонение революционного движения и за разгон Думы. В то же время они признавали, что если бы начатые им аграрные реформы проводились с той же энергией и после его убийства и мирное развитие продолжалось бы еще лет 10-20 (на что Столыпин надеялся и о чем молился), движущие силы революционного движения ослабели бы: лозунг "земля — крестьянам" стал бы не столь привлекательным, и Октябрьская революция, возможно, не произошла бы.

В обсуждении причин ограниченной привлекательности патриотических движений (за круглым столом, проведенным в Москве в 1991 г.) Ю.Д. Речкалов упоминает об их православности и тенденции видеть русскую историю через очки мифологии: только практикующий православие может быть истинно русским; рынок и демократия — зло по определению. Последний царь упоминается лишь в сусальных тонах. Столыпина они видят как основателя автократии, постоянно думавшего о ее укреплении.

Однако реальный Столыпин, замечает Речкалов, отстаивал просвещенный патриотизм, полностью осознающий преимущества и ценности конституции; он хотел двадцати мирных лет не для укрепления и совершенствования полицейского контроля, а для насаждения в народе гражданского духа, воспитания в людях уважения к законам и создания таким образом условий демократизации системы. Консервативные современники Столыпина отлично знали о его долгосрочных планах, и поэтому крайние правые ожесточенно нападали на него за подрыв и даже разрушение царской власти, церкви, коллективистского духа русского народа и т.д.²

Столыпин был энергичным руководителем и отличным думским оратором, его искренность и верность слову признавали даже его политические противники. Вначале он пользовался доверием царя, но с годами отношение к нему Николая II изменилось в результате постоянного давления, которое оказывал Столыпин на колеблющегося монарха с целью побудить его к решительным действиям, а также в результате интриг придворных и царицы, желавшей избавиться от Столыпина. После его убийства Богровым (революционер, ставший полицейским агентом, выходец из семьи крещеного еврея) Александра просила преемника Столыпина не упоминать при ней имени человека, который "затмевал ее мужа".

Некоторые изречения Столыпина стали в период гласности крылатыми: либералам и революционерам нужны великие потрясения, а ему нужна великая Россия; "мы должны дать свободу русскому народу, но сначала он должен стать достойным свободы"; "политика должна заботиться об исправных и сильных, а не о пьяницах и слабых". Так распространилась легенда, что если бы не убийство Столыпина, все было бы хорошо, и погубили его сатанинские силы, ответственные за падение России.

И в самом деле, обстоятельства убийства Столыпина по сей день окончательно не выяснены. Однако нет никаких оснований полагать, что если бы не убийство, судьба России была бы иной. Через недолгое время его противники при дворе добились бы его отставки. Он нажил себе

многочисленных врагов, его политическая база была весьма узкой, слишком часто он уже угрожал отставкой, состояние его здоровья ухудшилось. Кроме того, его политику никак нельзя назвать успешной и просвещенной: в отношении нерусских народов он проявлял значительно меньше стремления к гибкости и готовности к компромиссу, чем в области социально-экономической стратегии. Эти народы никогда не разделили бы его идеи "Великой России". Он не мог добиться примирения. Рано или поздно произошли бы острые конфликты и, вероятно, взрыв. Говоря коротко, надежды на Столыпина основываются на слабом фактическом материале.

Еще более ошибочными представляются в ретроспективе надежды на последнего царя. В момент прихода к власти это был обаятельный молодой человек приятной внешности, неагрессивный и стеснительный. Внешне невозмутимый, внутренне он был нерешительным и не отличался слишком блестящими способностями. Он обожал жену и любил свою семью. Если бы он просто был представительной фигурой, как некоторые его европейские кузены, он, вероятно, играл бы свою роль блестяще. Несчастье состояло в том, что он вступил на трон в эпоху кризиса, а также в том, что он убедил себя (к этому толкала его и царица) играть активную, даже главную роль в российской политике. Для такой роли он был совершенно непригоден: правление Николая началось с катастрофы и ею же закончилось. Самое лучшее, что можно о нем сказать в исторической ретроспективе — это то, что он был слабым человеком с благими намерениями, окружившим себя плохими советниками. Страшное убийство царя и его семьи — преступление по любым стандартам. Но Николай был не более святым (каким он стал в глазах правых), чем любой другой политический лидер³.

Обстоятельства убийства царской семьи недостаточно выяснены до сего дня. Поскольку они продолжают играть важную роль в мышлении "русской партии", следует дать хотя бы краткое их описание.

Сообщения, опубликованные большевиками сразу же

после события, были явно лживыми: царь казнен в Екатеринбурге 16 июля 1918 г., семья переведена в более безопасное место. Более подробные отчеты, опубликованные как белым следователем Соколовым, так и советским автором Быковым, сходятся в основных деталях: вся семья царя, а также некоторые другие лица были убиты в тот день в Ипатьевском доме⁴. Однако в подвале дома и поблизости от него не было обнаружено никаких останков людей, и вскоре распространились слухи, что по меньшей мере один из членов семьи (знаменитая Анастасия), а может быть, и больше чудом избежали гибели. Такой фольклорный мотив часто возникал в русской истории вслед за смертью императоров. Можно с уверенностью сказать, что бежать не удалось никому. Однако по ряду главных вопросов были и несоответствия: кто и почему отдал приказ о казни и кто его выполнил.

Похоже, местное советское руководство опасалось, что царь будет освобожден белой армией, шедшей в то время в наступление. Столь же возможно, что приказ был отдан Москвой. Но даже если так, маловероятно, что инструкция была дана Свердловым, как гласит версия правых. Дело такой важности было бы согласовано с Лениным, а то и со всем Политбюро. Троцкий, в частности, ответственным быть не мог: он находился на фронтах гражданской войны. Согласно версии правых, приказ шел по линии Свердлов — Голощекин (глава местной ЧК) — Юровский, командир отряда, несшего тюремную охрану царской семьи. Все трое были евреями, а на стене комнаты была обнаружена неточная цитата из Гейне:

*Balsazar war in selbiger Nacht
von seinen Knechten umgebracht*

("В ту же ночь Бальтазар был убит своими рыцарями").

Согласно официальной версии, Юровский — главное действующее лицо драмы, был "старым большевиком". Однако дальнейшие исследования показали, что в том же году, в котором он якобы вступил в партию, он обратился в Берлине в христианство, а затем пытался сколотить не-

большое состояние коммерцией. Это явно не соответствует образу "старого большевика". Столь же серьезные расхождения имеются по поводу личности отдельных охранников⁵. По одним источникам, это были латышские стрелки, по другим — австро-венгерские военнопленные; по одним отчетам, они были эсерами, по другим — беспартийными.

По сообщению Брюса Локкарта, известного британского агента в Москве, в то время народ не проявил никакого интереса к судьбе царя. Однако для крайне правых его убийство остается вопросом решающей важности — не столько актом мести, сколько ритуальным убийством. Эта тема все время муссировалась всей эмигрантской прессой, а после 1987 г. — и в России.

Если Октябрьская революция была абсолютным бедствием, то как оценить предшествующую ей Февральскую революцию и отречение царя?

Многие монархисты и правые соглашаются, что здесь таится источник всех зол и всей ответственности за последующие события. Однако в начале 1917 г. царский режим был полностью дискредитирован и по существу находился в изоляции от общества. Не только Милюков нападал на режим в беспрецедентно резкой речи, рассматривая его как предательский, но и Пуришкевич, глашатай крайне правой, столь же зло оценивал состояние дел. Если правая вслед за Солженицыным пытается внушить, что Февральской революции не должно было произойти, это не означает, что по-прежнему могла бы продолжаться линия верхов, в которой явно отсутствовала цель.

Только крайне правые безоговорочно осуждают отречение царя. В годы гласности возник значительный интерес к гражданской войне, и многие основные публикации того времени — воспоминания Деникина, романы Краснова и "Архив русской революции" (впервые опубликованный в Берлине в 20-е годы) были переизданы в Москве. Если национал-большевики стремились к уравновешенному подходу, пытаясь найти и доброе и злое в обоих лагерях гражданской войны, то традиционная правая после устранения коммунистической цензуры полностью отождествила себя с белыми и не находит у красных ничего кроме ошибок и преступлений.

Ранее они даже намеком не отваживались на подобное. Было ли это вопросом отмены цензуры или в их рядах произошло подлинное переосмысление событий после 1985 г.? Многие из них, включая редакторов ведущих правых изданий, были ранее членами компартии. Есть основания полагать, что они вступили в нее не только для того, чтобы принять защитную окраску и продвигаться в карьере. Иными словами, у некоторых из них возможно подлинное обращение или, по меньшей мере, радикализация взглядов. Они не отрицают, что белые также проводили террор, хотя им представляется, что масштабы его были гораздо меньше, чем террора большевиков, которые первыми стали осуществлять массовый террор.

Почему же белые потерпели поражение в гражданской войне⁶? Произошло ли это потому, что коммунисты были более беспощадны и более едины? В какой-то момент, в октябре 1919 г. казалось, что белые вот-вот победят. Чем же объясняется их внезапное крушение? Очевидный ответ: большинству крестьян было явно не по душе, что крупные помещики вернутся и потребуют обратно уже розданную крестьянам землю. Не по душе возвращение старого было и нерусским народам, составлявшим около половины населения страны и отнюдь не увлеченным лозунгом "единой и неделимой России". Были и другие причины, но и этих было вполне достаточно, чтобы весьма затруднить возможность победы белых армий. Позднее белые возглашали, что их целью была не просто контрреволюция, а возвращение прежнего порядка вещей. Однако их политические цели никогда не были разъяснены достаточно четко за исключением их враждебности большевизму, что резко ограничивало их привлекательность.

Керенский и Милюков, соответственно глава и министр иностранных дел Временного правительства, были анафемой для русских монархистов в эмиграции, и после 1987 г. положение не изменилось. В этих кругах не симпатизировали партиям центра, отстаивавшим парламентскую демократию, не говоря уже о социальной

демократии. С наступлением гласности русская правая вновь открывает для себя наследие русской эмиграции и в какой-то мере реанимирует его и принимает на вооружение. Начало этой тенденции прослеживается примерно на десятилетие ранее: с конца 70-х годов в Советском Союзе возобновляется интерес к эмиграции и просматривается явное желание реабилитировать хотя бы некоторых политических противников шестидесятилетней давности⁷.

Можно указать на некоторые отчетливые параллели между духом реабилитации, проведенной коммунистами до эпохи гласности, и взглядами крайне правой. Обе стороны не были заинтересованы в реабилитации либералов, левых или этнически нерусских эмигрантов⁸. Их общим знаменателем был русский патриотизм. Не имело значения, что большинство либералов и меньшевиков были последовательными врагами фашизма и сталинизма, а справа, в противоположность этому, наблюдались частые колебания в обе эти стороны: среди тех, кто вернулся в СССР после 1945 г. или хотя бы выразил готовность сотрудничать со сталинской Россией, было весьма немного демократов. Важным отличием "реабилитации", предшествовавшей 1985 г., был интерес преимущественно к первой волне эмиграции — к тем, кто покинул Россию в годы революции и гражданской войны, тогда как сотрудничавшие с Германией во время войны или покинувшие страну в период второй мировой войны по-прежнему считались предателями, не достойными прощения. В ходе реабилитации при Брежневе расточались комплименты выдающимся деятелям культуры, например, Стравинскому, политические взгляды которого были не слишком известны, но убежденные антикоммунисты оставались за чертой признания.

Позиция правых после 1987 г. оказалась иной. Приветствовались даже крайние антикоммунисты-эмигранты. Среди правых возникли разногласия по поводу таких фигур как генерал Власов, который для некоторых консерваторов, в особенности для ветеранов войны, остается предателем. Шли долгие, так и не завершившиеся споры относительно его исторической роли⁹. В этом от-

ношении непоследовательной была и позиция ведущих правых журналов. С одной стороны, они резко осудили повесть Д. Гранина "Зубр", посвященную ведущему генетику (не политику), который был в 20-е годы послан в Германию продолжать свои работы и решил остаться там при Гитлере, когда оказалось, что значительная часть его родных погибла во время сталинских чисток (он был захвачен советскими войсками в 1945 г., ему разрешили продолжать работу в лабораториях Гулага, а затем полностью реабилитировали). Но те же журналы широко прославляли эмигрантских политиков, сотрудничавших с нацистами по свободному выбору, а не по необходимости.

На какое культурное наследие опираются правые?

Подобно большевикам восемьдесятю годами ранее, новая русская правая ставит вопрос о том, какую часть культурного наследия следует принять, а от чего отказаться. Более просвещенные правые стараются закинуть сеть как можно шире, безумные маргиналы стараются отлучить, в сущности, всех, кто не принадлежал к черной сотне. А поскольку не так уж много деятелей культуры к ней принадлежало, наследие, оставшееся у них, весьма мало, хотя в него включены кое-какие забытые писатели вроде Шабельской и Крестовского¹⁰.

С общего согласия Пушкин, Лермонтов и Гоголь считались неотъемлемой частью культурного наследия России. Нерусское расовое происхождение Пушкина не принималось во внимание и некоторые его (и Лермонтова) стихи, представлявшиеся непатриотичными, объявлялись апокрифами. Величайшим из русских писателей и мыслителей признавался Достоевский, все его юбилеи пышно отмечались. Отношение к Толстому нельзя назвать отрицательным, но оно намного холоднее: своими произведениями он подрывал власть царя и церковь, он был пацифистом, не питавшим никакого интереса к исторической миссии России и проявлявшим другие нездоровые тенденции.

Такие же настроения преобладали в отношении к Тургеневу и Чехову: они не нежелательные личности, но они слишком вдохновлялись Западом и мало сделали для воспитания русского народа в духе патриотизма.

Когда дело доходит до XX века, положение ухудшается еще больше. Для многих правых Есенин — объект величайшего поклонения. Он выглядит для них весьма привлекательно: молодой человек безупречного крестьянского происхождения, в юности — пастух. Он обладал большим талантом, а после смерти его подвергли остракизму в Советском Союзе. То, что он критиковал американский образ жизни и предвещал "падение небоскребов", также сближает его с правыми. Он воспевал русскую деревню, жатву, мирные ландшафты, Иисуса и Деву Марию, идущих по полям. Но Есенин был также "плейбоем" и хулиганом, певцом проституток и пьяных драк, автором кощунственных стихов о Христе.

Есенин приветствовал революцию, но позднее писал, что чувствует себя чужим в родной стране. Подобно Маяковскому, он покончил с собой; и так же, как в случае с Маяковским, по сей день ходят легенды, что он был убит или, по крайней мере, его подтолкнули к самоубийству¹¹. Как и во многих других случаях, немалая вина приписывается здесь Троцкому, хотя Троцкий ценил талант Есенина и был одним из его доброжелателей среди вождей коммунистов.

Подобно тому как большевики молились на рабочий класс, русская правая обожествляет крестьянство. Крестьянство — единственный подлинный носитель и заступник Русской идеи. Все прочие классы — паразиты или, в лучшем случае, — ненадежные союзники. В этом контексте культ Есенина в лагере новой русской правой не вызывает удивления: именно таковы были идеи самого Есенина и его наставника Клюева (преимущественно крестьянского автора), когда в канун первой мировой войны они штурмом овладели литературным Петербургом.

Насколько подлинным был этот "стиль русс"? Был ли он непосредственно деревенского происхождения?

Нет, явно присутствовал в нем элемент поддельной сельской простоты. Как отмечал впоследствии Ходасевич, родился этот стиль не в березовой роще, а в отдельном кабинете французского ресторана в Петербурге: "немножко православия, немножко сектантского самобичевания, немножко революции, немножко шовинизма..."¹².

Со стороны крайне правой делались попытки привлечь к своей идеологии и некоторых других великих поэтов XX века. Да, А. Блок писал о Куликовской битве, и в его стихах присутствуют элементы славянофильства. Он верил в грядущий апокалипсис и по меньшей мере однажды написал, что он "ненавидит буржуазию, дьявола и либералов". В том же стиле высказывался он по поводу старого, умирающего мира западной цивилизации, что еще больше сближает его с "истинными патриотами". Но само его имя показывает, что он не был чисто русского происхождения; к тому же он страдал от распространенной тогда "мировой скорби" и мизантропии ("человек внушает мне отвращение, жизнь страшна"). Кроме того, он симпатизировал эсерам, и в одной из своих поэм, публикуемой во всех советских антологиях, выразил симпатии революции.

Андрей Белый, еще один из ведущих поэтов своего времени, писал о возрождении Христа в России, о "России, России, России — Мессии грядущего дня" и отвергал "бездушный материализм". Но при этом он был последователем Рудольфа Штайнера и теософии, которая в фольклоре правых так же предосудительна как масонские заговоры.

В итоге они остаются с некоторыми неплохими авторами вроде Волошина, Клюева и Хлебникова, которые, однако, не принадлежат к величайшим представителям русской литературы. Клюев (1887-1933 гг.), первый крестьянский поэт, несомненно был националистом, равно как и Хлебников. Но если у первого было слишком много эротизма, то у второго было слишком много модернизма, чтобы сделать их совершенно пригодными для патриотической индоктринации. Наиболее известный из оказавшихся в эмиграции писателей Бунин широко почи-

тается по всем линиям политического спектра, но он "слишком холоден", он критически отзывался о русском крестьянстве и не любил Достоевского. Бальмонт и Сологуб при всех их достоинствах многие годы принадлежали к школе, называемой русским декадансом. Остаются Иван Шмелев и Игорь Северянин — политически приемлемые, но не относящиеся к авторам высшего класса.

Самое парадоксальное, что остаются также два советских писателя — Шолохов и Леонид Леонов. Однако Шолохов был прежде всего фигурой из истеблишмента, хотя некоторые его произведения долгое время не могли быть опубликованы. Он более реалистично, чем многие его современники, описывал коллективизацию сельского хозяйства, однако в конечном счете он ее принял и одобрил. Его поведение в отношении диссидентов, таких как Солженицын, показывало, что у него или нехватало характера и мужества, или же что он полностью солидаризировался со всеми выходками политического руководства страны. Кроме того, "Тихий Дон" настолько превышает в литературном отношении другие произведения Шолохова, что его авторство оспаривалось, и споры не стихают по сей день.

Лучшие произведения Леонова были написаны в 20-е годы, в бытность его "попутчиком" коммунистов; в дальнейшем он пишет в полном согласии с партийной линией, и хотя встречаются у него следы воздействия Достоевского, патриотизм Леонова полностью соответствует официальной идеологии его времени.

При всех их идейных слабостях на этих (и на ряд других) авторов русская правая предъявляет свои претензии, хотя и выборочно. Но все это не может объяснить, что же все-таки на самом деле представляет собой "русскость", победы какого рода русской культуры желает русская партия. Верно, что в свое время славянофилы писали на эту тему, но их видение относится прежде всего к прошлому, да и высказывания Достоевского по тому же предмету укоренены в прошлом веке. Некоторые современные русские писатели доказывают, что в прошлом жизнь в России, и в особенности в русской деревне, была

более гармоничной нежели теперь, но и они соглашались, что мир прошлого невосстановим.

Каково же послание правой нынешнему времени? Парадоксально, но большая часть написанного и продуцированного на русскую тему исходит не от правых, а из либерально-патриотического лагеря — от Бердяева, Федотова и Лихачева, и по ряду причин все это совершенно неприемлемо для крайне правой. Бердяев писал о крайне правом национализме как о чем-то, что вдохновляется варварством и глупостью, язычеством и аморальностью, восточной дикостью и темнотой, как о разгуле старорусской распущенности¹³.

Пытавшиеся в последнее время дать определение русского патриотизма не произвели ничего, кроме банальностей. По Шафаревичу, патриотизм — осознание особых ценностей и инстинкт сохранения национальной идентификации. Следовательно, умирание патриотизма — наиболее точный показатель начала конца народа, превращения его из живого организма в мертвую машину. По Распутину, русскость (подобно германскому и французскому духу) — это попросту общее направление, которое нация приобретает с достижением ею зрелости. Такое направление может быть художественным, религиозным или прагматическим. Но сверх всеобщих человеческих ценностей каждый народ имеет нечто свое, особое, и он призван развивать и оплодотворять то особое, к чему у него есть склонность¹⁴.

В этих идеях нет ничего специфически русского — это заимствования из Гегеля и в особенности из Гердера; последний, впрочем, имел в виду не политические, а культурные традиции. Попытки определить некую русскую специфику обречены на неудачу, ибо в каждый данный момент существует более чем один "национальный характер" и более чем одна национальная идея, которые к тому же неизбежно меняются со временем.

В интересной попытке определить некую русскую особенность Федотов говорит о "лишних людях", странниках (скитальцах), а также о строителях, о московском и западном типе русского, о неограниченной вольности и

сектантском бунтовщичестве, о грусти и детскости, о религиозности и многих других качествах, для которых невозможно найти общий знаменатель¹⁵.

Почему же так важно определить, что такое русская особенность? Трудно найти значительного французского или британского мыслителя, который уделит бы много времени и усилий такому занятию относительно своей нации. Специфически французское очевидно и понимается инстинктивно, оно не нуждается в определениях и разъяснениях. Единственная крупная страна, где время от времени усиленно занимались поисками национальной идентификации, — Германия, да и там результатом были не слишком помогающие делу случайные речения вроде знаменитой вагнеровской фразы: "Быть немцем означает делать что-нибудь для самого себя".

Такие отчаянные поиски точного определения национального тождества (и предназначения) могут быть весьма точным признаком слабости и неуверенности народа, который или лишь недавно достиг полной независимости, или же по каким-либо причинам уверовал в то, что его прошлые свершения на сцене мировой истории не могут сравняться со свершениями других народов, которые полагают, правильно или ошибочно, что их предназначение не сбылось. Это свидетельство неудовлетворенности своей историей. Русскость, как отмечают критики, не имеет современного содержания — она связана с тоской по прошлому, нередко — весьма отдаленному¹⁶. Здесь явно возникает опасность затеряться в мифах отдаленных веков. Хотя у русских нет ничего сопоставимого с Нибелунгами, и у них хватает рыцарей в блестящих доспехах — разных Мстиславов и Ростиславов, деяния которых описаны в эпосе раннего средневековья. Когда француз (или итальянец) говорит о своей стране, он обычно называет ее "прекрасной Францией" (Италией), англичанин говорит о "веселой (или "доброй") старой Англии", немец говорит о "немецкой надежности". Только русские националисты обращаются не к эстетическому, этическому или политическому идеалу, а к идеалу морально-религиозному — "Святая Русь"¹⁷.

Русская правая обычно мало интересуется экономической политикой. Неприязнь к существующему она демонстрирует постоянно, но вряд ли можно найти в ее идеологии какие-либо реальные альтернативы. В известном письме 74 писателей и деятелей культуры (1990 г.), одном из основных манифестов русской правой, много говорится о нацизме, сионизме, русофобии, патриотизме и т.п., но нет ни единого упоминания о национальной экономике — и это в период ее глубокого кризиса¹⁸.

То же справедливо для многих консервативных движений во всем мире, и то же относится к фашизму. Но есть здесь и существенные отличия. Консервативное сопротивление индустриализации не было на Западе таким мощным, как в России. И проблемы индустриализации там не были настолько острыми, что временами приходилось начинать все сначала. В царской России большинство консерваторов выступало против индустриализации, против возникновения класса промышленников, предпринимателей и банкиров, в котором они справедливо видели опасность для своего образа России. Правые, конечно, сознавали, что основная поддержка царизму идет из сельской местности. Они правильно предвидели, что расширение экономической свободы рано или поздно приведет к расширению политической свободы, чего они боялись. Если уж Россия должна развиваться и модернизироваться, то это должна делать бюрократия. Однако у государства нет ни технической компетенции, ни средств для выполнения этой задачи, оно может лишь осуществлять надзор за развитием, поддерживать его или тормозить. Роли предпринимателя и инвестора оно играть не может. Поэтому именно буржуазия, а не рабочий класс, стала главным врагом консерваторов, призывавших к созданию единого фронта против "капиталистической эксплуатации". Однако в деревне этот призыв не имел существенного отклика, а в городах — вообще никакого.

Антикапиталистические взгляды русской правой до

1914 г. по-прежнему сохраняют интерес, ибо ее мотивы и доводы и по сей день остаются теми же: рынок, капиталистическая система непригодны для России. Это излагается на различных уровнях "научности". Геннадий Шиманов, лидер крайне правой до перестройки и в годы перестройки, доказывает, что капитализм, от времен Ветхого Завета и до Ротшильдов и далее, — еврейское изобретение; евреи изобрели также и коммунизм. Их главенство над мировыми финансами — ключ к их господству над миром¹⁹.

В дискуссиях менее эмоциональных доказывается, что Россия не пригодна для капиталистической системы просто потому, что русская этика является не протестантской, не кальвинистской, даже не католической, а православной²⁰. В качестве свидетелей обвинения выступают Макс Вебер, Зомбарт и даже Тойнби. Более высокое качество японских товаров по сравнению с товарами христианского Запада объясняется выживанием и силой национальных традиций в Японии. Поскольку психология и моральные ценности русских отличаются и от Запада, и от Востока, капитализм в России в любом случае обречен на неудачу. Он просто превратит Россию в страну третьего мира.

Короче говоря, рынок — не панацея от болезней России, а ловушка. Какое же средство есть у консерваторов для поправления дел в хозяйстве? Напрасны поиски ясного ответа в трудах Михаила Антонова и Сергея Кургиняна, наиболее известных правых публицистов эпохи перестройки. Антонов прославился примерно 25 лет назад как деятель христианского диссидентства. Он пишет работу о социальном учении славянофилов и отстаивает нечто вроде деиндустриализации России и перевода главных производств в Сибирь (сибиряки встретили эту идею без особого удовольствия).

Антонов был членом компартии, но, по его собственным словам, в середине 60-х годов пришел к выводу, что марксизм — доктрина глубоко чуждая русскому народу²¹. На самом деле, обращение произошло, по-видимому, несколько позднее, ибо в 60-е годы Антонов еще

провозглашал, что "сочетание русского православия и ленинизма сможет дать русскому народу мировоззрение, способное синтетизировать его вековой опыт как нации"²². Оказывается, не только советские либералы, но и многие правые продолжали претендовать на Ленина и ленинизм вплоть до 1988 г. и даже позже. Они сопоставляли хорошего Ленина с плохим Троцким, презиравшим и ненавидившим русский народ.

Антонов побывал в заключении, но в конце 70-х годов был реабилитирован. На заре гласности он опубликовал ряд больших программных, неплохо написанных работ в основных консервативных журналах ("Молодая гвардия", "Наш современник").

В какой-то степени его критика была хорошо аргументированной, например в отношении неисправимого экологического ущерба, нанесенного форсированной индустриализацией. Но на эти темы много писали и раньше, а когда дело доходит до практических предложений, наш автор явно не знает, что делать. Он доказывает, что России, вероятно, не следует стремиться к уровню жизни, сопоставимому с западным или зарубежным дальневосточным. И в этом нет особого несчастья, ибо русские идеалы и ценности не таковы, как на Западе (или в Японии) — они духовного, а не материального свойства. Русскому сердцу ближе аскетическая жизнь, нежели западное общество потребления. Русским рабочим и крестьянам следует внушить эти забытые идеалы, бюрократия должна быть очищена от проникших в нее преступных элементов. В результате производительность в хозяйстве страны повысится и уровень жизни возрастет. По мнению Антонова, экономические трудности являются скорее моральной, нежели хозяйственной проблемой.

Антонов весьма почитался правыми. В 1989 г. он стал руководителем новой организации, призванной хранить русские культурные традиции. Но его идеи не были приняты всерьез даже единомышленниками. Н.Н.Лысенко, председатель Республиканской народной партии, назвал их "буколически-православно-моральной экономикой", говоря о том, что вряд ли русские рабочие с энту-

зизмом отнесутся к призывам работать больше и тяжелее или стоять в очередях за плохими товарами в результате патриотической индоктринации²³.

Сергей Кургинян приобрел известность как автор столь же длинных статей, а также как редактор книги под титулом "Постперестройка", в которой он обнаруживает немалую литературную эрудицию. В одной статье он цитирует не только Шекспира, Гете и Достоевского, но и Шпенглера, Тойнби, Геделя, Сведенборга и Якова Беме. По профессии он актер и продолжает работать режиссером московского экспериментального театра "На досках", а также имеет ученую степень. В период гласности Кургинян стал главой московской политологической группы Центр экспериментального творчества, имеющей некоторое влияние; его работы цитировал бывший премьер Павлов и другие высокопоставленные коммунистические руководители²⁴.

Как и у Антонова, сильной стороной Кургиняна является критика, в основном направленная против советников Горбачева и Ельцина и их иностранных помощников. И, как и у Антонова, напрасно искать у Кургиняна подробных конструктивных разработок и альтернативных концепций. Точнее говоря, они имеются в избытке, что может привести читателя в растерянность. В противоположность Антонову, Кургинян называет свой подход неоконсервативным и неотрадиционалистским, и ярлык авторитаризма не пугает его.

Будучи патриотом-технократом, Кургинян считает положение крайне плохим и полагает, что народу следует сказать правду об этом. Однако модернизацию следует осуществить, не впадая в зависимость от иностранных кредитов. Разумеется, это можно сделать только при сохранении решающей роли государства в хозяйстве страны, при насаждении сверху дисциплины и немалой дозы индоктринации. Но поскольку Кургинян, в отличие от Антонова, не является русским по национальности, славянофилы не столь привлекательны в его глазах, и отстаиваемый им патриотизм это государственный патриотизм; государство, а не народ является высшим авторитетом.

Кургинян — непревзойденный мастер разработки сценариев, которые свидетельствуют о творческом складе и, временами, — об острой наблюдательности, но ни в коей мере — о логике и последовательности. В одно и то же время он проповедует модернизацию советского общества и внедрение самой современной техники и... возврат к социальным учениям раннего христианства и ислама. Он предлагает проводить перестройку на основе монастырско-аскетической метарелигии, сочетающей духовный коммунизм и христианство (как традиционного, так и тейардианского толка), а также русский патриотизм, антизападничество и идеологии третьего мира, и на основе консолидации всех здоровых сил общества. Кургинян находит образцы в поселениях русской религиозной секты духоборов и в казачьих общинах. В 1990-1991 гг. сценарии Кургиняна приобрели поклонников среди коммунистов, государственной бюрократии и в органах безопасности. Однако критики высмеивают его как шарлатана, поставляющего фантастическую и абсолютно неудобоваримую смесь технократического прагматизма, коммунизма и шовинизма²⁵.

Взгляды Кургиняна вызвали резкую критику и в крайне правых кругах. На него нападали как на ложного пророка, защитника государственного капитализма, который игнорирует духовные возможности русского народа и, вообще говоря, проповедует масонско-еврейско-мондиалистские взгляды. В ходе этой полемики отстаивались теории нацистской экономической политики.

“Решающим фактором широкой поддержки нацистской идеи было крайнее озлобление немецкого народа, вызванное тотальной сионизацией немецкой печати и разрушением немецкой экономики, к которому привели злобные махинации жидо-масонов, коммунистов и социал-демократов всех мастей.

Ошибку Гитлер совершил, когда он поддался влиянию сионистов и решил осуществить свои амбиции путем территориальной экспансии”²⁶.

Разумеется, наиболее влиятельным стал призыв к преобразованию России, исходивший от Солженицына.

В одном важном пункте он отличался от Антонова и Кургиняна: он спокойно признал, что, не будучи специалистом по экономике, он не может дать рецепта перехода от государственной собственности к частному предпринимательству²⁷. Солженицын соглашается с другими консервативными авторами, что было бы преступной и опасной ошибкой продавать иностранцам минеральные богатства России и ее леса. Было бы неверным также позволить неограниченную концентрацию капитала, что может привести к какой-то новой форме монополизма. Было бы столь же пагубным, если бы давление мотивов прибыли стало слишком сильным, ибо это отрицательно скажется на духовном здоровье общества.

Солженицын противится приложению иностранных экономических моделей к России, однако он соглашается, что семьдесят лет индоктринации, уверявшей, что иметь собственность и нанимать работников — зло, крайне отрицательно сказались на благосостоянии русского народа. Солженицын высказывается за поощрение малых предприятий и возлагает надежды на русское умение работать, которое проявится с исчезновением правительственного ярма. Если японцы сумели создать сильную экономику, опираясь на высокую трудовую мораль, то и Россия способна преуспеть в этом.

Националисты-экстремисты нападали на Солженицына за то, что в одной из своих ранних книг он поддерживал некий тип "морального социализма", тогда как социализм — дьявольское изобретение, корни которого в зависти, а не в моральной глубине христианства²⁸.

Каковы бы ни были воззрения Солженицына двадцать лет назад, и Антонов и Кургинян сняли свои социалистические ярлыки намного позже. Антонов еще в 1989 г. заявлял, что его организация будет приветствовать только социалистические формирования и лиц, поддерживающих политику перестройки, проводимую коммунистической партией²⁹, а Кургинян поддерживал некие формы национального или государственного социализма. Национал-большевики правой шли еще дальше, пытались привлечь Ленина (демократа, врага бюрократии и архи-

тектора бесклассового общества) к перестройке России, как они ее понимали³⁰.

Как среди либералов, так и среди правых нет единодушия в отношении экономической политики. Все правые соглашаются, что перестройка потерпела поражение, что только уголовники, спекулянты и прочие деструктивные элементы выиграли от тех возможностей (пусть ограниченных), которые открылись при Горбачеве³¹. В этих кругах слово "кооператор" стало синонимом вора, и без доказательств принимается, что мафия правит хозяйством страны. Может быть, такая оценка ситуации не полностью беспочвенна, но она оставляет открытыми главные вопросы, по которым среди правых нет согласия: является ли приватизация в принципе ошибочной или же все дело в поспешности и непоследовательности ее проведения³².

Вся русская правая соглашается, что сталинская коллективизация была гигантской катастрофой, приведшей к разрушению традиционной русской деревни. Немалая часть вины приписывается Яковлеву (Эпштейну), партийному лидеру еврейского происхождения, который на самом деле играл здесь второстепенную роль: он не был членом Политбюро. Можно было полагать, что тот момент, когда на селе вновь станет возможной независимая инициатива, будет приветствоваться правыми. Ничего подобного не произошло. Как в 1906 г. правые выступали против стлыпинских реформ, разрушавших общину, так и в 1990 г. они усмотрели в происходящем ту же опасность. Анатолий Салуцкий, правый публицист еврейского происхождения, приобрел печальную известность бесконечной серией статей, в которых он обвинял одного из реформаторов, академика Заславскую, в содействии разрушению русской деревни в 70-е годы. Однако когда возникли другие возможности, Салуцкий не оказался среди тех, кто поддержал приватизацию в сельском хозяйстве; таких как он было немало³³.

Весьма поучительно сопоставить экономическую доктрину нацизма (и германской "консервативной революции" 1929-1933 гг.) и идеи русской правой. И те и другие

верят в примат политики над экономикой, и те и другие в какой-то степени антикапиталисты — во всяком случае, доктринально. Ранняя нацистская экономическая доктрина, созданная Федером и отброшенная впоследствии, предусматривала смертную казнь для ростовщиков и деятелей черного рынка (параграф 12 нацистской программы) и национализацию всех "трестов" (параграф 13). Сельскому хозяйству отдавалось предпочтение перед промышленностью, а банки рассматривались как нечто подозрительное. Слова Василия Белова ("Все впереди") о "традиционной русской деревне как хранительнице национального очага", — дословное повторение написанного Гитлером в "Майн кампф" о здоровых духом группах мелких и средних крестьян как постоянном средстве предупреждения всех социальных болезней³⁴.

Это не совсем ошибочная идея, но главная трудность состоит в том, что на волне революции в сельском хозяйстве традиционная деревня исчезает. Ранняя нацистская доктрина была основана на фантазиях об "уничтожении рабства на низших уровнях" и различия "производительного" (промышленного) и "паразитического" (финансового) капитала. Эти лозунги были чистой демагогией, и после 1933 г. они были потихоньку сняты. И нацисты, и германские революционные консерваторы верили в частную инициативу и частную собственность, отводя в то же время государству большую роль в национальной экономике, чем оно играло ранее. В каком-то смысле это был германский вариант кейнсианства. В канун переворота нацистская экономическая программа преодоления кризиса была вполне реалистичной, она доказала свою относительную успешность и позднее дала нацистам немалый политический кредит³⁵.

Есть, однако, одно коренное отличие: проблема, которая стояла перед нацистами, состояла в том, чтобы сдвинуть с места экономику, которая находилась в застое. Инфраструктура была на месте — заводы, умелая рабочая сила, сеть коммуникаций. Перед русской правдой стоит несравненно более трудная проблема — сменить систему, которая доказала свою непригодность. Возвра-

щение к прошлому оказалось в Германии возможным с небольшими изменениями. В России, если это и представляется возможным, то лишь в качестве паллиатива и то на короткий срок.

Новая русская правая

В 1990 г. в русской печати впервые появились упоминания о "новой русской правой" или русских "неоконсерваторах". Одним из первых использовал этот термин Александр Проханов; использовали его и упомянутые выше Сергей Кургинян и Александр Дугин. Проханов начал свою литературную карьеру среди либералов: ему покровительствовал Юрий Трифонов. Позднее он стал восхищаться армией и написал несколько книг о кампании в Афганистане, за которые он получил прозвище "соловья Генштаба". Человек большой энергии и поразительной литературной производительности, он постепенно выдвигается в первые ряды организаторов и распорядителей литературной жизни. При поддержке Главного политического управления армии он начинает издавать еженедельник "День" — противовес либеральной "Литературной газете". После поражения путча 1991 г. "День" стал выходить с подзаголовком "газета духовной оппозиции". О продвижении Кургиняна с работы актера и режиссера на роль главы московского центра, специализирующегося на научной прогностике, уже упоминалось выше; Дугин, вначале бывший членом "Памяти", определяет себя как "метафизика и геополитика"³⁶.

О новой правой писать нелегко: она только зарождается; когда участников новой правой называют неоконсерваторами, следует помнить, что у них нет ничего общего с тем, что обычно подразумевается под этим термином в США. С другой стороны, они свободно черпают идеи от французской "новой правой". Несомненно, русские новые правые — русские патриоты, выступающие за сильную Россию. Они антилибералы и антидемократы и не испытывают никакой симпатии к тому, что они считают слащавыми излияниями насчет гуманизма и прав

человека³⁷. Согласно Проханову, в десяти заповедях нет ни слова о правах человека; идея эта, впрочем, вызвала возражения других читателей того же текста (а как же "не убий"?).

В противоположность старой правой, для которой они не видят будущего, новые правые меньше интересуются прошлым: они сосредоточивают свое внимание на проблемах внутренней и внешней политики России. Они считают диктатуру важным фактором выживания страны; они выступают за сильный централизованный государственный аппарат и мощные силы безопасности. Они не отбрасывают рынок с порога, однако считают, что еще долгое время государство будет играть решающую роль в возрождении и преобразовании страны. Они полагают, что традиционные увлечения крайне правой сатанизмом, жидомасонским заговором и т.п. мало соотносятся с современным миром, и хотя они отдают должное церкви, они не считают ее важным союзником. Старая партократия предпочтительнее новых либералов, однако нужны новые идеи, чтобы заменить марксизм-ленинизм (и русский национализм старого образца), и именно они призваны впрыснуть обществу новые идеи.

Дугин и Проханов восхищаются Аленом Бенуа и французской новой правой, которую они рассматривают как эквивалент русского почвенничества. Они разделяют увлечение французских правых ранними церквями, Юнгом (в той мере, в какой они его знают), натурфилософией, основанной на мистической религиозности, и некими утонченными формами расизма. Они полагают, что евразийская школа мышления, к которой принадлежит русская новая правая, имеет много сходства с французской новой правой.

Поскольку за пределами Франции о доктринах новой правой известно весьма мало, следует хотя бы вкратце остановиться на их основах. Бенуа, ведущий идеолог группы, подчеркивает важность функций аристократической элиты, которая состоит из "героических политических борцов" (одна из побочных идей Джулиуса Эволя). У Конрада Лоренца заимствована концепция аг-

рессии и территориального императива как нормального человеческого качества, подчеркивается также иерархичность общественных структур. Они придерживаются неоязычества, считая его более духовным, нежели иудеохристианский монотеизм, который ведет к уничтожению общества под прикрытием либерализма, демократии и, в конечном счете, социализма. Новая правая почти полностью отрицает просвещение и рациональное мышление, включая общепринятую логику.

Нацию они считают высшей ценностью; любое перемешивание или интеграцию рас они рассматривают как крайнее зло, ибо это ведет к вырождению и "этноциду" (народоубийству), что является ключевым понятием новой правой во Франции, равно как в России и в Германии. Однако французская новая правая отрицает обвинения в расизме, ее пароль — "этноплюрализм". Политика ставится выше экономических соображений ("примат политики"), инстинкты и мистическая мысль — выше рационального мышления. Новая правая — антиинтеллектуалы и антикапиталисты, проповедующие "третий путь" между капитализмом и коммунизмом. Их лозунг — "консервативная революция", в противоположность традиционному реставрационному консерватизму. Новая правая настроена (или была настроена) прогермански и антиамерикански.

Знакомые с западной интеллектуальной мыслью найдут в идеологии новой правой следы влияния Ницше, Парето, Сореля и неперменного Эвола, а также правых европейских мыслителей 30-х годов. Правые в Западной Европе возникают постоянно, причем ничего особенно нового каждая волна не выдвигает, и новинки подозрительны относительно свежести. "Этноплюрализм" может быть полезен как интеллектуальный аргумент против весьма неприятных обвинений, однако действительно ли новая правая верит в него? Если правая хочет быть политически активной (а в этом ее конечная цель), то ее призывы обращены явно к голосующим за различные "национальные фронты", для которых этноплюрализм — анафема. Правда, французская новая правая в целом не

исповедует классических теорий заговора и держится подальше от разных каддафи и фарраканов; но другие, менее утонченные европейские правые, включая русских, обходятся без этих нюансов и подчеркивают свою близость ко всем радикалам, не принадлежащим к левой.

Многое в этой французской смеси оказывается слишком тяжелой пищей для идеологов русской правой, потому что в России эта политическая традиция никогда не была представлена, но в последние годы они неразборчиво заимствуют от французов³⁸. Между тем во Франции мода на новую правую продолжалась всего несколько лет и ныне ее влияние столь же мало, как в Германии.

Есть ли у "революционных консерваторов" будущее в России?³⁹. Дугин верит, что время работает на "наших" и что новая правая в ближайшем будущем станет самой популярной и распространенной идеологией, что после победы в России она распространится и на другие европейские страны. Он заявляет, что прежняя правая доктрина устарела, возвращение к монархической системе или к славянофильству невозможно без идеологической метанойи⁴⁰.

Кроме того, прежняя правая бессмысленно снизила свою привлекательность ксенофобией. Действительно, среди "наших" (как их видит Дугин) есть не только русские, но и традиционалисты из малых народов, которые признают опасность сепаратизма, с одной стороны, и "мондиализма" — с другой⁴¹. Дугин, может быть, вполне прав, подчеркивая преобладающе консервативное настроение умов в России и других европейских странах; однако он явно переоценивает привлекательность новой правой как в Западной, так и в Восточной Европе. Гораздо вероятнее, что сдвиг политического маятника вправо укрепит силы популистов и ксенофобов, нежели влияние геополитических мыслителей новой правой. В спекуляциях на тему о традиционной общности идеалов, ценностей и интересов Западной Европы и России многое принадлежит к области фантазий и основано на невежестве⁴².

Кургинян и в особенности Дугин внесли свой вклад

в доктрины яростного антиамериканизма и прежде всего — в концепцию "чрезвычайного положения". Кургинян уверяет, что он всегда был идеологом "чрезвычайного положения", т.е. недемократических решений в политике. Но и это перепев идей Карла Шмитта, весьма эрудированного, но посредственного немецкого политического философа 20-х годов, который подробно анализировал слабости современной демократии, в особенности когда ей приходится сталкиваться с серьезными проблемами и катастрофами. Вряд ли Кургинян когда-либо читал раннего Шмитта, но Дугин явно читал: он полностью воспринимает шмиттовскую дихотомию "друг — враг". Во внешнеполитических вопросах Дугин — за континентальную империю от Владивостока до Дублина, которая может быть противовесом Америке и атлантизму. Америка — прежде всего враг: это химера, неорганичная, насажденная цивилизация, у которой нет священной государственной традиции, собственной цивилизации, и которая все же пытается навязать другим континентам свою антиэтническую, антитрадиционалистскую, "вавилонскую" модель⁴³.

Похоже, Дугин, как и большинство других идеологов крайне правой, не бывал в Америке: это, несомненно, облегчает ему общее теоретизирование по столь сложным вопросам. Идеи эти не новы, они подробно высказаны немецкой крайне правой 30-х годов. Русская новая правая часто взывает к таким понятиям как "геополитический" и "мондиалистский", хотя их толкование абсолютно неясно. Проханов однажды упоминал об Америке как о вечном враге России, но, подобно Кургиняну, он считает внутренние дела более срочными на нынешнем этапе⁴⁴. Русская новая правая, возможно, когда-нибудь станет влиятельной. Но в настоящее время это скорее абстракция, нежели политическая реальность.

Внешняя политика

Долгое время русские националисты делились на стоящих за сильную и неделимую Россию, и тех, кто,

подобно Солженицыну, считал старую советскую империю невыносимым бременем. Но и эти последние надеялись, что, пройдя чистилище, будущая Россия включит также Украину, Белоруссию и Казахстан. Они не были готовы к дезинтеграции, произошедшей в 1991 г., когда даже существование прежней РСФСР было поставлено под угрозу дальнейшим давлением сепаратистов. Такое положение дел не только они не готовы принять добровольно, но и многие, не придерживающиеся консервативного мировоззрения.

Русская правая слишком поздно почувствовала опасность. Пока Кожинов, один из наиболее эрудированных и красноречивых правых авторов, публиковал длинные опусы с доказательством, что хазарское иго было бы более опасным, чем татаро-монгольская угроза⁴⁵, балтийские республики, Молдова и Кавказ ушли из-под власти России. Пока "Молодая гвардия" и "Наш современник" метали громы и молнии по поводу жидомасонского заговора 1917 г., Украина и Средняя Азия провозгласили свою независимость. Это поразительный пример политической слепоты, когда, думая о воображаемых угрозах, забывают о реальных (в их понимании) опасностях. Со временем более вдумчивые мыслители правой несомненно попытаются установить, как оказались возможными столь роковые ошибки в суждениях.

Пока еще рано размышлять о том, как русские националисты будут объяснять катастрофу 1991 г. и какова будет их реакция: возложение вины на традиционных злодеев, принятие новой реальности, или же попытки вернуть хотя бы часть утраченных земель. Потрясение было столь велико и перемены столь далеко идущими (века русской истории оказались пропавшими), что нелегко ныне оценить взгляды правых по вопросам внешней политики. Долгое время внутренние проблемы, вероятно, будут привлекать намного большее внимание, чем внешнеполитические вопросы.

Правых объединяет вера, что Россия нуждается в сильной армии, которая создаст ей надлежащее место

в мире, а некоторые из ведущих представителей правой годами доказывали, что только вооруженные силы дадут возможность руководству страны предотвратить сползание в полный хаос. Согласно некоторым идеологам крайне правой, армия — не только щит нации, но и важная культурная сила, носитель народной морали⁴⁶. Правая сопротивляется разоружению и крупным сокращениям военного бюджета. Она защищает вооруженные силы (а нередко и КГБ) от нападков, и эта поддержка оказывается взаимной.

По разным причинам правые отвергают горбачевское "новое мышление" и выражают глубокое недовольство даже теми изменениями, которые претерпела официальная советская доктрина в 1989-1990 гг.⁴⁷ Они считают, что контроль над вооружениями работает на пользу Западу. Ценой огромных усилий и жертв Советский Союз обрел весьма сильные стратегические позиции и уступить их — предательство: отсюда злобные нападки на Арбатова, Примакова, Бурлацкого и других советников Горбачева. Эти люди — ни в коей мере не либералы и уж, конечно, не радикалы, но они пришли к пониманию того, что советская экономика больше не может выдержать военного бюджета таких размеров и что в любом случае новые ассигнования приводят к уменьшению чисто военных преимуществ.

Согласно доктрине правых, ошибочно полагать, что в будущей войне ядерное оружие не сыграет решающей роли. В то же время глубокие сокращения ядерного вооружения непременно приведут рано или поздно к "мировому правительству". Таково в глазах представителей этих кругов видение американского троянского коня — самое худшее, что может выпасть на долю России: победа Запада, выигранная без единого выстрела⁴⁸.

По той же причине они выступают и против запрета испытаний ядерного оружия (за исключением запретов, установленных договором 1963 г.). Тон жалоб по поводу перемен в военной доктрине становится все более горьким. Противники этой доктрины рассматриваются как представители "пятой колонны", заражающие

страну чем-то вроде политического СПИДа⁴⁹. События 1991 г. временно привели к прекращению этих дебатов. Однако жалобы и рассуждения о том, что армии воткнули нож в спину, вероятно, будут продолжаться.

В области собственно внешней политики справа всегда существовали традиционные подозрительность и неприязнь к США. Эта традиция восходит к временам, предшествовавшим революции на многие годы. Горький, который по причинам личного характера получил в Америке весьма холодный прием, красноречиво писал о "желтом дьяволе", управляющем Америкой. После 1945 г. советская пропаганда долго описывала Америку как самую большую опасность. Верно, что существовала также проамериканская тенденция восхищения и даже преувеличения ожиданий от Америки как на народном, так и на интеллигентском уровнях, однако правой все это было чуждо. В ее глазах Америка — материалистическое общество, лишенное идеалов и ценностей, искусственная, сборная нация, которая рано или поздно распадется, отчасти из-за своего капиталистического характера, а также из-за чрезмерного эгалитаризма и отсутствия элиты. Это бесплодная страна, которая никогда не могла создать собственной культуры.

Подобные высказывания многие годы слышались в Западной Европе; среди этих критиков был и Адольф Гитлер, сказавший, что "в одной симфонии Бетховена больше культуры, чем во всей американской истории". Америка не рассматривается правыми в качестве подходящего партнера во внешней политике России. Америка — главный враг, хотя между двумя странами нет разногласий ни относительно территорий, ни в области хозяйственной конкуренции, ни по части имперских амбиций. Но, согласно русской правоте, Америка систематически и небезуспешно пытается превратить Россию в своего сателлита⁵⁰.

Не очень-то любят правые Китай и Японию. Есть некоторое уважение к коммунистическому Китаю, который управляется со своими экономическими проблемами несколько лучше, чем Россия, и который успешно подавил либералов у себя дома. Но Китай — это также и "желтая

опасность", которая всегда угрожала России в Азии, это более чем миллиардная орда, угрожающая распространиться на всю Сибирь. Японией восхищаются за ее национальную спаянность и экономические достижения, но различия культур столь велики, что это препятствует подлинному сближению (не говоря уже о территориальных спорах). В противоположность либералам, правые отчаянно сопротивляются уступке какой-либо части русской территории, даже если она стала частью советской империи после 1945 г., как Курилы⁵¹.

Некоторые правые верят, что существуют хорошие перспективы стратегического союза с растущей мусульманской империей, даже если она будет вдохновляться идеями исламского фундаментализма. Однако мир ислама далек от единения, и многие правые опасаются, что исламские амбиции вскоре придут в столкновение с законными интересами России в Азии, а то и в Европе. В ходе войны в Персидском заливе русская правая единодушно поддерживала Ирак и осуждала свое правительство за то, что оно не отстранилось от американской и западной агрессии⁵². До начала войны крайне правые предсказывали, что Америка потерпит полное поражение. После разгрома Саддама Хусейна они говорили, что преимущество Америки было настолько огромным, что было позором для Запада вступать в столь неравную битву.

Некоторые правые авторы доказывают, что хорошие отношения с мусульманским миром помогут Москве сдержать сепаратистские движения в советских мусульманских республиках. Другие, наоборот, выражали опасения относительно исламизации России, если среднеазиатские республики останутся частью Союза⁵³. Эти дебаты прекратились в 1991 г. после отделения среднеазиатских республик. В 1990-1991 гг. в националистических журналах печатались восторженные статьи о политической преемственности в этих республиках, но годом позже и они прекратились.

Во время кризиса в Персидском заливе среди правых не было полного согласия относительно того, какую политику считать правильной. Все соглашались, что

косвенная поддержка, якобы предоставленная американцам Горбачевым и Шеварднадзе, позорна. Но если Кожин отставил ориентацию на третий мир (согласно последним трудам Ленина), то Шафаревич предпочел российскую доктрину Монро и политику изоляционизма на то время, пока страна не справится с внутренним спадом⁵⁴.

Крайне правая противилась восстановлению дипломатических отношений с Израилем. Она возродила давно бездействовавшее Российское Палестинское общество сохранявшееся со времен царизма (когда оно занималось религиозной и научно-археологической деятельностью). Однако эта инициатива и другие, подобные ей, имели весьма ограниченное значение. Широкая публика вряд ли знала о них. В целом действия правых носили оборонительный характер и ограничивались отрицательным подходом; дело сводилось к обвинениям Горбачева и в особенности Шеварднадзе в оптовой сдаче российских позиций, территориальных и военных, и, как следствие, — в роковом ослаблении положения России как великой державы.

Остается рассмотреть концепции евразийства (к ним мы вернемся позднее) и идею "континентального альянса". Евразийство было и остается туманной идеей, как в культурном, так и в политическом смысле. Соловьев спрашивал своих друзей, когда они обращались к Востоку, желают ли они Востока Христа или Ксеркса. Нынешние евразийцы не желают ни Христа, ни Ксеркса, ни Хомейни, ни Каддафи; они желают чего-то такого, чего не существует, и потому не представляет собой реальной альтернативы.

В этом контексте следует хотя бы вкратце упомянуть о теориях Льва Гумилева. Сын Анны Ахматовой и поэта Николая Гумилева, он развил некоторые оригинальные концепции об этногенезе в целом и происхождении России, в частности. Этнос, по Гумилеву, носит биологический характер, основанный на пассионарности — инстинкте или движущей силе. Гумилев вплотную подошел к идеям расовой сегрегации⁵⁵.

Его идеи привлекали правых, поскольку в какой-то мере совпадали со славянофильством, усматривавшим различия между русским этносом и Европой; кроме того, Гумилев проповедывал что-то вроде евразийства. Некоторые его труды не могли быть опубликованы до 1987 г., а в условиях гласности правые авторы, такие как Д. Балашов⁵⁶, стали широко популяризировать их. Но Гумилев подвергался нападкам со стороны правых за то, что он всегда подчеркивал близость, союз между Россией, татарами, монголами и Золотой Ордой. Он считал, что связи между Россией и ее восточными соседями были намного теснее и сердечнее, чем принято полагать. Такие идеи неизбежно оскорбляли тех, кто дорожит чистотой русского этноса⁵⁷.

Более многочисленные "континенталисты" стоят за европейский союз, основанный на оси Берлин — Москва в качестве противовеса США и их могучей силы. Вкратце доводы в пользу "Рапалло наоборот" (имеется в виду никогда не осуществленный договор 1922 г. между Россией и Германией) можно изложить следующим образом. Немцы и русские были традиционно добрыми соседями и близкими партнерами, во многих отношениях дополнявшими друг друга. Верно, что время от времени они воевали друг с другом (1914, 1941 гг.), но это было результатом западных (и жидо-масонских) интриг и в итоге страдали оба великих народа. В 1922 г. Германия была слабейшей стороной в союзе, сегодня в плохом состоянии Россия⁵⁸. Но в истории народов бывают подъемы и спады. Рано или поздно Россия оправится, и если Россия и Германия объединят свои силы, они будут сильнейшей стороной в Европе, а то и во всем мире. Русские правые авторы с удовлетворением отмечают антиамериканские настроения в Германии и указывают на идеологическое сходство двух стран: Россия склоняется к авторитарному правлению, и Германия также не принимает всерьез нынешний парламентаризм. Как пишет В. Осипов, Германия, в сущности, консервативная страна, которой разложение не коснулось в такой степени как остальной Европы и Америки⁵⁹.

Авторы всех этих историософских или "геополитических" фантазий — не специалисты; они мало или вовсе ничего не знают о мире и об интеллектуальной жизни за пределами России. Они рассуждают в шпенглеровском духе о странах и народах, которых никогда не видели. Отсюда вечная тяга к переоценке американской заинтересованности в Европе и к недооценке перемен, произошедших в Германии после второй мировой войны. Отсутствие глубоких знаний и способности понимать другого сочетается у них со стремлением везде видеть заговоры. Еженедельник "День" гордо оперирует термином "конспиратология" как названием новой науки, которой посвящен особый постоянный раздел этого издания.

Русские консерваторы XIX века от славянофилов до Победоносцева, как правило, отлично знали Запад. Одно из печальных последствий изоляции России после 1917 г. состоит в том, что даже ярые враги большевизма не понимают окружающего мира. Их теории чаще укоренены в мире фантазий, нежели в реалиях современности.

* * *

Наш обзор идей крайне правой в основном не касался безумных маргиналов этого лагеря. Между тем они существуют, созывают митинги, публикуют журналы, и линию, отделяющую эти круги от более respectable фигур правого лагеря, не всегда бывает легко различить невооруженным глазом. Наиболее крайние публикации вроде "Народного дела" или "Русских ведомостей" обнаруживают огромный интерес к сексуальной тематике. Они доказывают, что белая раса (в отличие от цветных) не подвержена угрозе СПИДа и что русская женщина, хотя бы однажды имевшая сношение с негром или евреем, больше не сможет родить генетически чистого русского ребенка: она будет лишь матерью еврейского или негритянского ребенка⁶⁰. Нечего и говорить, что в подобной периодике широко публикуются Розенберг, Геббельс и Муссолини.

Оккультные источники идеологии крайне правой

Истоки мышления современной русской правой можно проследить как восходящие к славянофилам и Достоевскому, к православной религии и (в какой-то степени) к неоязычеству. Но есть еще один источник, нередко упускаемый из виду, но не менее важный, чем перечисленные выше. Речь идет об эзотерической традиции, оккультных науках, в особенности астрологии, и других аспектах иррационального, неаналитического мышления, почерпнутого из древнеиндийских источников, Нострадамуса, спиритуализма, парапсихологии и прочей литературы такого рода. Обзор книг, опубликованных в 1988-1992 гг., показывает, что по количеству названий и по тиражу подобные книги и альманахи значительно превосходят "Историю России" Карамзина и другие ключевые работы по русской национальной традиции и равняются, а то и превосходят Библию и другие религиозные издания⁶¹.

И на Западе и на Востоке это явление обычно обходят стороной. Но Юнг однажды отметил, что высшая точка распространения астрологии — не средние века, а наше время, и что астрология "стучится в двери университетов". Фриц Саксль, историк искусства, отмечая феноменальное увлечение астрологией, объяснял его отчасти как возвращение к язычеству, типичное для периодов великих потрясений. Он пришел к выводу, что ни один исторический период не может быть понят полностью без тщательного изучения присущих ему ненаучных течений⁶².

Академическая мысль отразила астрологию со времени революции в науке, происшедшей в XVII веке. Но в Англии, а позднее в Америке, она никогда не умирала полностью. В конце XIX века возрождение оккультизма наблюдалось во Франции; в Германии это происходило до и после первой мировой войны, а в России это наблюдалось в течение долгого времени. Некоторые ключевые фигуры оккультизма были русского происхождения — Блаватская (1831-1891 гг.), Гурджиев, Успенский, — но

все они большую часть жизни провели за пределами России. Вера в чудесное врачевание всегда была модой в России. Хорошо известен феномен Распутина и то, как царская семья зависела от этого "святого человека". Но он лишь наиболее известный из множества видных чудесных врачевателей. Поэтому нет ничего удивительного, что это явление возродилось в России в 60-е годы, когда даже члены Политбюро обращались за советом к гадалкам и чудо-врачевателям.

Однако до недавнего времени оккультная субкультура удерживалась в стороне от официальной идеологии: "Правда" не стала бы публиковать гороскопы, как это делает в 1922 г. "Советская Россия", а "Коммунист" не открыл бы своих страниц для дискуссий о Сведенборге и Рудольфе Штейнере. Имели место некоторые научные исследования парапсихологических явлений, но это делается и на Западе.

Оккультные науки сами по себе не носят политического характера; они гораздо меньше привлекают людей, склонных к рациональному взгляду на мир; значительно сильнее их влияние на тех, кто верит, что наука не в состоянии дать ответа на подлинно важные вопросы бытия. Необычайное оживление оккультизма в современной России во многом можно объяснить реакцией на "научные" претензии бывшей официальной идеологии — марксизма-ленинизма.

Что касается русской правой, то вера в Сатану и прочие демонические силы — также часть оккультной традиции, ибо она находится за пределами учения церкви. Есть у крайне правой и другие верования; несколько типичных примеров позволят уяснить их характер и причины привлекательности. Возьмем распространенную в этой среде веру в прорицания. Половина декабрьского (1991 г.) номера "Русского воскресения", органа Русского национально-освободительного движения, была отведена под перевод из Нострдамуса, согласно которому сатанисты будут окончательно уничтожены в 1999 г. Тексты сопровождаются средневековыми изображениями животных и демонов и псевдоматематичес-

кими формулами⁶³. "Пuls Тушина", ведущая московская антисемитская газета, сообщает, что новосибирская газета "7 дней" информировала о чернобыльской катастрофе за несколько дней до действительного события⁶⁴. Правда, такие верования свойственны не только правым — имеется публикация советского МИДа, что астрологи первыми сообщили в газетах и по телевидению о возможности переворота в 1991-1992 гг. но эти сообщения отменили как сеющие панику⁶⁵. Однако периодика крайне правой опередила всех. Так, летом 1991 г. и "Истоки" и "Воскресение" опубликовали статьи о таинственных смертях видных русских антисемитов. Статья в "Истоках" называлась "Как они нас убивают", в "Воскресении" — "Загадка смерти еще не раскрыта". Вероятно, обе статьи написал один и тот же автор: одна подписана "Астролог", другая — Шариков-Ризеншнауцер, астролог⁶⁶.

В статьях говорится о самоубийстве Смирнова-Осташвили, лидера "Памяти", и о гибели в дорожной катастрофе Евсеева — видного ее идеолога. Вкратце доводы автора (авторов?) таковы: цифры 7 и 8 считаются благоприятными среди тех, кто занимается черной магией. "Литературная газета" опубликовала 7 февраля 1990 г. статью, в которой Осташвили обвинялся в различных неблагоприятных поступках. Катастрофа с Евсеевым произошла 10 февраля, а умер он 15 (7 + 8) февраля 1990 г. Дорожная милиция обнаружила его раненым на 78-ом (!) километре московской кольцевой дороги. Ранее в тот же день прокурор открыл против него дело по статье 74 (возбуждение расовой ненависти; опять семерка), которое было прекращено, ибо "ритуальное убийство уже свершилось". Согласно астрологу, Евсеев был или загипнотизирован теми, кто занимается черной магией, или загнан в ловушку кем-то, кого он считал старым другом, или был погублен врачом, который, пытаясь спасти его, перерезал ему гортань ("чтобы он не мог говорить").

Есть еще более верное свидетельство. Убийство было совершено в 11 часов вечера, т.е. согласно древней восточной традиции, в "час собаки"; на последней фотог-

рафии Осташвили часы показывают 10; десятый знак Зодиака — Козерог, который по астрологической традиции присущ тем, кто тайно властвует над страной, обычно масонам-педерастам ("все масоны в Советском Союзе — педерасты"), ибо их идол — маленький дьявол в облике козла по имени Вафомет⁶⁷. Автор (авторы?) рассматривает возможность того, что эти гнусные деяния могли быть связаны с кампанией, развязанной в то время против КГБ, но далее отказывается от этой версии; идея простого ритуального убийства представляется ему более вероятной.

"Час собаки" — также след в решении загадки; когда убивали Распутина и Николая II, то избавились и от их собак, а "Огонек", ведущий либеральный журнал тех дней, незадолго до гибели Евсеева назвал его и его последователей "детьми Шарикова"⁶⁸. Дальнейшие улики также дают знаки Зодиака: Дева обозначает Германию, Лев — Японию, Рыбы — различные островные народы, включая евреев. То же относится и к различным частям тела. Телец обозначает лицо и шею, Близнецы — бедра, Водолей — гортань. Поскольку доктора, проводившие посмертное вскрытие тела Евсеева, перерезали ему гортань, все части сатанинской загадки складываются в ясную картину. Очевидно, куда ведут кровавые следы убийства двух патриотов — Евсеева и Осташвили.

Таков пример образа мышления и доводов, которые используют астрологи крайне правой. Возникает искушение видеть в этом бреду искусную мистификацию: астролог, выбирающий псевдоним Ризеншнауцер-Шариков, вряд ли ожидает, что к его доводам отнесутся серьезно. Однако чувство юмора не относится к характерным чертам крайне правой, и меньше всего — в России.

Среди русской правой нет единого мнения в отношении того, как воспринимать различные школы оккультизма. Можно полагать, что наиболее привлекательной для них может быть Блаватская: она русская по происхождению и одно время добровольно служила русской политической полиции. В ее работах множество отсылок к индийской мудрости, свастике и арийской расе. Ее работы

и прежде всего "Секретная доктрина" (1888 г.) широко публиковались в России в годы гласности⁶⁹. Однако правые держатся в стороне от Блаватской, отчасти потому, что она предлагает синкретическую религию, противоречащую учению православной церкви. Еще меньше симпатии вызывает у них школа теософии Рудольфа Штейнера, в основном явно из-за еврейского происхождения основателя школы; столь же решительно отвергаются розенкрейцеры и Сведенборг, шведский инженер XVIII века, который был пионером примата сверхчувственного восприятия. И здесь напрашиваются интересные параллели с оккультными источниками национал-социализма. Ариософисты Германии и Австрии заимствовали из широкого спектра оккультных теорий и практик то, что наилучшим образом соответствовало их политическим устремлениям, отбрасывая или игнорируя все прочее⁷⁰. Гиммлер и другие вожди нацизма находились под влиянием ариософистов, но позднее это влияние ослабело; Гитлер же, наоборот, презирал правых сектантов, которых он считал людьми с заскоками, не привлекающими массы, а, наоборот, мешающими единению германской правой своими бесконечными внутренними склоками. В какой-то мере перед Гитлером и русской крайней правой стоят те же дилеммы. У обоих мировоззрение иррационально, утопично, отличается антизападным и антимодернистским уклоном. Но Гитлер был достаточным реалистом, чтобы понимать: сильная Германия может существовать, лишь опираясь на сильную армию, которая, в свою очередь, опирается на крупную и эффективную промышленность, а не на какие-то оккультные фантазии. Среди русской правой государственники и национал-большевики понимают это, но для других групп принять это оказывается все труднее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ныне восхваления Столыпина содержатся, например, в статье "Пророк", "Воля России", № 2, Екатеринбург, 1991, и в отчете о столыпинских чтениях в Санкт-Петербурге ("Наше время", №6, 1991).

2 "Просвещенный патриотизм...", Москва, 5/1991, стр. 9

3 Уничтожающую оценку личности и умственных способностей Николая II содержат дневники М. Меньшикова, крайне консервативного автора того времени. Соответствующая запись была сделана в апреле 1918 г. после ложного известия об убийстве царя. Меньшиков полагал, что почти каждый человек, обладавший хоть малой дозой здравого смысла и пользующийся уважением, мог бы спасти страну ("Русский вестник", 20/1991).

4 Какое-то время правые круги требовали, чтобы этот дом был провозглашен национальной святыней, и яростно нападали на Бориса Ельцина за то, что он, в бытность свою партийным секретарем в Екатеринбурге (Свердловске), следуя указанию Брежнева, приказал снести дом ("Русское знамя", №1, 1991). "Русское знамя" в 1906 г. было центральным органом черносотенцев, и новый журнал считает себя его законным наследником.

5 Согласно одной из последних теорий, которая может быть столь же вероятной (или невероятной), как и предшествовавшие, настоящее имя Юровского было Станислав Уншлихт, и он был видным старым большевиком, а по происхождению — польским дворянином. Партийная кличка Уншлихта была "Юровский", и в последующие годы он был одним из руководителей ЧК ("Страна и мир", №6/1991, стр. 106-129).

6 М. Бернштам (Стенфорд, Калифорния) в статье, перепечатанной "Молодой гвардией" (№5-6, 1992), доказывает, что красных поддерживали иностранные силы,

такие как латышские стрелки. Но справедливости ради надо отметить, что белых поддерживали западные союзники и Япония.

⁷ Л.К. Шкаренков. Агония белой эмиграции. М., 1986; А.Л. Афанасьев. Полынь в чужих полях. Минск, 1985.

⁸ Большинство русских эмигрантов не были великими князьями и не принадлежали к крайне правой. Ведущие ежедневные газеты эмиграции "Последние новости" (Париж, 1920-1940) и "Новое русское слово" (Нью-Йорк), так же, как и другие ведущие периодические издания — "Современные записки" (Париж) и "Воля России" (Прага) — находились левее центра. Их издатели и авторы не реабилитированы до сих пор. Русская правая не интересуется такими людьми как Павел Милюков, Виктор Чернов, Александр Керенский или Марк Вишняк, для них они остаются по сей день врагами и "предателями" России.

⁹ Против Власова выступает, например, генерал М. Гареев в статье "О мифах..." ("Военно-исторический журнал", №4, 1991).

¹⁰ Шабельская, актриса и русская "роковая женщина", была автором романа "Сатанисты XX века". Она была матерью офицера, который в 1992 г. в Берлине застрелил отца писателя Владимира Набокова. Крестовский был русским Эженом Сю, писавшим о петербургских трущобах; позднее он стал интересоваться еврейским преступным миром.

¹¹ Отрицательные замечания Бухарина о Есенине, часто цитируемые в этом контексте, появились лишь через два года после смерти поэта, но мнение, что Есенин был убит, живет. См. "Убийство Есенина" ("В блокнот патриота", №1/1990, Ленинград); "Московский литератор" (№1, 1992) объявил о создании комиссии "по выяснению обстоятельств смерти С.А. Есенина". Недавно было высказано предположение, что Александр Блок также был убит (от-

равлен) видными большевистскими интеллектуалами (В. Солоухин. "Литературная Россия", №4, 1992). Доказательства абсолютно нелепы.

12 В. Ходасевич. Есенин. — "Современные записки", т. 27, 1926. См. Также : Fritz Merau. Sergei Jessenin. Leipzig, 1992. SS. 66-71. Несколькими годами ранее Есенин, подобно Блоку и некоторым другим его друзьям, выступал за революционное разрушение, тогда как Горький, главный жупел правой, предостерегал против бессмысленных разрушений. Для идола русской правой Есенин имеет несколько пороков. Одному приятелю (А. Мариенгофу) он писал, что в России его ценят только молодые еврейки, а другому приятелю (В. Наседкину) он говорил осенью 1925 г., что Троцкий — идеал, самое совершенное человеческое существо.

13 Н. Бердяев. О русском национальном. — "Слово", 7 декабря 1908.

14 И. Шафаревич. В: "Политика", март 1991. Распутина цитирует А.Стреляный ("Песни западных славян". — "Литературная газета", 8 августа 1991).

15 Н.П.Федотов. Русский человек. — "Русские записки", №3, 1938.

16 В. Хлесткин. Камо грядеши. — "Общественные науки", №3, 1989.

17 В. Соловьев. Полное собрание сочинений, т. III, стр. 50.

18 Это письмо, первоначально опубликованное в "Литературной России" (№9, 1990), было перепечатано затем "Нашим современником" (№4, 1990) и другими изданиями.

19 "О тайной природе капитализма". — "Вече", Новгород, №10, 1991.

- 20 Ю. Бородай. Почему православным не годится протестантский капитализм. — "Наш современник", №10, 1990.
- 21 "Воскресенье", август 1990.
- 22 L. Alexeyeva. Soviet Dissent. Middletown, 1985.
- 23 "Наше время", №7/8, 1991. Для преодоления кризиса Лысенко предлагал создать крупное государственное кредитное учреждение для поддержки и поощрения всякого рода малых предприятий.
- 24 Сначала статьи Кургиняна печатались в "Литературной России" (№№26-28, 35, 1989); затем он начал печататься в "Дне" и в "Московской правде" ("Политическая кадриль, или Пакт с черным пуделем" — намек на "Фауста" Гете, 8 июня 1991), а также в "Москве" (№9, 1991) и во многих других журналах. См. также: "Правая альтернатива". — "Постфактум", №1/2, 1991, стр. 10-12.
- 25 "Независимая газета", 19 февраля 1991; Victor Yasman. Elite Think Tank Prepares Post-Perestroika Strategy. - "Report on the USSR". May 24, 1991.
- 26 Н.П. Горячев. В: "Отечество", декабрь 1991.
- 27 "Как нам обустроить Россию?". Париж, 1990, стр. 18.
- 28 В. Криворотов. В: "Кубань", №1, 1990, стр. 80. Речь идет о "Раковом корпусе" Солженицына.
- 29 "На позициях социализма". — "Московский литератор", 24 марта 1989.
- 30 В. Литов. С Лениным побеждать. — "Молодая гвардия", №4-5, 1990.
- 31 А. Сергеев. Энциклопедия криминальной буржуазии. — "Наш современник", №4, 1990.

- 32 А. Кузьмич. Катастрофа России: миф или реальность? — "Воскресение", №6-7, 1991.
- 33 "Открытое письмо академику Заславской". — "Московский литератор", 14 апреля 1989 г.
- 34 А. Hitler. Mein Kampf. Volktausgabe, Munchen, 1930, S. 151.
- 35 А. Barkai. Das Wirtschaftssystem des National Sozialismus. Frankfurt, 1988; W. Hock. Deutscher Antikapitalismus. Frankfurt, 1960.
- 36 "День", 10 января 1992 г. На термин "новая правая" претендуют также некоторые социал-христианские диссиденты 60-х годов, например, Е. Вагин ("Наш современник", № 4, 1992). В контексте настоящей работы имеется в виду группа публицистов, рупором которой является прежде всего "День".
- 37 Проханов в "Век XX и мир", № 11, 1991, стр. 23.
- 38 Для ознакомления со взглядами "новой правой" следует просмотреть работы Бенуа, а также периодические издания и другие публикации издательства "Коперник". Хорошие резюме и отличные библиографии содержат работы: Gress, Jaschke, Schonke. "Neue Rechte und Rechtsextremismus in Europa. Opladen, 1990; Wolfgang Kowalsky. Kulturrevolution. Opladen, 1991.
- 39 Согласно Дугину, этот термин впервые применил славянофил Юрий Самарин, позднее — Достоевский и Константин Леонтьев.
- 40 Метанойя — теологическая концепция, обозначающая полное духовное покаяние в ожидании пришествия Царства Божия и спасения (Евангелие от Марка, 3:8 и 14:17; от Матфея, 1:15).
- 41 "Время работает на наших". — "Политика", сентябрь 1991. "Политика" опубликовала также длинные интервью с

Аленом Бенуа, Робертом Стойкесом и другими идеологами западной новой правой.

42 Приведем хотя бы такой пример: Дугин включает Шпенглера, Отмара Шпанна, Вернера Зомбарта и Карла Шмитта в число видных мыслителей германской консервативной революции и называет их преданными русофилами. ("Политика", сентябрь, 1991). Нет ничего столь же далекого от их подлинных убеждений.

43 Уже отмечалось увлечение Дугина Джулиусом Эволой: он цитирует его весьма обильно. Эвола (1898-1974 гг.) сначала был дадаистом, а затем видным идеологом фашизма и неофашизма, последователем Альфреда Розенберга и крайней германской правой. После свержения Муссолини он бежал в Германию, был тяжело ранен и разбит параличом при бомбардировке Вены в 1945 г., но продолжал печататься. Некоторые его антидемократические и антимодернистские работы оказали большое влияние на европейскую новую правую.

44 "День", однако, подчеркивает, что это не местное русское явление, а часть общей континентальной (европейской и азиатской) тенденции, к которой принадлежит сам "День", бельгийский журнал "Вулюар", а также новая правая (и крайне правая) в Англии, Германии, Индии и других странах ("День", 29 декабря 1991).

45 Хазары — тюркское племя, создавшее в IV веке империю в районе Черного моря и в 740 г. обращенное в иудаизм. Хазарское государство потерпело крушение в середине X века.

46 Карем Раш. Армия и культура. — "Военно-исторический журнал", №9, 1989, стр. 9.

47 Ю. Катасонов. Ядерный щит и национальная идея. — "Наш современник", №10, 1991, стр. 156.

48 И. Шанин. Там же, стр. 152.

49 А.Н. Анисимов. Там же, стр. 148.

50 Д. Катасонов. "Московский литератор", 20 декабря 1990 г. К лету 1990 г. подобные идеи начали высказывать даже представители умеренной правой, например Николай Павлов ("Независимая газета", 12 июня 1992 г.).

51 Для иллюстрации антияпонской позиции русской правой см. статьи Хорина и Сергеева в "Русском вестнике" (№ 28/29, 1991).

52 Примером может быть статья: "Агрессия против Ирака продолжается". — "Положение дел", май 1991. Проиракских статей было такое множество и поддержка была столь горячей, что возникли слухи о бесплатности этой кампании. См. также "Домострой", №2, 1991; "День", №2, 1991; "Пограничник", 12 декабря 1990 г. ("Аравийская авантюра детей Арбатова").

53 Забродский ("Москва", №7, 1991). Комментарии о последующих событиях см. в: А. Мальшенко. Ислам и национал-коммунизм. — "Независимая газета", 12 марта 1992 г.

54 "Литературная Россия", №2, 1991.

55 О Льве Гумилеве и его теориях см.: Milan Hauner. What is Asia to Us? Boston, 1990, pp. 30-31. Гумилев умер в июне 1992 г.

56 "Литературная Россия", 24 февраля 1989 г.

57 См. А. Кузьмин ("Молодая гвардия", №9, 1991) и ответ Гумилева ("День", №1, 1992); см. также Л. Гумилев. Меня называют евразийцем. ("Наш современник", №1, 1991), и ожесточенные нападки Гусева ("Русский вестник", №27, 1991), который обвиняет Гумилева в фальсификации истории России и "распространении клеветы на наших предков" ("Русский вестник", №15, 1992).

58 Обсуждение этих вопросов ведется, в частности, в следующих публикациях: М. Александров ("Литературная Россия", №26, 1990); Е. Володин ("Литературная Россия", №28, 1990); Н. Тверской. Нам нужен вечный германо-русский альянс. — "Голос России", №1, 1991. Термин "ось Москва — Берлин" использовал А. Фоменко ("Литературная Россия", №34, 1990, стр. 19).

59 "Москва", №7, 1991.

60 "Народное дело", №1, 1992.

61 Приведем лишь один пример. В "Книжном обозрении", 3/1992, объявлено о выходе 25 книг, проходящих по рубрике "философия, социология, психология и религия". Десять из них посвящены оккультным наукам. Если средний тираж неоккультных книг составил 10-20 тысяч экземпляров, то для книг по астрологии и подобным ей предметам он составлял 50-100 тысяч экземпляров.

62 Fritz Saxl Lectures. L., Vol. I, p. 73.

63 "Русское воскресение", 5 (13), 1991. Нострадамус, впрочем, обсуждается и в научно-популярных журналах; см., например, "Знание — сила", №11, 1991. О России там предсказаний нет, но некоторые последователи Нострадамуса считают Россией упомянутую им страну Аквилон.

64 "Пульс Тушина", №14, 1990. Автор статьи позднее повесился. Нет нужды говорить, что "Пульс Тушина" посчитал это убийством.

65 Феликс Величко. Астрология и политика. — "Международная жизнь", ноябрь 1991, стр. 96. Автор замечает также, что в июле шансы заговорщиков были несколько выше. Справедливости ради надо заметить, что многие западные советологи, не говоря о Шеварднадзе, Яковлеве и др., также ожидали путча.

66 "Истоки", май 1991; "Воскресение", №7, 1991.

67 "Воскресение", №7, 1991.

68 Намек на повесть М. Булгакова "Собачье сердце".

69 По случаю столетнего юбилея со дня ее смерти "Наука и религия", некогда ведущий атеистический журнал, опубликовал пять статей, посвященных ее памяти (сентябрь 1991). В 1991 г. в Москве было основано новое Теософское общество.

70 N. Goodwick-Clarke. The Occult Roots of Nazism. Wellingborough, 1985, passim; G.Mosse. The Crisis of German Ideology. L., 1966, ch.2.

РУССКИЕ МЕНЬШИНСТВА В ВОСПРИЯТИИ
РУССКОГО БОЛЬШИНСТВА
(ИТОГИ ОПРОСА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
В ФЕВРАЛЕ-МАРТЕ 1992 г.)

Бурный распад советской империи, именуемый на Западе "биг бэнгом", привел, помимо всего прочего, к резкому изменению объективного и субъективного положения россиян, проживающих на территориях вчерашних союзных республик. Имевшие десятилетиями статус "большого брата" русские люди вдруг превратились в национальные меньшинства в составе независимых, суверенных государств. И мало того — сразу же оказались втянутыми в откровенно напряженные отношения с коренными народами, населяющими эти государства. Разумеется, природа постоянно возникающих сегодня межнациональных конфликтов между нерусскими и русскими в разных случаях существенно различна: подас — это продукт действия прежде всего местных национальных сил, подчас — результат политических инсинуаций сохранившей традиционный имперский менталитет Москвы. Однако независимо от того, "кто прав — кто виноват", проблема русских меньшинств — именно в данном своем определении — стала на протяжении последних лет одним из важнейших пунктов внешней политики нынешнего российского государства и одновременно одной из самых остро обсуждаемых в российском обществе проблем. Еще бы! Разве можно быть спокойным, если кровь твоих братьев по племени льется в пределах бывшего Союза едва ли не каждый день!

Как относится российское большинство, т.е. россияне, живущие "дома", на территории России, к судьбе своих соплеменников, оказавшихся в меньшинстве "за границей"? — этой проблеме было посвящено исследование Службы "Vox Populi", проведенное в фев-

рале-марте 1992 г. Это исследование было реализовано в рамках регулярных репрезентативных опросов общественного мнения, которые проводятся службой ВР в 18 экономико-географических районах Российской Федерации. Объем выборки — 2000 человек, ее поселенческая структура — 35 пунктов опроса, в том числе 18 городских и 17 сельских.

В центре внимания исследования стояла *проблема беженства* — вынужденной эмиграции русских людей из районов, где они оказались в стесненных обстоятельствах. Однако прежде чем приступить непосредственно к изложению полученных нами результатов, я хотел бы сделать одно важное методологическое пояснение. Оно касается необходимости (всякий раз когда мы беремся за интерпретацию тех или иных эмпирических данных) учитывать более *широкий контекст* существующего в обществе массового сознания и прежде всего те его фундаментальные особенности, которые, с одной стороны, уходят корнями в глубокое прошлое народного духа, а с другой — являются порождением новейшего, переживаемого момента истории.

Остановливаясь на этих общих специфических свойствах нынешнего российского общественного сознания, отечественные и зарубежные наблюдатели чаще всего говорят о том, что оно, это сознание,

— *раздирается противоречиями*, резко дифференцировано на многочисленные "сегменты", характеризующиеся различными, в том числе диаметрально противоположными позициями;

— *чрезвычайно возбуждено*, экзальтировано и потому нестабильно, склонно шарахаться из стороны в сторону;

— *переживает кризис* вчерашних официальных идеологем, авторитетов и ценностей и вместе с тем сохраняет приверженность ко многим позавчашним, *традиционным*, в том числе откровенно архаическим, моделям сознания и поведения;

— *крайне плохо ориентируется* в происходящих в обществе процессах, не имеет представления ни о главных силах, участвующих в этих процессах, ни о главных

векторах наметившихся движений, и потому чрезвычайно мифологизировано, находится в плену огромного количества заблуждений и предрассудков.

Будучи полностью согласен со всеми этими оценками я, однако, не считаю их исчерпывающими и достаточными, поскольку в приведенном перечне, на мой взгляд, отсутствует *главная характеристика* нынешнего общественного сознания россиян, без учета которой невозможно адекватно оценить получаемые в опросах эмпирические данные, в том числе касающиеся отношения русского населения к проблеме русских меньшинств в бывших союзных республиках.

Что я конкретно имею в виду? То, что это сознание *разорвано (tom)*, *расколото (split)*. В каждой точке своего существования, т.е. не только на макроуровне, в обществе в целом, в смысле несовпадения позиций различных социальных субъектов (что вполне нормально для каждого современного общества), но и (прежде всего) на микроуровне, в жизни самих отдельных субъектов, в смысле *внутренней противоречивости* их взглядов, оценок и представлений. В сущности, на развалинах бывшего Советского Союза мы имеем сейчас дело с уникальным историческим феноменом — душевным заболеванием общества в целом, некоей глобальной шизофренией, которая должна стать предметом самого тщательного изучения не только обществоведов (философов, историков, социологов, социальных психологов и политологов), но и медиков — психиатров и психопатологов.

Разумеется, миру уже давно известны случаи прямого помешательства не только отдельных личностей, но и их более или менее широких общностей. Сошлюсь хотя бы на имевший место в 1938 г. в США эпизод непродолжительного (всего на несколько часов), но подлинно массового (в два с лишним миллиона человек) безумия, связанного с радиопостановкой Орсоном Уэллесом "Войны миров" Герберта Уэллса и описанного в книге Х. Кэнтрила "Вторжение марсиан". Однако того, что происходит сегодня в бывшем СССР, таких масс людей и социальных институтов, у которых, как теперь принято говорить, "сье-

хала крыша", — такого, насколько я знаю, в мире еще никогда не наблюдалось. И понимание этого чрезвычайно важно. Ведь речь тут не о художественном преувеличении, не о броском образе, а о вполне строгом, эмпирически ежедневно фиксируемом и измеряемом факте. И относиться к нему надо со всей серьезностью, помнить о нем, держать его в уме постоянно, когда мы беремся судить о нынешнем российском обществе и особенно о такой сложной материи его существования, как межнациональные отношения.

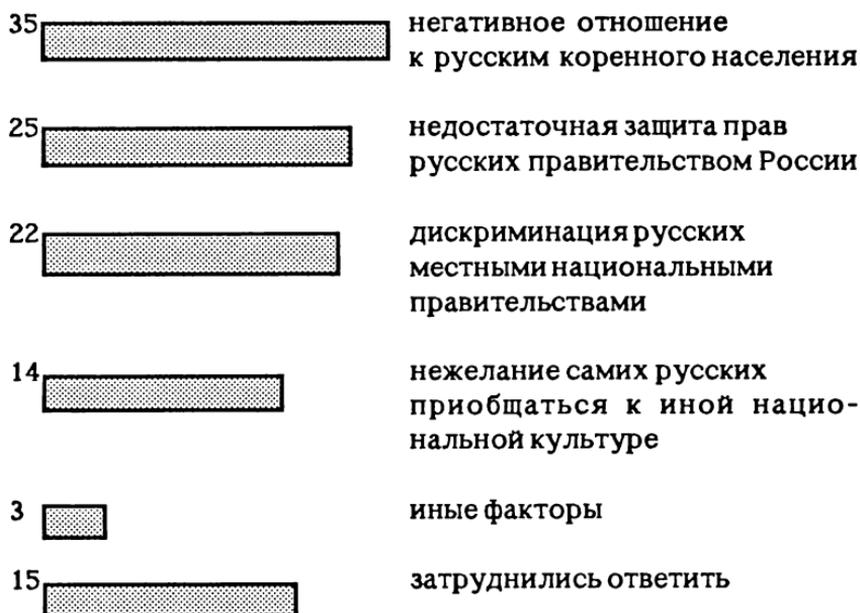
К сожалению, я не имею возможности остановиться на вопросе о природе и основных формах проявления отмеченного феномена. Однако хотелось бы, чтобы из сказанного было ясно: если социолог фиксирует в наших условиях ситуацию, когда один и тот же респондент, одна и та же совокупность респондентов высказывает два взаимно исключающих друг друга суждения, — это сплошь и рядом будет свидетельствовать не о слабости методики и техники опроса, но об объективной картине разорванного, шизофренического сознания, существующего в российском обществе—92.

Перейду теперь к конкретным результатам проведенного исследования. При этом подчеркну: опрос имел всероссийский характер, в результате чего данные, относящиеся к массиву опрошенных в целом, отражают точку зрения не *собственно русских* (их в выборке — 75,5% опрошенных), а *россиян*, к которым относятся также татары (8,7% опрошенных), народы Северного Кавказа (4,2%), буряты (2,5%), украинцы (2,2%), коми (1,8%), башкиры (0,9%) и другие. Ясно, что наряду с этими средними данными в анализе важно учитывать также позицию каждой из участвовавших в опросе этнических групп.

Начну с одного из самых главных пунктов исследования — с представлений российского населения о факторах (причинах), приводящих к возникновению (способствующих усилению) напряжений между русским меньшинством и нерусским большинством в различных (национальных) регионах бывшего СССР, включая саму

Россию, и вынуждающих — в конечном счете — русских *обращаться в бегство*, пускаться с насиженных мест куда глаза глядят.

Вот как выглядят эти представления в массовом сознании в целом (в процентах к общему числу опрошенных)* :

Как видим, основное внимание масс сосредоточено на *внешних* (по отношению к самим русским меньшинствам) факторах, прежде всего тех, что описываются в терминах *антирусской политики, антирусских настроений* коренного населения и национальных правительств соответствующих регионов. За этим отчетливо проглядывает весьма характерная для современного сознания "народов-братьев" вчерашнего СССР *черно-белая поляризация мира на "своих" и "чужих"* ("мы" и "они"), где правыми, по определению, всегда должны быть "свои", а виновными, естественно, "чужие".

---

* В данном случае каждый респондент мог дать несколько ответов, в результате чего их общая сумма превышает 100%.

В чистом виде стремление защитить "своих"^{**} присутствует в первой, третьей и четвертой позициях, особенно в свете сравнительного анализа мнений, высказываемых русскими и нерусскими респондентами. Так, к примеру, на негативное отношение к русским коренного населения ссылается 36% самих русских и только 15% респондентов, представляющих народы Северного Кавказа; на дискриминацию русских национальными правительствами — соответственно 24 и 11% тех и других. Зато когда речь заходит о нежелании русских общаться к национально-культурным традициям, обычаям и языку коренных национальностей (на территории проживания), названные группы опрошенных меняются местами: теперь данный фактор считают значимым всего только 12% русских и целых 23% северокавказских респондентов.

Гораздо более сложной представляется природа второго высказывания, связанного с критикой недостаточно жесткой политики правительства в отношении "обидчиков" русских меньшинств. Тут, кроме отмеченного момента, в скрытой форме присутствует еще и намек на принципиальную недопустимость для кого бы то ни было (и тем более для бывших "меньших братьев"!) как-либо ущемлять "великороссов". А это уже — глубоко сидящие в русском национальном сознании типично имперские замашки с их главной идеей о всемогуществе и целостности державы, ни в чем не могущей поступиться своими интересами, равно как и интересами своих соплеменников, где бы они ни жили.

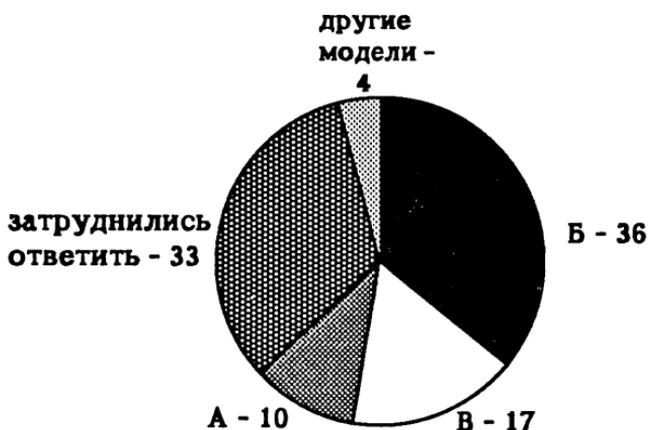
Разнообразные проявления подобного сознания в опросах общественного мнения в России фиксируются постоянно. К примеру, в конце минувшего года 71%

---

^{**} В конце прошлого года в одном из исследований службы ВР проблема "мы — они" рассматривалась как таковая. Тогда поставленные в перспективную ситуацию, в которой "наших бьют", 26% россиян заявили, что "бросятся помогать своим, не выясняя, кто прав, кто виноват", 27% — что "предпочтут переждать" и (только) 32% — что "могут стать на сторону «чужих», если выяснится, что правы они".

россиян решительно отверг мысль о возвращении Японии Курильских островов (лишь 14% опрошенных полагают, что это можно сделать, исходя из тех или иных соображений, в частности в расчете на получение от Японии серьезной экономической помощи). Уже в этом году 75% жителей Федерации высказали мнение, что "Крым необходимо вернуть России" (лишь при 7% несогласных с такой точкой зрения). И вот теперь аналогичные подходы обнаружили себя еще раз, хотя и на совсем ином материале.

При этом упомянутое высказывание о "недостаточной защите прав русских правительством России" — лишь деталь в данной системе представлений. Гораздо более показательным в этом отношении в рассматриваемом исследовании был другой вопрос, касающийся *возможных моделей поведения русских меньшинств в сложной межнациональной обстановке*. "Как показывает опыт, — говорилось в интервью, — русское население в подобных ситуациях либо (А) настаивает на национально-государственной автономии (как это случилось в Приднестровье), либо (Б) вступает в политическую борьбу за свои права (как это имеет место чаще всего), либо (В) прибегает к эмиграции (как это было в Азербайджане). Какая из этих трех моделей поведения Вам кажется самой верной?". Тут распределение ответов было следующим (в % к общему числу опрошенных):

Итак, лишь каждый шестой житель "большой России" полагает, что его соплеменникам, оказавшимся в беде, лучше всего было бы эмигрировать, перебраться "домой" или куда-то еще. Каждый третий "дрогнул" с ответом. Для большинства же (почти половины всех опрошенных) тут нет сомнений: их главный призыв — "бороться", "не уступать", "поставить «чужих» на место", в том числе "любой ценой" (10%), не останавливаясь перед откровенной конфронтацией, а стало быть, и возможными человеческими жертвами.

Очевидно, в данном случае речь идет уже не просто о поддержке "своих", но о большем — о защите интересов "державы", о сохранении ее позиций на бывшей территории СССР. И эта принципиальная смена в самом алгоритме рассуждений респондентов не может остаться незамеченной. Не может не броситься в глаза и еще один, гораздо более крутой "поворот" в менталитете россиян, стоит лишь перейти от скорее абстрактных, *отстраненных* (чисто идеологических или политических) постановок вопроса "кто виноват?" (в возникающих межнациональных напряжениях) и "что делать?" (в этих ситуациях русским меньшинствам, т.е. другим людям), к вполне *практическим* вопросам о том, как вести себя при этом *самим респондентам*, как реально — а не только "умным суждением", "добрым советом" — помочь своим соплеменникам.

Первые неожиданности в этом плане возникают уже при выяснении *обобщенного образа* в сознании россиян — тех самых представителей русских меньшинств, которые в силу сложившихся обстоятельств оставили насиженные места и превратились в "русских беженцев". На соответствующие вопросы интервью о том, что собой, по мнению опрашиваемых, представляют эти люди, почти каждый пятый ответил: это — люди "агрессивные, озлобленные обстоятельствами, озабоченные только собственными проблемами" (а не "доброжелательные, терпимые, способные, несмотря на собственное горе, прийти на выручку другим"), и практически половина — что это люди "несчастные, убитые горем,

рассчитывающие на внешнюю помощь и нуждающиеся в защите и опеке" (а не "инициативные, самостоятельные, готовые активно участвовать в жизни на новом месте").

Затем картина *несочувственного, недоброжелательного отношения* к "своим" приобретает еще более выразительные черты. При ответе на вопрос "какие из следующих трех суждений ближе всего к вашей точке зрения: (1) беженцы должны рассчитывать только на свои силы; (2) беженцы должны получить необходимую помощь для обустройства на новом месте или (3) беженцы должны быть окружены большим вниманием и заботой, нежели местное население?" мнения респондентов оказались следующими (в процентах к общему числу опрошенных):

И, наконец, ситуация окончательно проясняется, когда вопрос, как говорится, ставится в лоб: "Как бы лично вы отнеслись к размещению беженцев в вашем населенном пункте?" Теперь уже только 6% опрошенных отвечает: "приветствовал бы это", зато 10% — "выступили бы категорически против" (при 75% "не возражающих против этого" и 9% затруднившихся ответить).

Особенно резко негативно отношение к русским беженцам москвичей — в четыре с лишним раза выше, чем в среднем по массиву. Однако, как показывают результаты исследования, в России, похоже, вообще нет мест, где бы приезжих готовы были встретить как родных. У себя на "большой родине" они превращаются скорее в "чужих"...

УКРАИНСКИЙ ФАКТОР

I

Наконец, после веков колониальной анонимности Украина может оказать влияние на международные дела. Хотя для Запада украинский аспект событий находится где-то на втором плане, Украина быстро выдвигается в качестве важного и обладающего немалой мощью действующего лица — одного из тех, кто будет определять облик постсоветской Европы. Россия и президент Ельцин сыграли главную роль в подавлении августовского путча 1991 г. и разгроме КПСС. Однако именно Украина и ее президент Леонид Кравчук вызвали окончательный распад советской империи. Отказ Украины подписать горбачевский союзный договор предопределил падение СССР и возникновение нового содружества независимых государств.

После распада Советского союза Украина выдвигается как значительная в стратегическом отношении держава. Ее вооруженные силы численностью в 700 тыс. человек занимают второе место среди стран европейского континента и почти на 50% превышают германский бундесвер. Они вдвое больше вооруженных сил Англии и Франции, взятых вместе, и в 2,5 раза больше, чем американский контингент в Европе. Кроме того, Украина пока еще обладает тактическим и стратегическим ядерным оружием, хотя она согласилась отказаться от него.

Роль Украины в постсоветской политике определяется значительной численностью ее населения — 52 млн. человек. По величине территории это второе государство в Европе, простирающееся вдоль стратегически важного побережья Черного моря и отделяющее Россию от ее бывших восточноевропейских сателлитов — Польши, Венгрии, Чехо-Словакии и Румынии. Украина не

только крупный производитель сельскохозяйственной продукции, но и важный индустриальный центр, давший в 1990 г. 16% продукции национальной экономики СССР.

Со дня референдума 1 декабря 1991 г., в котором 90% населения проголосовало за независимость, Украина немедленно приступила к оформлению своего суверенитета.¹ Она создает собственную армию, готовится к введению собственной валюты, вводит украинский язык в государственных учреждениях и школах и получает дипломатическое признание от более чем ста стран. Однако возникновение нового государства не обошлось без конфликтов, самыми значительными из которых остаются конфликт с Россией по поводу обладания ядерным оружием и вокруг контроля над бывшим советским Черноморским флотом. Знаменательно, однако, что украинская государственность была достигнута без кровопролития и беспорядков.

Слабо объединенное СНГ было поспешно сколочено 8 декабря 1991 г. — прежде всего, чтобы снять озабоченность Украины. Однако Украина оказалась самым неохотым до СНГ партнером. С самого его провозглашения Кравчук проводил политику ослабления содружества. Украина неуклонно выступала против создания постоянных координационных структур СНГ и блокировала усилия сформировать его центральную бюрократию. Всякая координация, настаивал Кравчук, должна осуществляться через двусторонние и многосторонние обсуждения независимых государств. Кравчук отказался присутствовать на встрече руководителей СНГ 15 мая 1992 г.

Таким образом, главной идеей государственной деятельности Украины становится определение контуров своего суверенитета, его защиты и проверки на каждом повороте политики. Она постоянно напоминает другим новым государствам и всему остальному миру, что СНГ — не государство и не субъект международного права. Так, в ходе февральской встречи руководителей СНГ в Киеве (1992 г.) Кравчук не отклонил лишь 4 из 18 предло-

женных для подписания договоров и соглашений. Украинский президент высказывался откровенно: "Я бы хотел, чтобы в истории однажды записали, что Кравчук был одним из тех, кто много сделал для распада империи, и что Украина сыграла огромную роль в этом".

II

Политика Украины уже привела к распаду второго в мире по мощи военного истеблишмента. Кравчук одержал победу, доказывая, что объединенные силы СНГ угрожают суверенитету Украины. Его позиция завоевала поддержку Молдовы, Азербайджана, Беларуси и Узбекистана: каждое из этих государств ныне формирует собственную армию. Настойчивость Украины заставила также и Россию создать собственные вооруженные силы. Таким образом, молодое украинское государство способствовало определению военной структуры постсоветского мира.²

Вопросы формирования армии и ее лояльности занимают центральное место в любых оценках ситуации в новом украинском государстве и в оценках перспективы его выживания. Еще до основания СНГ были предприняты первые шаги по созданию украинских вооруженных сил: 6 декабря 1991 г. украинский парламент принял законы о формировании вооруженных сил и национальной обороне. Затем 12 декабря, лишь через четыре дня после исторической встречи в Минске, где было основано Содружество, Кравчук объявил себя Главнокомандующим всех нестратегических военных формирований на территории Украины. С 3 января 1992 г. Украина приступила к формированию собственной армии.

Поскольку шаги по установлению суверенитета Украины над вооруженными силами, расположенными на ее территории, были предприняты быстро, представляется, что лояльность армии укрепляется. Главным инструментом была присяга, принять которую было вменено в обязанность всем военнослужащим, размещенным на Украине, включая военнослужащих нестратегических подразделений Черноморского флота, базирующихся на украинской территории.

Вначале в Прикарпатском, Киевском и Одесском военных округах пытались воспрепятствовать принесению присяги, однако русские высшие офицеры, виновные в этом, были уволены и заменены этническими русскими — уроженцами Украины. Более 40 тыс. солдат, отказавшихся приносить присягу, были переведены в другие республики. После этого процесс принесения присяги, за исключением Черноморского флота, не встретил серьезных затруднений и был проведен в широких масштабах. За первые две недели января присягу принесли 250 тысяч военнослужащих, а в середине марта Украина выдвинула то же требование в отношении подразделений стратегических сил СНГ. К началу апреля присягу принесли 483 тыс. солдат и офицеров.

Лояльность военных является отчасти следствием растущей доли граждан самой Украины в рядах армии. В начале 1992 г. более 55% солдат, размещавшихся на украинской территории, были местными уроженцами. Этот показатель с тех пор увеличился в результате обмена национальным военным персоналом с другими республиками. В призыве, проведенном на Украине в апреле-июне, который, как предполагают, даст еще 100 тыс. призывников, процент украинцев будет еще выше.

В марте Кравчук объявил, что все украинские военнослужащие больше не будут служить в "горячих точках" бывшего СССР; все украинские граждане должны вернуться на родину для завершения своей срочной службы. По сообщению "Известий", десятки тысяч офицеров и призывников подали заявления о возвращении. Кравчук утверждает, что он готов принять все 400 тыс. украинских граждан, проходящих военную службу за пределами республики.

Министерство обороны Украины, вероятно, — самая революционная часть аппарата нового государства. В отличие от других министерств, оно полностью новое. Поэтому оно не унаследовало бессмысленных структур прежней номенклатуры и множества старослужащих аппаратчиков, заполняющих другие государственные учреждения.

Министерство обороны начало работать в октябре 1991 г., когда многие смотрели на перспективы украинской армии как на безнадежную глупость. Константин Морозов, 48-летний генерал-полковник советских ВВС, ушел в отставку из армии, чтобы стать министром обороны. Будучи сам русско-украинского происхождения, Морозов быстро приступил к украинизации армии. Он собрал вокруг себя группу военных специалистов и советников, многие из которых принадлежали к демократическому национальному движению "Рух" и радикальному Союзу украинских офицеров. Офицерский союз, созданный в 1990 г., ныне с гордостью заявляет, что в его рядах состоят 70 тыс. активных членов и офицеров запаса. Именно поэтому он смог предложить Морозову серьезную техническую помощь и стать важнейшим неформальным инструментом в обеспечении лояльности армии по отношению к новому государству.

Обеспечение лояльности армии, формулирование новых задач, оценка возможных опасностей, подготовка к конверсии и значительной демобилизации — все это может стать серьезным испытанием для любого военного истеблишмента. В особенности это относится к военной администрации, не знающей в точности, сколько войск расположено на ее территории. Наиболее надежная оценка численности украинской армии — 700 тыс. человек — не включает пограничных войск и вновь созданной национальной гвардии; министерство обороны еще не завершило штатную перепись и инвентаризацию материальной части. Однако военные чиновники СНГ подозревают, что Украина обладает наиболее передовым вооружением и военной техникой из имевшихся в советском арсенале.³

В Киеве объявлено о намерении в ближайшие пять лет сократить украинские вооруженные силы до 200-300 тыс. человек. Это будет соответствовать уровню, принятому большинством европейских государств. Украинские ответственные лица отмечают, что эти сокращения будут компенсироваться повышением технического уровня военных систем; в итоге возникнет армия, огневая мощь которой не будет уступать достигнутой при нынешней ее численности.

Из всех аспектов украинской политики наибольшее внимание привлекает позиция Украины в области ядерного вооружения. С конца мая на украинской территории оставалось 176 межконтинентальных баллистических ракет с 1600 ядерными боеголовками. В начале мая на встрече в Вашингтоне президенты Кравчук и Буш договорились, что к концу десятилетия Украина освободится от ядерного оружия. Похоже, однако, что это соглашение дало Украине возможность отступить от данных ранее обещаний: убрать все стратегическое ядерное оружие со своей территории уже к концу 1994 г. В Киеве было также объявлено, что к июлю 1992 г. будут убраны все 4 тыс. тактических ядерных боеголовок, и это обещание уже выполнено (за исключением боеголовок, состоящих на вооружении Черноморского флота).

В апреле 1992 г. парламент вновь подтвердил намерение Украины стать нейтральным безъядерным государством. Однако процесс избавления от ядерного оружия начинался много раз и много раз наткнулся на препятствия. Украина настаивала на том, что ее вновь обретенный суверенитет должен быть применен и в области контроля над всеми видами ядерного оружия (стратегического и тактического), расположенного на ее земле. И хотя контроль над ядерными боеголовками остается за командованием СНГ, собственный контроль Украины над некоторыми системами доставки оружия обеспечивает его нейтрализацию.

В середине марта, после того, как более половины наличных тактических ядерных боеголовок было убрано с территории Украины, республика вызвала беспокойство в международных кругах, объявив, что она приостанавливает дальнейший перевод оружия в Россию. Это было вызвано тем, что, по мнению украинских руководителей, контроль над своевременным уничтожением боеголовок осуществлялся неадекватно. На решение о приостановке повлияли также угрожающие высказывания руководителей России относительно пересмотра границ и напряженность в отношениях с Россией из-за прав на Черноморский флот.

После того как Украина получила удовлетворившие ее заверения и гарантии со стороны России в том, что тактические боеголовки действительно уничтожаются, Киев возобновил вывоз боеголовок "для их уничтожения под международным контролем". Однако тревога Украины по поводу намерений России не исчезла, и это может отразиться на процессе избавления от ядерного оружия. В конце апреля президент Кравчук продемонстрировал глубину озабоченности Украины, объявив о намерении республики добиваться от Запада гарантий безопасности в обмен на избавление от ядерного оружия.

На обочинах украинского политического истеблишмента усиливаются настроения в пользу сохранения ядерного оружия. Хотя в парламенте и среди основных политических группировок господствует согласие относительно продолжения процесса избавления от ядерного оружия, любое обострение напряженности в русско-украинских отношениях может привести к коренным изменениям в настроениях.

III

Темпы экономических реформ не идут ни в какое сравнение с темпами военных реформ; в области экономических преобразований Украина постоянно отстает от России. Однако даже сторонники реформ в украинском руководстве, подобные вице-премьеру Владимиру Лановому, отмечают, что, по всей видимости, более медленные темпы на Украине неизбежны; "Украина... не готова к самостоятельному проведению реформ, так как она не полностью контролирует свою экономику,... которая является частью экономики другого государства и по-прежнему регулируется в основном из Москвы".⁴

Украина была жизненно важным сельскохозяйственным и промышленным районом бывшего Советского Союза. Здесь производилась четверть мясопродуктов, 21% молочных продуктов, 80% макаронных изделий, 55% растительного масла, 46% овощных консервов и 30% муки, проходивших по межреспубликанскому торговому обмену. На

Украине добывались 23% советского угля, производилось 35% черных металлов, 41% проката, почти половина железной руды, 22% кирпича, 33% телевизоров, 25% электронной вычислительной техники, 22% тракторов, 32% комбайнов, 56% товарных вагонов.

Поэтому непреодолимой проблемой остается переплетение экономики Украины с хозяйствами других бывших советских республик, в особенности России. Украинские руководители считают, что новое государство не сможет обрести контроля над своей экономикой и провести реформы ценообразования, пока Москва сохраняет власть над эмиссией рубля. Поэтому Киев разрешил обращение "купонов" в качестве неофициальной валюты, что дало Украине некоторую хозяйственную самостоятельность. Вероятно, во второй половине 1992 г. Украина введет собственную валюту — гривну, предполагая сделать ее обратной в начале 1993 г.

Парламент принял подавляющим большинством голосов доклад Думы (группы советников президента) от 24 марта, в котором критикуется тот факт, что политика в области финансов, цен и денежного обращения по-прежнему направляется "издалека". Для Украины, отмечается в докладе, остается невозможным принятие серьезных независимых решений в области хозяйства. Чтобы избежать вовлечения Украины в единый экономический комплекс, где будет доминировать Россия, в докладе рекомендуется постепенно сокращать импорт из стран зоны рубля, переориентировать экспорт на новые рынки, ввести налоги и сборы "со всех иностранных предприятий, использующих украинскую транспортную инфраструктуру", а также учредить контроль "над таможенными тарифами и иностранной экономической деятельностью по периметру украинской государственной границы".

Экономические реформы на Украине, вероятно, будут набирать темпы, так как президент Кравчук и большинство украинских руководителей благожелательно относятся к коренным экономическим преобразованиям. Однако по поводу деталей есть разногласия. Владимир Черняк, экономист из "Руха", говорит: "Ни на Украине, ни в России

невозможно следовать классическим схемам Международного валютного фонда. Краеугольным камнем реформы не может быть освобождение цен от контроля". И президент Кравчук также подчеркивает, что Украина не может выжить в условиях радикальной шоковой терапии, испробованной в Польше. "Мы должны учиться на опыте других восточноевропейских стран, — говорит он, — но Украине следует избрать собственный путь".

Хотя украинские руководители критикуют курс, принятый Россией, они все же идут своим собственным путем радикальной экономической перестройки. Они уверены, что любая реформа цен должна сопровождаться приватизацией, и парламент провел радикальные законы, готовящие почву для частной инициативы, предложив приватизировать торговлю и мелкие предприятия. Совместные предприятия получили право в течение пяти лет беспошлинно вывозить долю прибыли, принадлежащую зарубежному партнеру; иностранная часть капитала новых совместных предприятий будет освобождена от налога в первые три года после начала поступления прибыли. Новые законы разрешают местным органам власти приватизировать жилой фонд и землю. Однако многие демократы полагают, что премьер-министр Витольд Фокин, бывший председатель республиканского Госплана, будет препятствовать проведению этих реформ.

Назревает и реформа в сельском хозяйстве. В ходе выборов на пост президента руководители колхозов и совхозов оказали большую поддержку Кравчуку. Похоже, однако, что теперь он объявляет войну этим окопавшимся интересантам. "Мы не можем больше терпеть такого положения, когда огромный (аграрно-промышленный) аппарат, исчерпавший свою полезность, сохраняется в своих примитивных формах", — говорит он. Кравчук также назначил нового министра сельского хозяйства, имеющего тесные связи с демократическим блоком в парламенте.

Достигнут прогресс в вопросе о долгах СССР в твердой валюте. До марта 1992 г. Украина сопротивлялась попыткам установить коллективную ответственность за обязательства СССР. Украинские руководители рассматривали

проблему долга как проблему суверенитета: принятие части ответственности считалось посягательством на суверенитет. Украина, говорили они, должна отвечать только за украинскую часть долга. Однако эти возражения были сняты, и Украина согласилась дать гарантии на 21,13% долгов бывшего СССР, составляющих 82 млрд. долларов. Россия и другие республики будут отвечать за оставшуюся часть долгов.

Другая крупная экономическая проблема — энергоресурсы; она наверняка не будет давать покоя украинским руководителям еще долгие годы, осложняя проблему суверенитета страны. Украина удовлетворяет 42% своих энергетических потребностей за счет импорта, главным образом из России. Республике требуется ежегодно 60 млн. тонн нефти и 115 млрд. кубометров природного газа. За счет внутренних ресурсов она удовлетворяет эти потребности лишь на 8% и 20% соответственно. Чтобы уменьшить зависимость от импорта и подготовить введение Россией более высоких цен на энергоносители, Украина планирует сократить потребление электроэнергии на 20% — с 270 млрд. квт./часов в 1990 г. до 220 млрд. квт./часов в 1992 г.

Несмотря на меры экономии, зависимость Украины от России в удовлетворении большей части ее потребностей в нефти и природном газе остается весьма ощутимой. Поэтому украинские руководители стремятся разнообразить источники снабжения. Одним из них может стать Ближний Восток. Украина уже вступила в соглашения с Ираном и Азербайджаном о строительстве новых трубопроводов для поставки нефти и природного газа в Европу. Иран, в свою очередь, обеспечит поставки примерно 20% нужного Украине природного газа и 10% нефти.

IV

Центральную роль в вопросе об украинской государственности и в деле формирования Украины как государства играет президент Кравчук. Однако сам он остается личностью загадочной и необычной.

В отличие от президента России Ельцина, сразу же оказавшегося во главе сильного движения сопротивления августовскому путчу, Кравчук в первые часы событий вел себя крайне сдержанно, ограничиваясь призывами к трудящимся Украины не нарушать нормального ритма работы. Только когда путчисты начали отступать, Кравчук объяснил свою странную уклончивость и осторожность чувством ответственности. Сохраняя спокойствие на Украине, объяснял он, ему удалось оградить республику от конфликта, истоки которого находились в Москве.

Будучи в прошлом руководителем украинской компартии в области идеологии и секретарем партии по идеологии в 1989-1990 гг., Кравчук превратился в горячего защитника украинской государственности. За несколько месяцев до декабрьского референдума и президентских выборов Кравчук был обвинен в игре на усиливающихся националистических настроениях с целью добиться поста президента. Наблюдатели полагали, что, добившись власти, Кравчук быстро создаст какое-то подобие союза с другими республиками. В действительности он повел себя совершенно по-другому. После поражения августовского путча Кравчук ведет последовательную линию на обеспечение независимости Украины.

Многие приписывают политическое преобразование Кравчука оппортунизму. Другие отмечают, что он родился в православной крестьянской семье на Вольни (Западная Украина) — традиционном центре украинского национального сознания. Полагают также, что Кравчуку пришлось по вкусу бразды правления, церемониал высокого поста и власть, основанная на законной поддержке масс.⁵ Однако каковы бы ни были его мотивы, Кравчук без колебаний пошел по пути украинской государственности.

В области политических реформ новый украинский президент — образец противоречивого поведения. Дав свободу украинским средствам информации и покончив с контролем и вмешательством в их работу со стороны аппаратчиков старой системы безопасности, Кравчук все же обнаруживает склонность доверять тем, кто ранее работал в партийном аппарате. По существу, все назначенные им

министры и советники, даже принадлежащие к демократическому лагерю, — бывшие коммунисты. После того как в марте парламент предоставил Кравчуку широкие полномочия по преобразованию местных органов власти, три четверти назначенных им представителей президента на местах оказались бывшими аппаратчиками; среди них немало бывших секретарей областных и районных парт-организаций.

Демократические деятели указывают, что такая практика замедлила темпы перемен и поставила в трудное положение многие местные органы управления, ныне находящиеся в руках избранных в них демократов.

V

Украинская политическая жизнь характеризуется возникновением множества малых партий. Однако демократические силы группируются вокруг двух основных лагерей "Руха" и "Новой Украины".

"Рух" ("Движение") создан в 1989 г. ; он пользуется особенно сильной поддержкой на Западной Украине и в городских центрах, таких как Киев и Харьков. Считается, что в "Рухе" 700 тыс. членов; миллионы его сторонников участвуют в массовых акциях в поддержку украинской государственности. Возглавляемый бывшим политзаключенным Вячеславом Чорновилом (соперником Кравчука на выборах президента) "Рух" делится на два крыла: большинство, поддерживающее Чорновила и играющее роль демократической оппозиции, и меньшинство, которое считает, что "Рух" должен активно поддерживать Кравчука, ибо он работает на консолидацию украинского суверенитета.

Чорновилу удастся сохранять единство обеих фракций, ведя "Рух" как конструктивную оппозицию: движение поддерживает президента в деле укрепления украинского суверенитета и критикует его, когда тот создает препятствия базисным экономическим реформам и преобразованиям в области экономики. "Мы живем в той среде, которая на низовом уровне все еще остается коммунистическим обществом", — говорит Чорновил. Он отмечает,

что местная власть, особенно в коллективизированном селе и во многих городах и поселках, по-прежнему находится в руках тех же аппаратчиков, которые скрыто поддерживали августовский путч. Ныне, когда государственность завоевана, говорит Чорновил, главная задача — построение гражданского общества и создание демократической Украины.

Позиция руководителей "Новой Украины" в основном сходна с идеями Чорновила. Однако если "Рухом" с самого начала руководят ветераны-антикоммунисты, то "Новую Украину" создали активисты "Демократической платформы" — реформистской фракции, отделившейся от компартии в середине 1990 г. Движение оказывает сильную поддержку украинской государственности, но поскольку многие его члены — этнические русские или украинцы из районов, где господствует русский язык, оно не бросается патриотическими лозунгами и не щеголяет символикой, что характерно для "Руха". "Новая Украина" предпочитает продвигать экономические реформы и укреплять гражданское общество.

В рядах "Новой Украины" состоят представители реформистских промышленных кругов, развивающихся деловых кругов и научно-технической интеллигенции. В этом движении тоже есть два крыла — сторонники свободного рынка и социал-демократы. Лидер движения Владимир Филенко верит, что наличие этих фракций не угрожает единству. "Как и в Восточной Европе, раздоры между либералами и социал-демократами не возникнут до тех пор, пока приватизация не достигнет значительных масштабов", — говорит он.

Вряд ли "Рух" или "Новая Украина" получают большинство на новых парламентских выборах. "Рух" может получить серьезную поддержку в западных и центральных районах Украины, "Новая Украина", среди лидеров которой много русскоязычных, — в восточных и южных районах. Линия раздела между движениями определяется множеством региональных различий на Украине, в особенности культурно-политическими различиями между униатским католическим Западом, где страстные нацио-

налистические настроения достигли высокого накала, и православным востоком с его значительной прослойкой русского и русскоязычного населения.

Однако в ходе своего развития украинское движение за независимость преодолевало эти барьеры. Формируя всеобъемлющую внеэтническую концепцию украинского патриотизма (определяемого как поддержка украинской государственности) и добиваясь расположения русского, еврейского, польского и венгерского национальных меньшинств на Украине, "Рух" и другие антикоммунистические движения избежали этнических разногласий в политике, которые являются бедой многих других нерусских республик. Западноукраинские националисты существенно умерили свой национализм и ратуют за украинскую государственность в прагматических хозяйственных терминах. Это позволило избежать раскола страны на враждующие лагеря. Такая позиция создала также почву для сотрудничества между двумя демократическими движениями.

VI

Если в этнических русско-украинских отношениях соблюдается спокойствие, то государственные отношения между Россией и Украиной весьма напряжены. Некоторые высокопоставленные деятели России сделали заявления, ставящие под сомнение нынешнюю границу с Украиной. Пресс-секретарь президента Ельцина Павел Воцанов заявил в декабре 1991 г., что пограничные вопросы между республиками еще не разрешены. Немедленно в Киев прибыла делегация высокого уровня, которая разрядила напряжение.

В конце января вопрос вновь был поднят Владимиром Лукиным, тогдашним председателем комиссии по иностранным делам российского парламента. В широко распространенном меморандуме Лукин, ныне посол России в США, писал, что для обеспечения безопасности Черноморского флота Россия должна поставить вопрос об украинском суверенитете над Крымом, уступленном

Украине в 1954 г. Такие действия, доказывал Лукин, помогут утихомирить раздражение русской правой и в то же время оказать давление на Украину и заставить ее отказаться от претензий на Черноморский флот.

Публикация меморандума Лукина и последовавшая за ней резолюция Верховного Совета России о расследовании обстоятельств передачи Крыма вызвали гнев украинцев. Киев ответил заявлением от 12 марта о приостановке передачи тактического ядерного оружия России.

Отношения ухудшились еще больше в апреле после самоичной поездки на Украину вице-президента России Руцкого и государственного советника Сергея Станкевича, которые вдвоем прибыли с широко распубликованным визитом на Черноморский флот в Севастополь. Здесь Руцкой, постоянно критиковавший Ельцина и мнимые уступки земель "исторической России", выступил с претензиями на флот и на Крым. В свою очередь, президент Кравчук опубликовал 6 апреля декрет о распространении на флот юрисдикции Украины. Днем позже Ельцин выступил с указом о власти России над флотом. Наконец, 8 апреля возобладало хладнокровие: оба руководителя отменили свои декреты и создали совместную комиссию двух парламентов для разрешения спора.

Однако до соглашения еще весьма далеко. Украинские претензии на большую часть Черноморского флота основываются прежде всего на нестратегических соображениях. У Украины нет ни желания, ни возможностей содержать флот численностью почти в 300 судов. Киев рассматривает спор о Черноморском флоте как защиту суверенитета Украины и подтверждения ее права на Крым. Удержание флота, часть которого может быть продана, видится также как источник отчаянно необходимой твердой валюты.

СНГ и Россия предложили Украине 20% флота; Киев требует контроля над 91% всех надводных судов и подводных лодок, находящихся на территории Украины. Однако, по-видимому, украинское руководство проявит гибкость и согласится на преодоление разногласий при

условии, что Россия подтвердит свое уважение к территориальной целостности Украины. Россия, в свою очередь, будет искать какую-то основу для соглашения, чтобы обеспечить использование Севастополя или другого украинского порта для стратегических частей СНГ.

В основном напряженность вокруг Крыма была создана спорами о Черноморском флоте, однако спор о самом Крыме, вероятно, переживет любое русско-украинское соглашение о судьбе флота. Весьма популярное Республиканское движение Крыма агитирует за независимость полуострова. Движение собрало 200 тыс. подписей в поддержку референдума о независимости Крыма. Референдум намечен на 2 августа. Весьма надежный опрос, проведенный в начале февраля, показывает, что настроения общества в Крыму крайне неоднородны: 42% высказываются в поддержку дальнейшего пребывания Крыма в составе Украины в качестве автономной республики, 15% поддерживают возвращение в состав России, 22% выступают за суверенную Крымскую республику в составе СНГ, 8% выступают за полную независимость.

Крымский парламент еще больше усилил напряженность, приняв 22 мая сомнительную Декларацию независимости, аннулированную в дальнейшем украинским парламентом. Крымские законодатели были, по-видимому, готовы отойти от своего прежнего решения, но 21 мая российский парламент, подтвердив существующие границы, еще больше запутал клубок, отменив передачу Крыма Украине, осуществленную в 1954 г., и призвав к переговорам о будущем полуострова.

VII

Украинские руководители рассматривают необдуманные или провокационные высказывания российских деятелей как образец поведения России, которое было бедствием для Украины в течение веков. Государственные отношения видятся сквозь призму исторического господства России над Украиной, и нынешние украинские лидеры

полны решимости сделать так, чтобы история не повторилась.

Кравчук и другие украинские руководители понимают, что президент России Ельцин никогда не ставил под сомнение нынешние границы Украины. Помощники Ельцина говорят, что российский президент намерен твердо соблюдать соглашение 1990 г., которое подтверждает нынешние границы. Однако украинские деятели знают о растущей яростной оппозиции Ельцину в России.

Ельцин дал ясно понять, что главным элементом демократической внешней политики, ориентированной на Запад, является отказ от империи и от применения силы. На заседании Съезда народных депутатов 7 апреля 1992 г. Ельцин заявил, что Россия "расстается с пережитками идеологизированного мышления и мессианскими идеями". Он добавил, что "работа... по укреплению международных позиций России ни в коем случае не может перейти в попытку узурпировать роль сверхдержавы". Россия, заверил Ельцин, будет проводить коренные преобразования, которые предусматривают "относительное понижение роли военной силы".

В период пребывания Ельцина у власти обещания стабильности и мира будут выполняться — однако в России существуют могущественные политические силы, объединяющиеся в борьбе против демократического курса. Вице-президент Руцкой, конституционный преемник Ельцина, все чаще выступает как рупор "Великой России", т.е. России "единой и неделимой". По сообщению одного из помощников Ельцина, среди авторов речей Руцкого числятся Александр Проханов, редактор реакционного еженедельника "День", и писатель-неофашист Юрий Бондарев. Один из главных политических советников Руцкого — Иона Андронов, бывший журналист, известный антидиссидентскими и антизападными статьями.

Неокоммунисты, подобные Сергею Бабурину, антикоммунисты, подобные христианскому демократу Владимиру Аксюцицу и конституционному демократу Михаилу Астафьеву, создали коалицию "патриотических сил". Коалиция была весьма активной в процессе голосования

в апреле 1992 г. на заседаниях российского Съезда народных депутатов и чуть не сорвала экономические реформы. Другие демократические лидеры, включая Николая Травкина (Демократическая партия России) и мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, также противятся политике Ельцина, основанной на строительстве государства на базе Российской Федерации, и поддерживают идею восстановления федеративного союза на базе СНГ.

Таким образом, многие в нынешнем российском политическом истеблишменте благожелательны к антизападным настроениям и возрождению русского "великодержавного" национализма. Понятно, что экономическое преобразование России, страны с огромной территорией и громоздким военно-промышленным комплексом, с чреватым взрывом смешанным населением из славян и азиатов, будет гораздо более мучительным, чем на Украине. Против стабильности в России работают и другие факторы. Десятки миллионов русских живут за пределами собственно России, многие из них — в мусульманских республиках Средней Азии. Давление на этнических русских может вызвать поток эмиграции из этих районов, что станет дополнительным бременем для русской экономики, уже переживающей трудности перехода к рынку.

VIII

Хотя главной заботой Украины была Россия, республика предпринимает энергичные меры по определению более широких ориентиров внешней политики, что основано на желании Украины стать полноправным членом сообщества демократических стран Европы. Украина дает ясно понять, что она стремится войти в структуры европейского сообщества. С этой целью она хочет стать четвертым участником "Вышеградского процесса", посредством которого Польша, Венгрия и Чехо-Словакия стремятся координировать свое вступление в "Европу".

Краеугольный камень украинской политики — отстаивание неизменности существующих границ. Новое государство занимает важное место в Восточной и Централь-

ной Европе, имея общую границу с Польшей, Венгрией, Словакией, Румынией, Россией, Беларусью и Молдовой, а также береговую линию Черного моря, на побережье которого расположены Турция, Болгария, Румыния, Россия и Грузия.

Наиболее тесны связи Украины с Польшей и Венгрией. Польша первой признала независимость Украины, а активисты "Солидарности" предлагали "Руху" материальную и техническую помощь. Президент Венгрии Арпад Гонч посетил Киев, и две страны подписали соглашение о военном сотрудничестве. Отношения с Чехо-Словакией также весьма сердечны.

Румыния представляется самой большой после России опасностью для границ Украины. Румынский парламент уже предъявил территориальные требования в отношении Бессарабии и северной Буковины, которые были дарованы Украине Сталиным.⁶ Украина пыталась снять напряжение, держась с стороне от румынско-молдавского конфликта по поводу славянского Приднестровья и подчеркивая, что решение конфликта — дело Молдовы. Этим Украина надеется завоевать расположение и Молдовы, и Румынии. Уважая румынскую и молдавскую границу, Украина надеется на взаимность с их стороны.

Другим важным аспектом украинской внешней политики становятся отношения со странами, где находится крупная украинская диаспора. Среди таких стран — США с 750 тыс. американцев украинского происхождения, Канада с 700 тыс. этнических украинцев и Бразилия (200 тыс. украинцев). Четверть миллиона украинцев проживают в Польше, значительные украинские общины имеются в Англии и в Австралии. За последний год потеплели отношения с Израилем, который поспешил признать новое украинское государство; потеплению содействовали торжественные церемонии в память жертв Бабьего Яра (октябрь 1991 г.), продолжавшиеся неделю.

IX

К сожалению, во внешней политике Запада Украина находится на втором плане. Между тем, растущее в России

сопротивление политике Ельцина, направленной на демократические перемены, экономические реформы и к отходу от имперского прошлого, свидетельствует против того, чтобы ставить Россию в центр постсоветской политики Запада. Конечно, необходимо сделать все возможное для поддержки Ельцина и демократических сил России; однако Украина заслуживает большего внимания как важный потенциальный фактор стабильности в Восточной Европе.

Во время встречи в мае 1992 г. президенты Кравчук и Буш подписали соглашение о предоставлении Украине статуса наибольшего благоприятствования и о гарантиях для американских фирм, инвестирующих в экономику новой республики. Поездка Кравчука в Вашингтон повысила уровень американско-украинских отношений, однако проходила поездка по рангу "рабочего визита", а не "государственного визита", как намеченная на июнь поездка Ельцина.

Возобновление перевода тактического ядерного оружия в Россию и обязательство о нераспространении этого оружия свидетельствуют о стремлении Украины завоевать благожелательное отношение демократических промышленных государств. Однако в отношении России президент Буш выступил с программой помощи со специальной задачей поддержать стабилизацию российской валюты, а для украинской валюты не предлагается ничего. Точно также квота кредитования со стороны Международного валютного фонда для России (в расчете на душу населения) почти на 60% выше, чем для Украины: помощь снижает зависимость России от импорта с Украины, но никак не помогает снизить зависимость Украины от экспорта в Россию. Сбалансированный пакет помощи мог бы помочь сделать хозяйство Украины более энергосберегающим и менее зависящим от импортного топлива. Такой пакет помощи должен быть разработан: это помогло бы обеспечить равновесие помощи и кредитов.

На Украине существует не так уж много этнических, политических и культурных раздоров — таких, какие будут, вероятно, проклятием России на многие годы вперед.

Здесь нет ничего похожего на яростные сепаратистские движения, проявившиеся в Чечне и в Татарстане. Хотя украинцы и русские, составляющие соответственно 73% и 21% населения республики — различные народы, их общие славянские корни — залог формирования стабильной этнической смеси. Кроме того, во всех областях республики (кроме Крыма) украинцы составляют большинство населения. В политике Украины доминируют прозападные движения и их лидеры. Наиболее умелые из украинских коммунистических руководителей часто переводились на работу в Москву; остававшиеся на Украине представители коммунистической элиты были менее опытными и оказались гораздо менее упорными, чем в России.

Гражданское общество складывается и в России, и на Украине. Однако в России оно все больше распадается на непримиримые лагеря, соответствующие традиционным болезненным линиям раздела, которые всегда были характерны для русской интеллектуальной жизни, — между демократами-западниками и империалистами-славянофилами. На Украине большая часть возникающих ныне структур гражданского общества имеет демократическую ориентацию. Многие из вновь создающихся языковых, экологических, культурных и профессиональных группировок и политических партий сложились в борьбе за государственность против тоталитаризма. Украинские националистические группировки экстремистского и ирредентистского типа слабы даже на более националистической Западной Украине. Опросы общественного мнения показывают, что здесь значительно меньше поддерживается идея возврата к авторитарному правлению "сильной руки" и значительно более стабильную поддержку имеет идея демократической власти.

Торжество прозападной ориентации в России весьма возможно; однако шансы на выживание демократии и прозападной ориентации на Украине значительно выше. Со временем стабильная и демократическая Украина, связанная с демократической Европой, сможет стать проводником демократических идей на Восток; ориентированная на Запад Украина с ее значительным русским населением

сможет связать Россию с Западом. Если Россия станет добычей обскурантизма и империализма, Украина будет благословенной защитой новых демократий в Восточной и Центральной Европе. Но главное — это то, что если Россия вновь станет агрессивной, свободная и прозападная Украина лишит ее способности восстановить сверхдержавную власть над ее бывшими сателлитами. Поддержка сильной прозападной украинской демократии и материально-техническая помощь стабильному украинскому государству могут создать преимущества не только для украинцев, но и для всей западной демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В референдуме 1 декабря 1991 г. приняли участие 84% имеющих право голоса. На Западной Украине (Ивано-Франковская, Тернопольская и Львовская области) за независимость проголосовало 96-98% принявших участие в референдуме, в Центральной Украине (Полтавская и Киевская области) — 95%, в русскоговорящей Одессе — 85%, в промышленном Донбассе — 76,8%, в Крыму — 54%. На президентских выборах Кравчук получил 61% голосов (при семи кандидатах).

² Подробные сведения о событиях, приведших к созданию украинской армии, см. Кэтлин Михаилеску. Украина добивается контроля над нестратегическими вооруженными силами. - "Radio Free Europe/Radio Liberty Research report", Jan. 24, 1992.

³ См. интервью генерал-полковника Бориса Пьянкова. — "Красная звезда", 7 марта 1992 г.

⁴ Сообщение первой программы Украинского радио (цит. в "Foreign broadcast Information service. Daily Report, Central Eurasia", March 31, 1992)

⁵ В опросе, проведенном в январе 1992 г., Кравчук получил рейтинг самого влиятельного политического деятеля в СНГ (см. "Независимая газета", 12 февраля 1992 г.)

⁶ Эти территории Румыния уступила Советскому Союзу в 1947 г. под угрозой применения силы; в 1944 г. они вновь были оккупированы войсками Сталина. Передача этих земель (где украинцы составляли большинство населения) Советскому Союзу была утверждена в 1947 г. Парижским мирным договором.

Роальд Сагдеев

**АТОМНЫЙ ШПИОНАЖ
И ДОГОВОР О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ
ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ**

Распад Советского Союза, одной из двух военных сверхдержав, создал реальную опасность распространения ядерных технологий. На Западе уже высказывались с тревогой относительно таких крайне нежелательных последствий как использование ядерного шантажа в межнациональных конфликтах, контрабанды расщепляющихся материалов из бывшего СССР и экспорта советских ядерных специалистов в страны с диктаторскими режимами.

До последнего времени эти мрачные сценарии имели скорее теоретический характер. Однако совсем недавно имела место реальная опасность нарушения Договора о нераспространении ядерного оружия, причем возникла она с совершенно неожиданной стороны. В России предполагалось частично открыть секретные архивы, содержащие документы об утечке в Советский Союз информации об американском ядерном оружии в первые годы его разработки. Осуществление этого проекта чуть было не привело к публикации данных, которые первоначально воспринимались как обладающие лишь чисто исторической ценностью, но в действительности могли бы обладать и немалой практической ценностью для государств, стремящихся к созданию собственных ядерных арсеналов.

Существует немалая ирония в том, что такое злоупотребление "гласностью" едва не произошло именно в бывшем Советском Союзе, где всегда чрезвычайно строго блюли свои ядерные секреты. Эта традиция восходит к главному палачу сталинской тайной полиции и одновременно куратору ядерных программ Лаврентию Берию.

Поэтому особенно примечательно, что недавние усилия по обнаружению хотя бы фрагментов материалов о советском ядерном шпионаже 40-х годов были предприняты не русскими либерально-демократическими кругами, а самим бывшим КГБ. Из высказываний участников этой истории следует, что работники спецслужб при этом руководствовались желанием "восстановить" историческую справедливость и добиться признания своих заслуг в качестве подлинных "героев советского ядерного чуда". В свое время органы советской госбезопасности, действительно, оказались в центре тайной деятельности по похищению американских ядерных секретов, так что у них были основания обижаться на недостаточную оценку их вклада в создание советского ядерного оружия. Об этом свидетельствуют недавние интервью бывших офицеров советской разведки, включая и высказывания подполковника Яцкова, когда-то руководившего советской агентурной сетью в Нью-Йорке.

Яцков участвовал в передаче в Советский Союз бесценных чертежей первой американской атомной бомбы, однако его труды на этом поприще были вознаграждены "всего лишь только" орденом Боевого Красного Знамени. Это отличие на несколько порядков уступало наградам, полученным ведущими советскими разработчиками ядерного оружия: из них несколько человек, включая научного руководителя программы Игоря Курчатова и его ближайших помощников Юлия Харитона и Якова Зельдовича, получили по три золотые звезды Героя социалистического труда. Возможно, стремление разведчиков вернуть себе достойное место в истории создания советского ядерного оружия отнюдь не случайно совпало с окончанием холодной войны — временем, когда перемены захватили и сам КГБ.

Пару лет назад в ультрапатриотической прессе, близкой к обществу "Память", например в журнале "Молодая Гвардия", уже появлялись статьи, авторы которых старались доказать, что подлинными спасителями отечества были доблестные русские разведчики, а отнюдь не физики, в силу своего еврейского происхождения по опреде-

лению не способные на истинный русский патриотизм. Политический смысл этих публикаций был совершенно очевиден: в них атаковали либерально мыслящую научную интеллигенцию — один из самых главных двигателей демократической революции в Советском Союзе.

Несмотря на все рвение авторов статей, их утверждения повисали в воздухе из-за отсутствия документальных доказательств. Все архивные материалы, относящиеся к этому "секрету века", по-прежнему хранились за семью печатями, несмотря на желание определенных кругов в КГБ изменить эту ситуацию.

Однако недавняя массированная кампания по раскрытию государственных и партийных архивов дала им новый шанс. С чьего-то разрешения (вероятно, исходившего из структур бывшего КГБ) Институту истории естествознания и техники Российской Академии наук был передан большой пакет секретных материалов по истории советского ядерного оружия. Нетрудно вообразить радость сотрудников института, лучших в Москве специалистов по истории науки, внезапно получивших столь царский подарок. Всего институт получил около трехсот документов, датированных 1942-1949 гг. (эти сведения получены автором от профессора Игоря Головина, с 1946 по 1960 г. работавшего заместителем директора Курчатовского института).

Полученные документы содержали информацию различной степени важности, хотя для историков материалов там более чем хватало. Когда работавшие с этими данными специалисты закончили их изучение, они, естественно, захотели опубликовать полученные ими результаты в своем профессиональном журнале "Вопросы истории естествознания и техники".

По чистой случайности, гранки уже полностью подготовленной к печати статьи о ранней истории советского атомного проекта попали к нескольким физикам, включая уже упоминавшегося Игоря Головина. Многие из материалов, на которых была основана эта работа, были ему известны, но даже он был удивлен, увидев их все собранными воедино. Во время работы над советской

атомной бомбой лишь три человека имели неограниченную возможность знакомиться с этими данными по мере их поступления: Сталин, Берия и Курчатов. Все прочие участники проекта получали лишь столько информации, сколько им было абсолютно необходимо для работы — все, что можно было засекретить, засекречивалось. В итоге тройка всезнающих хозяев проекта установила своего рода неписанный закон внутреннего нераспространения ядерных секретов.

Курчатов использовал получаемые из Америки разведанные двояким образом: для контроля и дополнительной проверки результатов его собственных сотрудников и для оценки вероятности того, что американские материалы содержат ложные сведения, специально заложенные туда для дезинформации. В кругах ведущих участников атомного проекта ходили легенды о том, как физики-теоретики из группы Курчатова, занимавшиеся расчетами первого советского уранового реактора, приносили ему свои только что законченные вычисления. Согласно этим рассказам, он смотрел на заключительные формулы, затем открывал свой сейф, сравнивал их с аналогичными американскими результатами, и говорил: "Нет, здесь у вас ошибка, нужно заново повторить все вычисления".

Некоторым физикам разрешалось знакомиться с американскими документами, но только с теми, которые имели прямое отношение к их собственным исследовательским темам. Так, одному из ведущих участников проекта Льву Арцимовичу показали данные по электромагнитному разделению изотопов, а другой помощник Курчатова, исключительно сильный экспериментатор Исаак Кикоин получил доступ к сведениям по технике разделения изотопов в центрифугах. Позднее группа Кикоина настолько улучшила эту технику, что, как считается, сама стала мировым лидером в этой области.

К чему же могла бы привести публикация документов из советских ядерных архивов? Речь тут должна идти о чем-то куда более важном, нежели сравнительные заслуги физиков и разведчиков. Технологии, приме-

нявшиеся для производства ядерного оружия, и сегодня представляют несомненный интерес для стран, желающих стать его обладателями, и именно защищенность этих технологий была поставлена на карту. Информация о технических деталях первой атомной бомбы могла бы содержать ценные сведения, облегчающие разработку аналогичного оружия. Более того, старую конструкцию было бы даже легче воспроизвести в какой-нибудь стране третьего мира, чем более современную. Режим вроде хусейновского был бы счастлив иметь такие материалы.

Физики из Арзамаса-16 поняли, какого рода сведения могут просочиться в открытую печать. Они немедленно запустили еще одну цепную реакцию, только на этот раз не ядерную, а телефонную. Головин позвонил академику Юлию Харитону, совсем недавно ушедшему с поста директора этого исследовательского центра. 87-летний академик, все еще пользующийся несомненным влиянием среди ядерных физиков, сразу оценил всю потенциальную взрывоопасность подготовленной статьи. Он, в свою очередь, связался с руководителем Минатома и бывшим сотрудником Арзамаса-16 Виктором Михайловым. В итоге было решено запретить распространение выпуска журнала "Вопросы истории естествознания и техники", содержащего эту статью. Интересно отметить, что формальное постановление об этом было санкционировано Службой внешней разведки Российской Федерации.

Хотя удалось не допустить поступления журнала в обращение, шум об "утечке" атомных секретов уже разнесся. По словам Головина, работавшие с архивными материалами историки признали, что они, предвкушая сенсационную публикацию, послали копии гранок в несколько газет, включая "Вашингтон Пост". Соответствующие российские власти без особого шума попросили редакции воздержаться от публикации любых технических деталей, которые могли бы создать угрозу утечки секретных данных по ядерным технологиям. В появившихся публикациях все такие сведения, действительно, были опущены; вместо этого акценты были сделаны на высказы-

ваниях подполковника Яцкова и его коллег из разведки. Впрочем, никаких новых имен осведомителей советской разведки в печать не проникло: информация этого рода так и не вышла из ее архивов.

Могли ли эти данные, если бы они были обнародованы, реально помочь режимам, желающим создать собственное ядерное оружие? Как мне кажется, на этот вопрос следует дать положительный ответ. Но, возможно, стоило бы также задуматься над тем, насколько важными оказались похищенные американские секреты для развития советских ядерных программ. Покойный академик Сахаров, тоже трижды Герой социалистического труда (эти награды были им получены за разработку термоядерного оружия) высказывался по этому поводу довольно скептически: "Единственный секрет атомной бомбы состоял в том, — сказал он как-то на семинаре в моем институте, — что ее вообще можно сделать". С другой стороны, по мнению академика Арцимовича, американские данные сократили работы над советской атомной бомбой примерно на год.

Здесь уместно вспомнить о психологическом эксперименте, задуманном летом 1945 г. Гарри Труменом и Уинстоном Черчиллем: во время Потсдамской конференции они сообщили Сталину о только что проведенном испытании первой американской атомной бомбы. Однако Сталин выслушал сообщение о создании нового небывало мощного оружия с каменным спокойствием. В одной из подготовленных для публикации в "Вопросах истории естествознания и техники" статей дается объяснение этому подозрительному безразличию Сталина. В центре этой статьи было описание главного документа из архива разведки, якобы содержащего подробный чертеж первой американской плутониевой бомбы, взорванной 16 июля 1945 г. на плато Аламогордо. Трумен и заподозрить не мог, что секрет этой бомбы стал известен Сталину еще до того, как о нем узнал он сам (Трумену доложили о ядерном проекте лишь после того как он неожиданно сменил Франклина Рузвельта на посту президента).

Первая советская атомная бомба, испытанная в августе 1949 г., была тоже плутониевой. Было ли это совпадением? Пока что нельзя с уверенностью сказать, видел ли до этого чертежи и схемы американской бомбы Юлий Харитон, бывший в те годы научным руководителем Арзамаса-16, где советская бомба была сконструирована и собрана. И вот через сорок семь лет после американского испытания, получившего кодовое имя "Тринити", он должен был решить, можно ли публиковать историческую работу, в которой воспроизводились эти документы.

Даже небольшая часть этой закулисной истории, просочившаяся в средства массовой информации, создала сложности для российских властей и подтолкнула ведущих ядерных физиков выступить в защиту своей поставленной под сомнение исторической роли в создании советского ядерного оружия. Возможно, именно поэтому правительство сочло необходимым предложить публике собственную интерпретацию событий прошлого. После нескольких недель колебаний и подготовки по первой программе телевидения 19 ноября 1992 г. была показана передача, которую можно считать официальной версией "создания российской бомбы".

После слов ведущего "А теперь перейдем к обсуждению очень деликатного вопроса о том, кто же у кого похитил атомные секреты", на экране появился сам академик Харитон, пожаловавшийся, что средства массовой информации публикуют высказывания "некоторых товарищей" о том, что советские физики якобы не изобрели сами ничего стоящего, получив ядерные секреты на блюдечке от сотрудников разведки. После этого ведущий сослался на Клауса Фукса, передававшего советским агентам ценнейшую информацию об американском атомном проекте, отметив при этом, что предоставленные Фуксом сведения сократили сроки разработки советской бомбы как минимум на два года. Он подчеркнул бескорыстие Фукса и отметил, что некоторые американские физики с самого начала настаивали на сотрудничестве с СССР в сфере ядерных исследований. Столь авторитетное, ис-

ходящее непосредственно из Арзамаса-16, признание роли американских данных ("сократили сроки разработки как минимум на два года") было сделано впервые.

Эта историческая дуэль науки со шпионажем разыгралась и применительно к созданию водородной бомбы. Здесь высказывания ряда "товарищей" из разведки были также поддержаны Яцковым, причем уже после того, как ультрапатриотическая пресса успела лишить Андрея Сахарова лавров создателя советского термоядерного оружия, приписав эту роль опять-таки КГБ. В той же передаче 19 ноября Харитон категорически отклонил все спекуляции такого рода. Признав, что американцы первыми (в 1954 г.) испытали водородную бомбу, он подчеркнул, что первая советская бомба, взорванная в 1955 г., была разработана совершенно независимо.

Хотя российские власти продолжают строго охранять основные секреты создания ядерного оружия, доступные публике высказывания некоторых главных участников тех событий содержат легко обнаруживаемые расхождения и сдвиги в акцентировке. Я не буду обсуждать свой непродолжительный опыт работы в Арзамасе-16 в 1955 г., однако в заключение поделюсь собственными выводами, относящимися к истории советского водородного оружия.

1. Подполковник Яцков признает, что американские доброжелатели сразу же и полностью прекратили сотрудничество с советской разведкой после августа 1949 г. Очевидно, они расценили успешное испытание советской атомной бомбы как доказательство того, что они сами вполне выполнили свой "моральный" долг помочь Советскому Союзу в восстановлении ядерного паритета. Тем не менее, Яцков настаивает на том, что он все же успел передать в Москву секрет будущей водородной бомбы.

2. Андрей Сахаров, присоединившийся к группе разработчиков термоядерного оружия в 1948 г., обнаружил, что первые работы в этой области были основаны на неверной идее, и потому не могли привести к успеху. В своей автобиографической книге он отмечал, что

сначала в Советском Союзе пытались разрабатывать раннюю американскую концепцию осуществления термоядерного взрыва, похищенную разведкой, — как оказалось впоследствии, совершенно ошибочную. По всей вероятности, именно эта модель, автором которой считается Эдвард Теллер, и была получена Яцковым в годы его работы в США. В своей книге Сахаров описывает напряженные, но бесплодные попытки арзамасских физиков по осуществлению этой идеи. Позднее Сахаров развил совершенно новый подход к этой проблеме, который и привел к практическим успехам.

В этом смысле все усилия советской разведки по получению информации об американских термоядерных разработках оказались не только бесполезными, но фактически привели к результатам, обратным ожидавшимся. Возможно, это дает основание вздохнуть с облегчением: ведь если данные из советских секретных архивов, относящиеся к так называемым секретам американской водородной бомбы, будут тем или иным образом опубликованы, они не нанесут особого ущерба международной безопасности и не поставят под удар Договор о нераспространении ядерного оружия.

* * *

Хотя российским властям и удалось предотвратить публикацию технических данных о первой американской атомной бомбе, сам этот инцидент наводит на нелегкие размышления. Политический хаос, ослабление дисциплины и неимоверное усиление коррупции в бывшем Советском Союзе уже вызвали во всем мире серьезную озабоченность относительно охраны ядерных технологий. Как показывает вся эта история, режим нераспространения может нарушаться совершенно неожиданным образом. Сам Договор о ядерном нераспространении также открывает немало возможностей для обхода содержащихся в нем запретов посредством экспорта вспомогательных ядерных технологий. Приближается 1995 год, а с ним — заключение нового договора. В свете этого и в свете глубоких гео-

политических сдвигов, происходящих в наше время, проблема обеспечения нераспространения ядерного оружия заслуживает нового серьезного изучения.

**Заказы на журнал
"Проблемы Восточной Европы"**

посылать по адресу:

**PROBLEMS OF EASTERN EUROPE
P.O. Box 6005
Washington, D.C. 20005-0078**

